

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

92

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

92

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1962

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии

*Е. А. Векилова, Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Е. И. Крупнов,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Т. Г. Оболдуева (отв. секретарь),
Д. Б. Шелов* и секретари секторов ИА АН СССР

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

А. Н. РОГАЧЕВ

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА
РУССКОЙ РАВНИНЫ

В условиях значительного накопления археологических материалов и острых дискуссий по ряду основных вопросов археологии и четвертичной геологии нелегко подвести краткие итоги изучения палеолита на огромной территории Европейской части СССР. Тема эта сложна, потому что собранные археологические и антропологические материалы в большинстве своем отрывочны и размещение их в хронологической последовательности затруднено. Не выработана еще единая стратиграфическая схема четвертичных (антропогенных) отложений, что затрудняет хронологическое сопоставление материалов.

Однако успехи археологии, а также геологии и палеогеографии в изучении раннего голоцена и позднего плейстоцена в связи с применением микропалеоботанического, радиоуглеродного и других методов, открывают новые перспективы и позволяют охарактеризовать основные вопросы и главные направления исследований.

Начнем с проблемы геологической датировки палеолита.

За последние годы систематическое и непосредственное участие в изучении палеолита Русской равнины принимают многие геологи-четвертичники: В. И. Громов, М. Н. Грищенко, И. Г. Пидопличко, И. К. Иванова, А. И. Москвитин, А. А. Величко, А. Д. Колбутов, Л. Н. Вознячук, Л. Д. Шорыгина и др.

Большой интерес к изучению палеолита проявляет комиссия по изучению Четвертичного периода, в изданиях которой появляются статьи и важные работы по палеолиту. Археологи вместе с геологами и палеогеографами участвуют в разработке стратиграфической шкалы четвертичных отложений Русской равнины.

Значительных успехов следует ожидать от усиления палеопедологических исследований, успешно начатых в бассейне Десны А. А. Величко¹. На этом же пути А. И. Москвитину, с нашей точки зрения, удалось хронологически сопоставить основные археологические памятники Русской равнины с памятниками Чехословакии и Польши. При этом он пришел к тем же выводам, что и подавляющее большинство археологов и геологов Европы: «культурные остатки среднего и верхнего палеолита находят свое определенное место лишь в верхнем отделе плейстоцена»². Стратиграфическая

¹ А. А. Величко. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. М., 1961.

² А. И. Москвитин. По следам палеолита и погребенным почвам через Днестр в Чехословакию. Труды КИЧП, т. XVIII, 1961, стр. 171.

схема А. И. Москвитина, основанная на геологических, геоморфологических и палеопедологических наблюдениях, согласно которой культурный слой Волгоградской стоянки (Сухая Мечетка) относится к началу калининского оледенения, оказывается наиболее приемлемой с точки зрения правильного понимания процесса развития палеолитической культуры в Европе.

Следует отметить также оживление исследований палеолита в Белоруссии, где В. Д. Будько, работающему в тесном контакте с Л. Н. Вознячком, удалось заново исследовать почти все верхнепалеолитические стоянки, которые оказались не древнее позднечюмского времени. Им удалось также геологически датировать бёллингским (аллерёд I) временем известную Гренскую стоянку, характеризующуюся инвентарем ранней свидерской культуры. Для изучения позднего (голоценового) палеолита важное значение имеет разработанная литовскими палеогеографами детальная и обстоятельная схема позднего плейстоцена и голоцена Литвы; при соответствующих работах она может быть легко увязана со схемой отложений на обширной территории северо-западной части Русской равнины³.

В области расширения собственно археологических исследований последних лет очень важно открытие на границе с Азией двух памятников эпохи верхнего палеолита. При обследовании Медвежьей пещеры научным сотрудником Коми филиала Академии Наук СССР В. И. Канивец и Б. И. Гуслицер удалось найти несколько каменных орудий, несколько десятков расщепленных кремней и угли вместе с костями мамонта, носорога, овцебыка, дикой лошади и других животных. Пещера эта находится в Троицко-Печорском районе Коми АССР, в верховьях Печоры, в предгорьях Северного Урала. Она располагается на широте г. Петрозаводска, примерно в 500 км севернее г. Перми, в районе которого до сих пор была известна самая северная палеолитическая стоянка в Европе — Островская им. Талицкого.

Второй недавно открытый памятник — Капова пещера (или пещера Шульганташ) в горном районе Южного Урала, в верховьях р. Белой на территории Башкирского заповедника. На стенах пещеры А. В. Рюминым и О. Н. Бадером обнаружены крупные красочные силуэтные рисунки — изображения нескольких мамонтов, носорога и дикой лошади, — относящиеся к концу эпохи верхнего палеолита.

Оба памятника по-новому осветили относительно недавно вставшую в нашей науке проблему палеолита Урала и Приуралья и явились важными фактами в изучении палеолита Европы и Северной Азии, свидетельствующими, с одной стороны, о древнем заселении высоких северных широт Старого Света, а с другой — о существовании палеолитической стеной пещерной живописи и в горных районах Урала. Значение этих памятников для изучения палеолита Русской равнины огромно. Они несомненно приведут к оживлению исследований палеолита Урала и Приуралья, успешно начатых в конце 1930-х годов М. В. Талицким и С. Н. Бибиковым⁴.

Отсылая читателя к сводке Н. А. Береговой, где легко можно найти краткую и обстоятельную справку о всех, в том числе недавно открытых стоянках⁵, отметим лишь Волгоградскую стоянку (Сухая Мечетка) мустьерского времени, исследованную С. Н. Замятиным в 1951—1954 гг.⁶

---

³ В. К. Гуделис. Основные черты стратиграфии и палеогеографии голоцена Литвы. Труды совещания по изучению четвертичных отложений Прибалтики и Белоруссии. Вильнюс, 1957.

⁴ Ограничивая свою работу вопросами палеолита Русской равнины, автор по необходимости оставляет в стороне Сибирь и Среднюю Азию, где, однако, за последние годы также сделано много важных открытий (работы А. П. Окладникова и его сотрудников).

⁵ Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. МИА, № 81, 1960.

⁶ С. Н. Замятин. Сталинградская палеолитическая стоянка. КСИА АН СССР, № 82, 1961, стр. 36.

Волгоградская позднемустьерская стоянка оказалась в центре внимания археологов, геологов и палеогеографов, потому что исследование ее позволяет яснее и полнее представить многие проблемы истории культуры и природы в эпоху антропогена на Русской равнине, шире поставить вопрос о геологическом возрасте палеолита Русской равнины. Это нашло соответствующее выражение в материалах и резолюции Совещания по принципам стратиграфии и периодизации палеолита Восточной Европы, состоявшегося в сентябре 1959 г.⁷ Следует отметить, что С. Н. Замятнин оставил нам предельно ясно сформулированную свою точку зрения на геологический возраст памятника. Волгоградская стоянка, по его мнению, не древнее начала хвалынского времени, т. е. несомненно позднеплейстоценовый памятник.

Пополнить представления о мустьерской культуре на Русской равнине и облегчить решение вопроса о геологическом возрасте палеолита должна открытая Н. Д. Прасловым в 1961 г. и обследованная М. Н. Грищенко Рожокская стоянка мустьерского времени, находящаяся в 45 км к западу от Таганрога, на побережье Азовского моря. Стоянка эта, по предварительным сообщениям Н. Д. Праслова и М. Н. Грищенко, относится к среднемустьерскому времени и залегает в равнозначных Волгоградской стоянке геологических условиях.

Что касается верхнего палеолита, в частности его происхождения, то ключом к пониманию проблем верхнепалеолитической культуры с давних пор были раскопки в Костенках.

Сочетание собирательно-источниковедческой археологической работы с опытом исторического осмысления накапливаемого материала было одной из характерных черт работы Костенковских экспедиций. Уже в результате первых систематических работ 1921—1927 гг. С. Н. Замятнина и П. П. Ефименко, последним была опубликована достаточно детальная схема русского палеолита, первый опыт хронологической классификации памятников Европейской части СССР, на основе которой с незначительными дополнениями и изменениями успешно развивалась наука до начала 1950-х годов. В 1930-х годах вместе с накоплением материалов по палеолитическим жилищам и разработкой методики их исследования, опять-таки в Костенках и под руководством П. П. Ефименко, в центр внимания почти всех исследователей палеолита встала проблема общественного строя древнейшего населения нашей страны и достигнуты затем важные успехи в ее разрешении.

В послевоенные годы в связи с изучением многослойных открытых стоянок в Костенковско-Боршевском районе, где сосредоточены памятники многих стадий и ступеней развития верхнепалеолитической культуры, возникла дискуссия по вопросу развития культуры на Русской равнине, продолжающаяся и в настоящее время.

Непрестанное внимание исследователей палеолита к Костенкам объясняется обилием памятников хорошей сохранности, часто многослойных, содержащих остатки жилищ, произведения искусства, костяные и каменные орудия. За последние годы в Костенках найдены палеолитические погребения, пока единственные и древнейшие на огромных пространствах равнинной части Восточной Европы.

Второй важный опорный район изучения палеолита Русской равнины возник в 1930-х годах на западной окраине Средне-Русской возвышенности, в бассейне среднего течения Десны, где М. Я. Рудинский, М. В. Воеводский, К. М. Поликарпович и другие собрали столь же важные материалы. Здесь открыты остатки жилищ; собраны прекрасные коллекции каменных

---

⁷ «Вопросы стратиграфии и периодизации палеолита Восточной Европы». Труды КИЧП, т. XVIII, 1961, стр. 13—14, 148—151, 165—167, 173—175, 257—259 и др. Здесь изложены взгляды геологов-четвертичников (В. И. Громов, Е. В. Шанцер, М. Н. Грищенко и др.), продолжающих отстаивать рижский возраст более ранних этапов мустьерской культуры и начала верхнего палеолита. Дискуссия еще не закончена.

и костяных орудий и произведений искусства. Особо следует отметить работы И. Г. Шовкопляса, который продолжил исследования выдающегося памятника европейского палеолита — знаменитой Мезинской стоянки⁸. А. А. Спицыну и В. А. Городцову принадлежит заслуга правильной оценки Мезинской стоянки. Они увидели в оригинальности мезинского искусства своеобразные черты в развитии палеолита Восточной Европы⁹. С исследованием и интерпретацией Костенковской и Мезинской стоянок связаны многие важные достижения в изучении палеолита, начиная с работ И. С. Полякова и Ф. К. Волкова.

Третьим опорным районом по изучению палеолита Русской равнины стал Средне-Днестровский, благодаря большим успехам А. П. Черныша и геолога И. К. Ивановой в исследовании многослойных стоянок у с. Молодова в Кельменецком районе, Черновицкой области. Молодовские многослойные стоянки позволили проследить постепенное развитие палеолитической культуры от позднемустьерского до позднемаденского времени.

Молодовские стоянки V и I в нижней части культурных отложений сохранили тождественные нижние культурные слои позднемустьерского времени. В нижнем мустьерском слое Молодовы I обнаружены и тщательно исследованы остатки жилища — большое скопление костей мамонта и отложившиеся на полу жилища скопления культурных остатков обитания, в том числе осколки костей, расщепленные кремни и большое число каменных орудий. Этот тип жилища, возникший в эпоху среднего палеолита, существует, по-видимому, до конца эпохи верхнего палеолита и пропадает на Русской равнине вместе с исчезновением мамонта. В мустьерскую эпоху появляются каменные терочники; в Молодове они песчаниковые и в более развитом виде свойственны всем верхнепалеолитическим слоям Молодовы V; есть они на многих других памятниках Днестра и в Чулатове II на Десне. Развитие этого типа каменных орудий свидетельствует об усложнении способов собирательства — добывания пищи. Оба эти факта опровергают вывод о якобы принципиальном различии мустьерской и верхнепалеолитической культур и о «стадном образе» жизни людей в мустьерскую эпоху.

Мустьерские слои в Молодове V перекрыты серией верхнепалеолитических слоев, отражающих, по мнению А. П. Черныша, II, III, IV, V, VI и VII ступени развития культуры. В хронологических построениях А. П. Черныша некоторые сомнения вызывает его ориньякская (I) ступень, представленная всего лишь одним памятником Бабин I (урочище Яма). Несомненных геологических доказательств столь глубокой древности этого памятника нет. Преобладание костей северного оленя выделяет его из группы ранних верхнепалеолитических слоев Молодовы V и объединяет (именно по этому признаку) с памятниками III и IV ступеней А. П. Черныша, чему не противоречит в целом и состав инвентаря первого стойбища Бабин I¹⁰.

⁸ См. КСИМК АН СССР, вып. XXXI, 1950 и вып. 82, 1961; П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953; гл. VIII, IX; А. А. Величко. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. М., 1961, стр. 1—296; сб. «Палеолит и неолит Украины». Киев, 1947; И. Г. Шовкопляс. Жилища Мезинской стоянки. КСИА АН УССР, вып. 6, Киев, 1956, стр. 3—12; его же. Нижний горизонт Мезинской палеолитической стоянки. КСИА АН УССР, вып. 8, Киев, 1959; его же. Некоторые итоги исследования Мезинской позднепалеолитической стоянки. СА, 1957, № 4, стр. 99—115; МИА, № 39, стр. 137—226.

⁹ А. А. Спицын. Русский палеолит. Зап. отд. Русской и славянской археологии. РАО, т. XI, Пгг. 1915, стр. 171—172; В. А. Городцов. Археология, т. I. Каменный период. М., 1923, стр. 277—285.

¹⁰ А. П. Черныш. Поздний палеолит Среднего Поднестровья. Труды КИЧП, т. XV, 1959; И. К. Иванова. Геологические условия нахождения палеолитических стоянок Среднего Поднестровья. Там же; А. П. Черныш. Результаты новейших исследований палеолита Днестра. Четвертичный период, вып. 13—15. Изд. АН УССР, Киев, 1961, стр. 377—384; его же. К вопросу о мустьерских жилищах. КСИА АН УССР, вып. 10, Киев, 1960, стр. 3—10.

Оценивая значение памятников Поднепровья с точки зрения решений проблемы развития культуры в эпоху верхнего палеолита в Восточной Европе, необходимо подчеркнуть два существенных обстоятельства. Во-первых, молодовская колонка верхнепалеолитических культурных слоев, отражающая развитие единой среднеднепровской культуры от позднего мустье до позднего мадлена, весьма своеобразна по сравнению с соседними областями развития верхнепалеолитической культуры — в Крыму, на Средне-Русской возвышенности и в Центральной Европе. Во-вторых, процесс развития культуры на протяжении всей эпохи верхнего палеолита на Среднем Днестре протекал спонтанно, без выраженного влияния соседних областей. В этом смысле можно говорить о единой среднеднепровской культуре, развивавшейся автохтонно на юго-западной окраине Русской равнины. В противоположность этому на Среднем Дону, в Костенковско-Боршевском районе фиксируется неавтохтонный характер культуры, что следует объяснить центральным положением района на обширном пространстве Русской равнины. На памятниках Костенковско-Боршевского района удается проследить отдельные элементы культуры Ильской и Чокурчинской стоянок (в памятниках костенковско-сунгирьской культуры). Элементы культуры Сюрени I чувствуются в среднем слое Костенок I и, наконец, элементы культуры западно-грузинских стоянок через памятники нижнего течения Дона достигают Костенковско-Боршевского района, где на стоянке Бирючий лог отмечены микропластинки с плоской ретушью концов со стороны брюшка (типа Гварджилас-кде). Элементы палеолитических культур Кавказа на Русской равнине прослеживаются на протяжении всей эпохи палеолита и особенно в эпоху верхнего палеолита, так как процесс отлива населения из южных районов в северные совершался, по-видимому, постоянно.

Прямое и непосредственное отношение к изучению палеолита Русской равнины имеют успешные исследования в Крыму и на Кавказе, хотя процесс развития верхнепалеолитической культуры там совершался по-разному. Связь в развитии культуры этих территорий естественна, поскольку первоначальное заселение Русской равнины совершалось из южных районов, и в более позднее время южные культурные элементы проникали далеко к северу. При исследовании палеолита М. Д. Гвоздовер на Нижнем Дону и раскопках стоянки Бирючий лог (Костенки IX), относящейся к поздней поре верхнепалеолитического времени, удалось проследить элементы закавказской верхнепалеолитической культуры в центре Русской равнины¹¹.

Как видно из всего сказанного, накопление археологических фактов непременно влечет и углубленное понимание палеолитической культуры и всей этой эпохи в истории нашей страны. По мнению советских археологов, комплекс каменных орудий и других остатков, собранных на месте древних поселений в процессе раскопок, или даже отдельная вещь, найденная в известных условиях, представляют собой многогранный исторический источник, способный характеризовать различные стороны жизни людей древности.

Такое понимание задач археологии обеспечило то, что в десятилетие 1930-х годов советские археологи открыли, разработали и освоили важный источник истории первобытной культуры — остатки палеолитических жилищ и поселений¹². Открытие и детальное исследование достоверных остатков верхнепалеолитических жилищ на Гагаринской, Костенковской, Тельманской, Александровской, Гонцовской, Пушкаревской и других стоянках

¹¹ М. Д. Гвоздовер. Разведки палеолита на Нижнем Дону в 1957—1958 гг. Изв. Ростовского музея краеведения, № 1 (3), Ростов-на-Дону, 1959, стр. 8—10.

¹² П. П. Ефименко. Значение женщины в ориньякскую эпоху. Изв. ГАИМК, т. XI, вып. 3—4, 1931, стр. 26—72; его же. Костенки I. М.—Л., 1958; А. Н. Рогачев. Раскопки палеолитических стоянок и погребений. Известия на Археологический институт, кн. XXII, София, 1959, стр. 4—5.

Русской равнины, а также на сибирских палеолитических стоянках в Мальте, Бурети и на Афонтовой горе позволило не только изучать историю жилища как историко-культурный вопрос, но и поставить исследования в области социальной жизни древнейшего населения Европы и Азии.

Изучение остатков палеолитических жилищ и поселений как мест сосредоточения производственной, домашне-хозяйственной и общественной жизни древних общин позволило советским археологам внести ценный вклад в марксистскую историческую науку, позволило полней охарактеризовать первобытнообщинный строй как первый строй общественной жизни древнейшего населения Европы. Изучением жилищ и поселений были внесены качественно новые моменты в исследование всех сторон первобытной культуры, в частности, например, правильно оценены такие выдающиеся произведения древнего искусства, как широко распространенные в Европе и Азии небольшие женские статуэтки.

Тогда же, в 1930-е годы, советские исследователи палеолита, собрав большое количество произведений первобытного искусства (в частности, женских статуэток), нашли еще один путь к раскрытию условий социальной и духовной жизни древнейшего населения Европы. Исследование жилищ и поселений позволило определить родовой строй древнего общества и помогло понять сущность широко распространенного в верхнепалеолитическое время образа женщины-матери. Художественная законченность образа женщины-прародительницы и высокое мастерство воплощения в камне и кости подчеркивают огромное значение материнской линии¹³ родства; заставляют думать о раннем возникновении этого образа и длительном периоде его предшествующего развития. Образ женщины-матери в искусстве палеолита отражает укрепляющуюся идеологию первобытнообщинного матриархально-родового строя. Художественная деятельность творцов этого образа определялась потребностью укрепления возникающих общественных отношений.

В процессе изучения первобытного искусства большое внимание уделялось образу «зверя»; была уточнена связь его с главным в жизни людей: со способом добывания средств к жизни — охотой. По нашему мнению, в образе зверя следует видеть отражение реального познания людьми окружающей природы, в образе женщины-прародительницы — отражение осознания кровно-родственных связей, существовавших в общественной среде. Лишь по мере усложнения духовной жизни людей с этими образами связываются различные религиозные представления. Разумеется, что такие сложные вопросы, как возникновение искусства, остаются еще не решенными окончательно, и мы здесь подчеркиваем лишь главное направление к выяснению этих вопросов.

К выяснению роли и значения социальных условий жизни палеолитического населения Европы советские археологи приблизились и с другой стороны. С. Н. Замятнин, разрабатывая вопрос о возникновении местных (локальных) различий в культуре палеолитического периода, пришел к необходимости обособления и выделения этих особенностей, определяющихся, во-первых, воздействием природной среды и, во-вторых, общественной средой, т. е. социальным бытием людей¹⁴.

Правильное понимание значения и роли общественной среды в качестве первопричины, определяющей развитие культуры в эпоху верхнего палеолита, было и в работах В. А. Городцова. К выводу об этнографических особенностях культуры европейского населения в мадленское время он пришел путем анализа палеолитического искусства, толчком же было открытие Мезинской стоянки. Это позволило ему правильно выделить три больших

¹³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1937, гл. II.

¹⁴ С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Труды ИЭ, т. XVI, 1951, стр. 96—98.

области¹⁵ своеобразного развития культуры в мадленское время внутри европейской приледниковой зоны: приатлантическую, дунайскую и восточно-европейскую.

С. Н. Замятниным было затем четко сформулировано положение об определяющей роли социальной среды в развитии палеолитической культуры, на основе чего он смог сделать другие важные выводы, в частности, о конвергентности процессов развития верхнепалеолитической культуры в Европе и Северной Азии. Соответствие в идеологических представлениях у палеолитического населения Европы и Северной Азии, выразившееся в оригинальном оформлении женских фигурок, по С. Н. Замятнину, было вызвано не миграцией и не взаимным культурным влиянием, а сходными условиями хозяйственного и общественного развития¹⁶.

На тот же вывод об определяющей роли общественной (социальной) среды в развитии верхнепалеолитической культуры натолкнул автора данной статьи факт «культурной пестроты» на костенковских многослойных стоянках, в частности, на Александровской (Костенки IV), где необычно и странно остатки поселения с длинными жилищами и с инвентарем мадленского времени были смешаны, а отчасти и перекрыты остатками поселения с круглыми жилищами с солютрейским инвентарем. Различия типов жилищ, приемов обработки кремня, камня и кости и различный состав инвентаря этих очень близких друг другу по времени памятников были объяснены не принадлежностью их к различным стадиям или периодам верхнего палеолита, а принадлежностью оставивших их общин к различным племенам, обитавшим в одно и то же время на Русской равнине без тесной связи друг с другом. Это и наложило печать этнографического своеобразия на культуру обоих племен, сложившуюся и развивавшуюся в соседних районах независимо друг от друга. Влиянием близкой им по времени костенковско-авдеевской культуры объясняются находки мергелевых фигурок животных в верхнем горизонте¹⁷.

Дальнейшее исследование многослойных стоянок в Костенках, при которых выявилась система залегания верхнепалеолитических культурных слоев, отличная от французской схемы, позволило сделать вывод о сосуществовании множества типов кремневого инвентаря в эпоху верхнего палеолита. Для Костенковско-Боршевского района это факт, о котором свидетельствует положение слоев в Костенках I, IV, на Аносовке II, Маркиной горе и других стоянках¹⁸. Множественность типов кремневого инвентаря определяется в конечном счете действием закона неравномерности культурного развития, господствовавшего в первобытные времена так же, как и во все последующие периоды истории в условиях отсутствия или недостаточной связи отдельных обществ. Следовательно, правильное решение проблемы развития культуры в эпоху верхнего палеолита зависит, с одной стороны, от осознания определяющей роли общественной (социальной) среды, порождающей местные этнографические черты культуры, а с другой, от правильного решения вопроса об относительной древности памятников.

Ошибочные выводы о примитивности общественной организации палеолитического населения Европы и, в связи с этим, об определяющем влиянии на его общественный строй окружающей природной среды послужили причиной возникновения и распространения среди археологов стадияльно-схематической концепции развития культуры и общества в эпоху палеолита. Концепция эта в законченном виде появилась в советской литературе вместе

¹⁵ В. А. Городцов. Археология, т. I. Каменный период, 1923, стр. 262—285.

¹⁶ С. Н. Замятнин. Указ. соч., стр. 145.

¹⁷ А. Н. Рогачев. Александровское поселение..., МИА, № 45, стр. 133.

¹⁸ А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, № 59, 1957; его же. Об относительной древности верхнепалеолитических стоянок Средне-Русской возвышенности. Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода, т. I, 1961, стр. 397.

с изданием в 1934 г. труда П. П. Ефименко «Дородовое общество»¹⁹, сыгравшего в то время важную роль в развитии советской археологии. Эта концепция сохранилась и в последующих переработанных изданиях этого труда²⁰.

Однако на самом деле в числе факторов, определяющих местные региональные особенности развития культуры в эпоху верхнего палеолита, решающее значение принадлежит общественной жизни людей. Решающая роль социальных условий в развитии палеолитической культуры определяется общественной сущностью человечества, господством первобытно-общинного строя и зарождающихся на этой основе родовых (племенных), в конечном счете и этнических, традиций в производстве, культуре и быту. Как бы ни была сложна динамика общественной жизни первобытных общин, археология, совершенствуя приемы сбора и суммирования материалов, методы их анализа, изучая окружающую природную среду, восстановит главные черты жизни, культуры и быта населения исследованных территорий и всесторонне познает законы развития производства, общественной жизни и культуры первобытного населения Европы.

Для познания основ первобытного производства, определяющего развитие культуры, советские исследователи палеолита пристально изучали формы хозяйства людей древнекаменного века. В первую очередь были привлечены и исследованы материалы, характеризующие охотничью деятельность людей. В результате плодотворных дискуссий советские археологи пришли к важным выводам, подтверждающим марксистские положения развития первобытного общества: во-первых, об изначальности форм коллективной охоты²¹ с применением дубины и рогатины, а позднее огня, на крупных копытных толстокожих; во-вторых, о появлении и развитии метательных орудий в конце среднего палеолита и дальнейшем развитии техники метательных орудий в эпоху верхнего и позднего (голоценового) палеолита²².

За последние годы накапливаются материалы, освещающие и второй главный источник добывания средств к жизни — собирательство, которое всегда сопутствовало охоте, а в определенных условиях могло быть и единственным источником добычи пищи. Судя по находкам камней-терочников (А. П. Черныш) в мустьерских слоях Молодовских стоянок, у некоторых племен очень рано возникают усложненные формы собирательства, связанные с доставкой пищи на стоянки и ее соответствующим приготовлением.

В заключение остановимся на неотложных задачах изучения эпохи древнекаменного века на обширных пространствах Русской равнины.

Первое, что здесь следует отметить — необходимость уточнения периодизации и терминологии. Так, например, термин мезолит безусловно, искусствен. Подобно тому, как в определении эпохи палеолита обходятся без понятий «археолит» и «лептолит», следует подразделить эпоху древнекаменного века (палеолита) на следующие четыре этапа, названия которых до недавнего времени были общеупотребительными в советской археологии: 1 — древний палеолит, 2 — средний палеолит, 3 — верхний палеолит, 4 — поздний палеолит. Понятие поздний палеолит должно быть тождественно понятию голоценовый палеолит, который и называется обычно мезолитом. За начало голоцена обычно принимается начало пребореального периода, что соответствует примерно началу VIII тысячелетия до н. э. С нашей точки зрения это терминологическое уточнение должно привести к исключению из оборота искусственного и лишнего понятия «среднекаменный век».

¹⁹ П. П. Ефименко. Дородовое общество. М.—Л., 1934 г.

²⁰ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 622.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 681. Черновые наброски письма Маркса В. И. Засулич.

²² С. Н. Замятин. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита. Труды ИЭ, т. LIV, 1960.

В соответствии со стремлением к уточнению понятий и терминов необходимо разработать вопрос о способах определения и исследования топонимов в наименовании культур. Необходимо приступить, с учетом достижений советской и зарубежной науки, к составлению детальной номенклатуры каменных орудий палеолита Восточной Европы с определением их форм и функций. Нужно дать не только морфологическую (типологическую) схему инвентаря, но и его функциональное осмысление методами С. А. Семенова.

Задачи геологических исследований палеолита Восточной Европы достаточно верно, четко и подробно были определены в резолюции Совещания по стратиграфии палеолита Восточной Европы, состоявшегося в октябре 1959 г. Путь к полному взаимопониманию с нашими западными соседями, принимавшими участие в этом Совещании, лежит через ликвидацию пробелов в изучении четвертичных отложений в районах концентрации палеолитических стоянок. Наша первейшая задача — продолжение геологических исследований в Костенковско-Боршевском районе, в бассейне Десны, Днепра и Днестра. Необходима обработка всех материалов по среднему, верхнему и позднему палеолиту Днепровского Надпорожья. Необходимо добиться постоянной работы по обобщению материалов по формам хозяйства (охота, собирательство, рыболовство) в древнекаменном веке. Только на этой основе можно выяснить вопросы возникновения скотоводства и земледелия. Неотложной задачей ближайших лет должна быть как можно более полная публикация материалов Тимоновской, Елисеевичской, Юдиновской, Авдеевской, Островской им. Талицкого стоянок и некоторых других памятников.

Проблема истории культуры доземледельческого населения Европы сложна, обширна и многогранна. Но бесспорно и то, что во многих странах накопленных материалов стало уже достаточно для всестороннего исследования и освещения актуальных вопросов истории культуры и возникновения человеческого общества.

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

А. Н. РОГАЧЕВ

ОБ АНОСОВСКО-МЕЗИНСКОМ ТИПЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ
ЖИЛИЩ НА РУССКОЙ РАВНИНЕ

В полевые сезоны 1960—1961 гг. археологическая экспедиция в Костенках продолжала исследование многослойной палеолитической стоянки Аносовка II (Костенки XI), открытой в 1951 г. и исследовавшейся в 1956 г.¹

Дополнительно к известной в печати общей характеристике этого выдающегося многослойного памятника следует добавить, что в недостаточно еще разведанном нижнем, пятом сверху культурном слое был найден типичный двухсторонне обработанный плоской ретушью кремневый треугольный наконечник копья с вогнутым основанием костенковско-стрелецкой типа. Открытие нового памятника костенковско-стрелецкой культуры в основании мощной толщи напластований Аносовской стоянки ставит ее в один ряд по научной значимости с таким первоклассным многослойным памятником, как Костенки I (стоянка Полякова), где нижний, тоже пятый культурный слой был принят нами вместе со Стрелецкой II стоянкой в качестве топонима костенковско-стрелецкой культуры, характеризующейся треугольными наконечниками с вогнутым основанием².

При исследовании верхнего культурного слоя в пункте А на Аносовской стоянке была расчищена часть развалин большого наземного жилища, построенного с использованием костей мамонта. Несмотря на то, что расчистка жилища еще не закончена и многое, следовательно, остается неясным, мы решили опубликовать этот предварительный отчет о работах в виду большой важности наблюдаемых фактов³.

¹ А. Н. Р о г а ч е в. Раскопки Костенок I. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 8—9; его же. Аносовка II—новая многослойная стоянка в Костенках. КСИА АН СССР, вып. 82, 1961, стр. 86—96.

² А. Н. Р о г а ч е в. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района и проблема развития культуры в эпоху верхнего галеолита на Русской равнине. МИА, № 59, 1957, стр. 121.

³ В состав экспедиции входили лаборанты ЛОИА Г. В. Григорьева, Г. П. Григорьев, аспирант У. Исламов, студенты: Чи Вань-Тан (МГУ), Н. К. Анисюткин, В. П. Третьяков (ЛГУ), М. П. Малышева (Воронежск. Гос. Унив.); студенты Воронежского пединститута (21 человек), Минского Гос. Унив. (11 человек) и опытные, неоднократно участвовавшие в прошлые годы в работе экспедиции студенты Истфилфака Воронежского пединститута Н. В. Николаева, В. А. Петроленков, Г. Рассохин, И. Н. Швандрагулин, Н. И. Кучин, Р. Н. Симонова и другие, составившие основное ядро лаборантов экспедиции. В работах экспедиции принимал участие Н. К. Верещагин. Автор считает долгом выразить глубокую благодарность руководителю археологического кружка Воронежского пединститута доценту А. Ф. Шокову, воспитавшему у студентов глубокий интерес к древней истории нашей Родины. Считаю необходимым также выразить глубокую благодар-

Рис. 1. Аносовка II. Развалины жилища, построенного с использованием костей мамонта. Слева три крупных ямы, вырытых рядом с жилищем.

Вскрытая раскопом часть большого скопления костей мамонта не оставляет никакого сомнения в том, что это остатки жилища, в целом удовлетворительно сохранившегося, сооруженного в конце плейстоцена. При возведении его использовано большое число трубчатых, плоских и других костей мамонта (рис. 1). Сохранность и характер развалин таковы, что не возникает сомнения в целесообразной выкладке костей мамонта и определенном порядке их залегания, хотя, разумеется, уже с некоторым нарушением системы, приданной строителями жилища при сооружении.

Скопление костей на месте развалин жилища — это единое сложное нагромождение костей мамонта — трубчатых и плоских, черепов, нижних челюстей и других — всего в количестве 400 штук, принадлежащих не менее, чем 26 особям. Кости других животных не были использованы при сооружении жилища.

Определенный порядок размещения костей проявляется, во-первых, в их группировании вокруг слегка углубленной в землю части жилища; во-вторых, в наличии по краю жилища сплошного кольца мощного нагромождения костей, состоящего в то же время как бы из отдельных (плотно прилегающих друг к другу) групп (секций) костей, и, в-третьих, в том, что с внутренней стороны кольцевого нагромождения обнаружены черепа мамонтов, расположенные парами против каждой обособленной группы костей. Сохраняя непрерывность, кольцевое нагромождение четко подразделяется на отдельные группы и более крупные секции, характеризующиеся своеобразием устройства: подбором определенных костей, порядком их залегания.

В соответствии с этими группами приводим краткое описание развалин.

1. Восточная группа плохо сохранившихся костей характеризуется преобладанием нижних челюстей.

ность директору Воронежского краеведческого музея Л. А. Машневу, взявшему на себя заботу по сооружению павильона с целью сохранения развалин жилища и примыкающего участка поселения.

2. Юго-восточная группа из плоских костей тазовых и лопаток) и из двух черепов. С другой, внутренней стороны на некотором расстоянии от черепов располагается вторая юго-восточная группа костей, вытянутая в цепочку.

3. Южная группа плоских костей и торчащих трубчатых с примыкающей к этой «секции» парой черепов.

4. Юго-западная группа нижних челюстей и торчащих трубчатых костей с прилегающей парой черепов.

5. Западная группа нижних челюстей, перекрывающих лопатки. Возможно, что пара черепов здесь была уничтожена при рытье хозяйственной ямы, повредившей скопление костей на довольно большом пространстве.

6. Северо-западная группа костей, также поврежденная той же хозяйственной ямой.

7. Северная группа трубчатых и плоских костей, залегающих вокруг двух черепов.

В средней части кольцевого нагромождения много отдельных плоских, трубчатых и других костей, залегающих вместе с большим количеством различных отбросов обитания: мелких осколков костей, костных углей, расщепленных кремней и значительного числа кремневых орудий. Среди костей кольцевого нагромождения, а также и вне его подобные находки крайне редки, за исключением разрушенной части кольцевого нагромождения в районе восточной группы костей и пространства к западу от развалин жилища около сближенной пары ям (рис. 1).

Внутри жилища, в его средней части расчищается большое скопление костного угля и зольной массы, напоминающее остатки постоянного очага. Но и помимо этого в культурном слое изобилуют остатки мелких костных углей. Так, на полностью расчищенном кв. Ю-39, где мощность культурного слоя достигала 0,5 м, собрано свыше 6 кг костного угля (взвешивание производилось в промытом и сухом виде) ⁴.

Поскольку расчистка развалин жилища и культурного слоя, отложившегося на его полу в результате длительного обитания, еще не закончена, для характеристики его ограничимся описанием находок с одного наиболее полно расчищенного кв. Ю-39 в средней части жилища. Здесь найдено 5 скребков, 1 боковой резец, 13 простых микропластинок с ретушью краев, 20 пластинок и 2 отщепа с ретушью, 48 мелких и очень мелких долотовидных орудий с чешуйчатой подтеской концов (*Pieces écaillées*), 100 микропластинок без ретуши, 180 пластинок, 1640 отщепов, 65 жженных кремней, 72 кварцитовых и каменных отщепа, 16 мелких кусочков красной краски, 5 кусочков красной краски (гематит) с явной стертостью краев, 20 ядрищ кремневых, 3 куски мергеля, костяное острие в виде большой иглы без ушка (длина 15 см, толщина 0,6 см), костяная подвеска оригинальной формы. Кроме того, здесь же собрано 681 мелкий осколок костей крупных животных, масса мелких обломков пластинок от зубов мамонта и 24 обломка пластинок от бивня, 17 осколков костей мелких животных, а также 3 осколка железистых конкреций.

В средней части жилища вдали от расчищаемого очага обнаружены следы небольшой ямки, заполненной зольной массой и костным углем.

Отмечается концентрация культурных остатков и отбросов обитания в средней части жилища, ближе к краям находок становится все меньше.

Крупные кости мамонта, лежащие в средней части жилища, иногда образуют скопления, назначение которых пока еще не выяснено.

Возвратимся, однако, к более детальному описанию кольцевого нагромождения, анализ которого обещает в дальнейшем возможность обосновать вероятную реконструкцию стен и кровли жилища.

⁴ На кв. Я-40 — 4 кг, на кв. Ю-38 — около 3 кг, на кв. Ю-40 — 2 кг, на кв. Ю-41 — 0,5 кг (квадрат равен 1 м²).

О восточной группе костей кольцевого нагромождения пока не следует говорить, так как она еще не раскопана полностью. Рядом с ней около юго-восточной пары черепов с внешней и внутренней стороны жилища располагаются две группы костей. С внешней стороны к черепам примыкает «стена» из торчащих плоских костей: трех тазовых и трех лопаток. У основания этой стены, с внешней стороны лежит ряд костей, производящих впечатление свалившихся сверху. Его составляют два крупных обломка тонких бивней, две трубчатых кости, обломки ребер и нижняя челюсть. Параллельно этой группе, с внутренней стороны жилища (вдоль черепов) залегают вторая юго-восточная группа костей, вытянутых цепочкой. Она состоит из двух больших берцовых, двух бедренных, лопатки, двух половин крупной тазовой, крупной плечевой, трех позвонков и других. Характерно, что в промежутке между внешней и внутренней группами собрано очень небольшое количество находок. При расчистке черепов, лежащих в юго-восточном углу кв. Б-38, на всей площади этого квадрата собрано 19 расщепленных кремней, 1 костный уголек, 2 небольших осколка камней и обломок пластинки от бивня. Квадрат разобран до основания обеих групп костей, пространство между которыми было заполнено чистым суглинком. Можно толковать эту часть кольцевого нагромождения в качестве «коридора» или укрепленной костями насыпной земляной стены.

Соседняя южная группа кольцевого нагромождения, состоящая тоже из плоских костей, включает, кроме того, довольно большое число трубчатых и два бивня, которые как бы сползли со стены вдоль ее внешнего края к основанию. С внутренней стороны жилища к этому участку стены, длина которого равна 2 м, примыкает южная пара черепов. Здесь сосредоточено 9 крупных лопаток, составлявших «стену» жилища, и две лопатки, торчащие ребром непосредственно у черепов. Лопатки, образующие кольцевое нагромождение, залегают двумя группами: первая состоит из трех лопаток, лежащих отчасти друг на друге, с внешней стороны к ним примыкают три торчащих трубчатых кости и кусок бивня; вторая группа состоит тоже из трех взаимно перекрывающих друг друга лопаток и тазовой кости. С ее внешнего края также залегают три трубчатых и бивень, свалившиеся сверху. Таково же, на наш взгляд, и происхождение скопления крупных трубчатых костей и лопатки, нагроможденных между жилищем и прилегающей ямой.

Несмотря на обособленность южной группы костей (около южной пары черепов), следует признать ее конструктивную близость с соседней юго-восточной группой, вместе с которой они составляют единую южную секцию кольцевого нагромождения, характеризующуюся преобладанием плоских костей и двумя парами черепов.

Далее следует западная секция кольцевого нагромождения, для которой характерно большое количество нижних челюстей, в большинстве лежащих однообразно — зубами вниз и ветвями к внутренней части жилища. Секция эта состоит также из двух групп костей. В юго-западной группе, примыкающей к юго-западной паре черепов, строгий ряд нижних челюстей маскируется нагромождением трубчатых костей, в большинстве лежащих поперек нагромождения, параллельно ветвям челюстей. Кости мамонта, лежащие к юго-западу от линии подбородочных выступов челюстей, несомненно отложились здесь в результате развала жилища, за исключением костей стопы, залегающих в одном случае в анатомической связи и несколько выше остальных. Вторая, западная группа, к сожалению, поврежденная при рытье хозяйственной ямы в 1949 г., наиболее убедительно доказывает несомненную деятельность людей по сбору и укладке костей. Система распределения костей заставляет предполагать, что на кв. Я-42 при рытье хозяйственной ямы была разрушена пара черепов, но каких-либо прямых доказательств этому у нас нет. В 1950 г. наши исследования этого участка были начаты с тщательного сбора всех, до мельчайшего осколка и обломка, костей и

тщательной зачистки стен хозяйственной ямы. Мелкой трухи черепных костей было много, но мышелков черепных костей обнаружено не было. Обломки же черепных костей могли происходить и из соседней северо-западной группы, где они, несомненно, были⁵. Здесь над челюстями мамонта лежал ряд трубчатых костей, а над ними и под челюстями просматриваются лопатки мамонта. Наблюдение над положением трубчатых костей, над их скоплением, которое могло бы помочь при реконструкции жилища, к сожалению, неполноценно в связи с повреждением памятника.

Особенностью северо-западной группы костей заключается в ее относительно глубоко залегании по сравнению с соседними. Это обстоятельство и отмеченные повреждения не позволяют рассматривать ее вместе с соседней северной группой в качестве единой секции кольцевого нагромождения. Может быть, дальнейшее исследование памятника позволит изменить этот вывод.

Северная группа костей отличается от северо-западной не обособленностью в плане, а оригинальностью порядка в размещении костей. Пару черепов здесь окружают торчащие плоские кости, а в залегании трубчатых наблюдается искусственная парность. Северная пара черепов в отличие от всех других залегает почти у самого внешнего края кольцевого нагромождения.

В заключение следует отметить, что кости кольцевого нагромождения на всем его протяжении расположены выше, чем кости, лежащие внутри, что объясняется некоторой заглубленностью внутренней части жилища в суглинки. Пол, по-видимому, был неровным, причем на месте более углубленных участков мощность культурного слоя достигает 0,8 м. На дне одного из таких углублений в средней части жилища расчищаются крупные кости мамонта.

Остатки жилища залегают на хорошо выраженном склоне в верхней части лёссовидного суглинка. В нижней части склона верхушки скопления костей касаются чернозема. В некоторых местах самые верхние кости кольцевого нагромождения превратились в труху, в других — сильно выветрились и разрушились лишь их верхние концы, что объясняется длительностью процесса погребения развалин, который следует полагать, в целом был сравнительно быстрым. Развалины поселения способствовали задержанию делювиальных наносов и быстрому захоронению остатков его сооружений.

При любом опыте реконструкции жилища необходимо учитывать, что главными причинами использования костей в качестве строительного материала были, во-первых, относительное обилие костей в местах поселения и, во-вторых, прочность и стойкость этого материала против гниения. В древоземляных конструкциях плоские и крупные трубчатые кости использовались в качестве изоляторов дерева, составляющего каркас жилища, от прилегающих земляных стен.

Плохая сохранность черепов затрудняет суждение об их положении в системе сооружения, все же можно полагать, что и они использовались в качестве важных деталей конструкции, о чем свидетельствует само расположение их парами на равном расстоянии друг от друга по всему периметру жилища. С архитектурной точки зрения план жилища и комплекс всего поселения определен и ясен, хотя мы пока еще далеки от правильного понимания конструкции жилища и назначения ям, окружавших его.

В общем плане, следуя за П. П. Ефименко, можно сказать, что ямы эти могли быть жилыми (спальными) и кладовыми. В 1959 г. при раскопках сильно разрушенного поселения на Хвойковской стоянке (Костенки XVIII) типа верхнего культурного слоя Костенок I нам приходилось наблюдать

⁵ Сборы 1950 г. в полном составе сохраняются до настоящего времени, включая и мельчайшие обломки костей и костную труху.

большую яму, вырытую на глубину 1 м в сеноманском песке, на дне которой расчищены груды несомненно принесенной золы и костного угля. Заполнение ямы и ее дна позволяет видеть в ней спальную яму, отепляемую еще горячей массой очажной золы и погасшего костного угля. Этим следует объяснить и обилие костного угля и зольность слоя, залегающего в жилище, пол которого, по-видимому, отеплялся таким способом.

Как уже упомянуто, рядом с остатками жилища, с уровня древней дневной поверхности поселения за пределами жилища были вырыты три небольших ямы, в заполнении которых, начиная с самой верхней части, отмечено большое число костей мамонта. Заполнение местами образует брекчиевидную массу костной трухи. В северо-западной яме, расчищенной до глубины около 0,8 м от древней дневной поверхности, обычных отбросов обитания было очень мало. В западной яме, продолжающейся под стеной раскопа, находок в виде мелких осколков костей, костных углей и расщепленных кремней несколько больше и очень много их во всей толще заполнения в юго-западной яме, примыкающей к краю жилища. Несомненная связь этой ямы с остатками жилища доказывается не только тождественностью находок: об этом, в частности, свидетельствует крупная плечевая кость с отпавшим дистальным эпифизом, оказавшаяся среди костей заполнения ямы в результате развала стен жилища.

При продолжении раскопок, возможно, будут найдены и другие ямы.

Пока мы можем сказать, что в раскопе на Аносовке II вскрыта часть поселения с остатками большого жилища и ряда небольших ям, располагающихся вокруг него и составляющих с ним единое целое. Аналогичное явление наблюдалось в 1934—1936 гг. в верхнем слое Костенок I и в 1949 г. на Авдеевской стоянке, где большие наземные жилища были окружены системой крупных ям. Здесь же картина сложного поселения выглядит ярче и нагляднее благодаря хорошей сохранности остатков жилища.

Но остаткам поселения верхнего культурного слоя на Аносовке II есть и другая более близкая аналогия, чем памятники костенковско-авдеевской культуры. Мы имеем в виду знаменитое Мезинское скопление костей мамонта, которое было тоже окружено ямами⁶. Аносовско-мезинский тип верхнепалеолитических жилищ представляет величайшую культурно-историческую ценность, поскольку этого типа памятники сохраняют не только план жилищ и поселений, но и другие существенные детали, раскрывающие конструкцию стен и кровли жилища.

---

⁶ Нам представляются неубедительными наблюдения И. Г. Шовкопляса, заставившие его сделать с нашей точки зрения ошибочный вывод о наличии двух горизонтов в основном раскопе на Мезинской стоянке. Он рассматривает развалины жилища, сооруженного из костей мамонта, и ямы, окружавшие его, как разновременные памятники с тождественным до деталей кремневым и другим инвентарем. См. И. Г. Шовкопляс. Нижний горизонт Мезинской палеолитической стоянки. КСИА АН УССР, вып. 8, Киев, 1959; его же. Жилище Мезинской стоянки. КСИА АН УССР, вып. 6, Киев, 1956.

Р. Е. ГИТЕРМАН

СТРАТИГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВЫХ СПЕКТРОВ ЧЕТВЕРТИЧНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ НИЗОВЬЯ р. ЧУСОВОЙ

Район низовьев р. Чусовой весьма благоприятен для палеогеографических исследований, здесь в четвертичных отложениях сочетаются многочисленные находки фауны, пыльцы и археологических остатков.

Наши работы по сбору материалов для спорово-пыльцевого анализа в районе низовьев начаты в 1949 г. и проводились под руководством В. И. Громова. В результате обработки собранных материалов по некоторым разрезам пыльца обнаружена в значительном количестве, что позволило выявить в общих чертах картину изменения растительного покрова на различных этапах четвертичного периода.

Стратиграфия района. В низовьях р. Чусовой В. И. Громов выделяет, кроме поймы, четыре или пять надпойменных террас¹. Пойма состоит из двух уступов-ступеней: нижней, до 2—3 м у бровки, ежегодно заливаемой, и верхней, высотой 5—7 м. По данным В. И. Громова они сходны по строению и сложены тяжелыми, сильно гумусированными суглинками.

Первая надпойменная терраса (в среднем отметки ее 7—8 м) — типичная боровая терраса, сложенная среднезернистыми кварцевыми песками с редкой галькой. С ней связаны остатки энеолитической стоянки Бор у д. Верхние Гари.

Вторая надпойменная терраса (высотой 17—20 и до 24 м) сложена (сверху вниз): делювиальными суглинками и кварцевыми песками, лежащими с размывом на горизонтально слоистые супеси, пески и глины. Ниже лежат синие глины, образующие цоколь и представляющие остатки более древней террасы. В аллювии нижней части разреза этой террасы обнаружен культурный слой верхнепалеолитической стоянки им. Талицкого.

Отметки третьей надпойменной террасы — 30—35 м над урезом реки, но кое-где они падают до 25—27 м у бровки. В ее разрезах преобладают иловатые суглинки и пески. Кроме того, характерная особенность ее строения — это мореноподобные отложения. Ниже залегают галечники, которые подстилаются иловатыми синими глинами. В прослоях галечника были обнаружены остатки фауны (млекопитающих), а также найден мустьерский острокопчик.

Четвертая надпойменная терраса, по описанию В. И. Громова, обычно достигает отметки 40—45 м у бровки и 60 м у внутреннего края. Средняя высота колеблется от 50 до 60 м. Для геологического строения ее характерны цоколь из коренных пород, а также мореноподобные образования, по

¹ В. И. Громов. Палеонтолого-стратиграфическое изучение террас в низовьях р. Чусовой. Бюл. КИЧП, 1948. № 11.

структуре сходные с настоящей мореной, и грубые гравелистые пески и галечники.

Для определения возраста пойменных и I надпойменной террас важное значение имеет стоянка Бор, которая расположена на поверхности древнего почвенного покрова и одновременна с начальными стадиями формирования верхней поймы. Стоянка Бор относится археологами ко второму тысячелетию до н. э. Отсюда возраст верхней поймы В. И. Громов определяет в 5—6 тысяч лет².

Для определения возраста II надпойменной террасы важна верхнепалеолитическая стоянка им. Талицкого. Культурный слой ее обнаружен в нижней части аллювия II надпойменной террасы. Это дает возможность говорить об одновременности формирования террасы и поселения человека. Вторая терраса в это время, по-видимому, была низкой поймой, а третья — высокой. Геологически возраст стоянки определяется промежутком времени между концом рисс-вюрма и началом вюрма. В результате раскопок, помимо остатков материальной культуры, собран большой фаунистический материал, среди которого В. И. Громовым были определены кости северного оленя, мамонта, носорога, лошади, волка, лисицы, песца и лемминга. Последние типичны и для современной тундры.

Возраст III надпойменной террасы определяется временем не моложе максимального оледенения. У нее общий цоколь со второй террасой. Геологический возраст пород цоколя определяется находкой в них мустьерского остроконечника и остатками фауны. Эти находки указывают на лихвинско-днепровский или, вероятно, днепровский возраст галечников, залегающих в верхней части цоколя. Основная толща аллювия III надпойменной террасы датируется В. И. Громовым максимальным оледенением, а верхняя часть определяется как днепровско-валдайская.

В отложениях IV надпойменной террасы палеонтологических остатков не найдено. Но по соотношению с другими террасами и по геологическому строению возраст ее определяется В. И. Громовым как нижнеплейстоценовый.

Более высокие террасы, по-видимому, раннечетвертичные или дочетвертичные; вопрос о их возрасте из-за недостатка фактического материала В. И. Громов оставляет открытым.

Результаты спорово-пыльцевых анализов. В низовьях р. Чусовой в отложениях III надпойменной террасы для нижней части разреза был установлен спорово-пыльцевой спектр, характерный для безлесного типа растительности. В нем преобладала пыльца травянистых растений — 91%, древесных пород — 4% и спор — 5%. В составе травянистых растений встретились пыльца польины — 33%, лебедовых — 20%, разнотравья — 36%, злаков — 11%.

Выше по разрезу в голубовато-серых болотных глинах и лежащем над ними торфянике тип спорово-пыльцевых спектров меняется: преобладание получает пыльца древесных пород — до 92%; велико также содержание спор (рис. 2—I). В подстилающих торфяник голубовато-серых глинах господствует пыльца широколиственных пород, главным образом липы³ — свыше 50%, дуба — до 12%, вяза — до 5%, орешника — до 20%; встречаются единичные пыльцевые зерна граба. Содержание пыльцы хвойных невелико — до 20%.

² В. И. Громов. Указ. соч. В дальнейшем более подробно о возрасте стоянок в низовье р. Чусовой писал О. Н. Бадер. См. Хронология формирования аллювиальных террас на Урале в археологическом освещении. Труды КИЧП, вып. XIII, 1957 г.

³ Процент пыльцы ольхи, как породы, характеризующей местные условия, подсчитывался отдельно по отношению к сумме всех остальных древесных пород. Более подробное обоснование этого уже приводилось автором — см. Р. Е. Гитерман. Некоторые данные по истории растительности в низовьях р. Чусовой в четвертичное время. Бюлл. КИЧП, 1953, № 17.

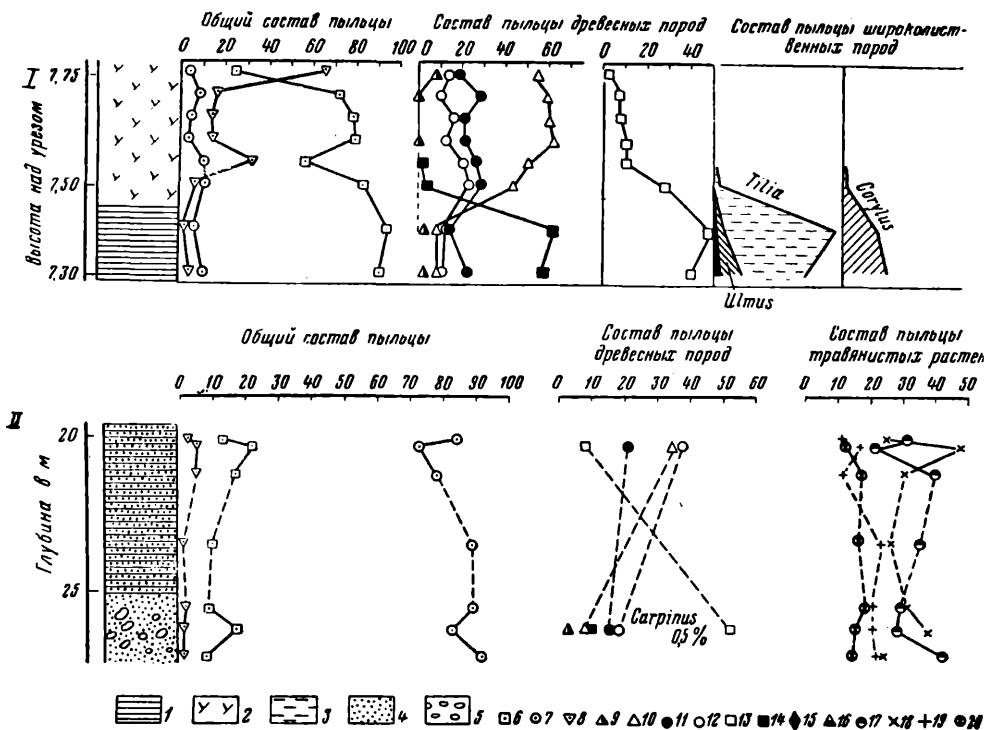

Рис. 2. Пыльцевые диаграммы отложений III надпойменной террасы на р. Чусовой.

1 — разрез 1; II — разрез 2 (ниже по реке); 1 — глина; 2 — торф; 3 — суглинки; 4 — пески; 5 — галечники; 6 — сумма пыльцы древесных пород; 7 — сумма пыльцы недревесных растений; 8 — сумма спор; 9 — пихта; 10 — ель; 11 — сосна; 12 — береза; 13 — ольха; 14 — сумма пыльцы широколиственных пород; 15 — орешник; 16 — граб; 17 — пыльца злаков; 18 — пыльца лебедовых; 19 — полыни; 20 — пыльца разнотравья.

Выше в нижнем горизонте торфа в составе спектра древесных пород происходят резкие изменения. Господствует пыльца ели — свыше 50%, увеличивается содержание сосны — до 45%, березы — до 25%; встречаются единичные пыльцевые зерна пихты. Кривая содержания пыльцы широколиственных пород резко снижается, но продолжают попадаться единичные пыльцевые зерна граба.

В верхнем горизонте торфа содержание пыльцы ели достигает максимального значения (55—60%); возрастает содержание сосны — до 30%, пихты — до 8%. Широколиственные породы исчезают. В составе пыльцы недревесных растений преобладают разнотравье, полыни; меньше — злаков и лебедовых.

Несколько ниже по течению р. Чусовой в разрезе III надпойменной террасы пыльца обнаружена лишь в горизонте темных мореноподобных глин, в лежащем ниже щебнисто-галечном горизонте и синих глинах цоколя (рис. 2—II). Спорово-пыльцевые спектры из синих глин относятся к степному типу. В них преобладает пыльца травянистых растений — 91%, древесных пород — 8%, спор — 1%.

В лежащем на синих глинах щебнисто-галечном горизонте тип спорово-пыльцевого спектра остается прежним, возрастает лишь процентное содержание пыльцы древесных пород с 8 до 17%, в составе спектра которых господствует ольха — 51%, сосна и береза — 15% и встречаются единичные пыльцевые зерна широколиственных пород (8% липы, 1% вяза, 0,5% граба). В составе пыльцы травянистых растений преобладают лебедовые, злаки отступают на второе место.

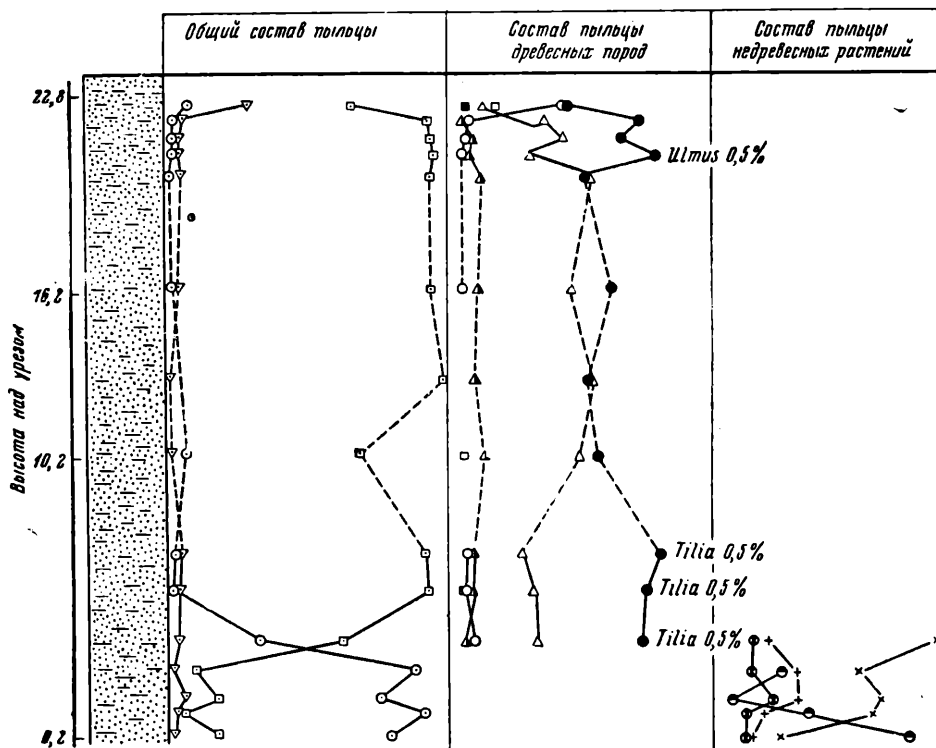

Рис. 3. Пыльцевая диаграмма отложений II надпойменной террасы р. Чусовой. Обозначения те же, что на рис. 2.

Выше по разрезу в темных глинах со щебенкой продолжает господствовать пыльца травянистых растений.

В нижней части горизонта темных глин спорово-пыльцевой спектр по типу и по соотношению отдельных компонентов сходен со спектром из синих глин цоколя. В верхней части горизонта возрастает содержание пыльцы древесных пород, главным образом березы и ели (до 35%), меньше сосны (21%) и ольхи (меньше 10%). В составе травянистых растений господствуют лебедовые (до 50%).

В разрезе II надпойменной террасы интересен торфяник, лежащий в верхней ее части. Он подстилается двумя горизонтами суглинков: бурыми железненными и лежащими над ними темными, виврианитовыми и перекрывается мощной толщей переслаивающихся суглинков, песков и глин.

В составе спорово-пыльцевых спектров из подстилающих торфяник суглинков преобладает пыльца ели — 14—59%, меньше сосны — 25—55%, березы — 3—40%. Максимальное содержание пыльцы широколиственных пород 14% (рис. 3). В составе последних преобладает липа, встречаются единичные пыльцевые зерна и дуба и вяза.

Выше по разрезу в нижнем горизонте торфяника содержание пыльцы ели падает и постепенно возрастает процентное содержание пыльцы широколиственных пород, главным образом липы, достигая на глубине 4,35 м от поверхности максимума в 52%⁴.

⁴ Подобный процент широколиственных пород был получен в результате спорово-пыльцевых анализов поверхностных проб из широколиственных лесов, без всякой примеси хвойных пород. См. Е. Д. Закинская. Материалы к изучению состава современной растительности и ее спорово-пыльцевых спектров для целей биостратиграфии четвертичных отложений (широколиственный и смешанный лес). Труды ГИН АН СССР, 1951, вып. 125, сер. геол., № 48.

В покрывающих торфяник иловатых суглинках содержание пыльцы широколиственных пород снижается до 15—20%, а ели возрастает до 40%.

Спорово-пыльцевые спектры верхней части разреза очень сходны между собой. Все они относятся к лесному типу; в составе спектра древесных пород встречается пихта, ель, сосна, береза; пыльца дуба и орешника полностью отсутствует. Во всех образцах в небольших количествах найдена пыльца липы (не выше 15%). В составе спектра недревесных растений обнаружены единичные зерна вересковых, среди спор найдено несколько видов плаунов и один вид плаунка.

Ниже по течению реки были проанализированы образцы из отложений II надпойменной террасы, в толще аллювия которой обнаружен культурный слой верхнепалеолитической стоянки им. Талицкого⁵.

Спорово-пыльцевые спектры синих глин, лежащих в основании и образующих доколь II надпойменной террасы, относятся к степному типу (подобно описанным для III террасы).

Выше по разрезу в горизонтах, соответствующих стоянке, пыльцы не оказалось. Лишь с высоты 13,25 м над урезом реки она появляется в суглинках и песках. В спорово-пыльцевых спектрах этой части разреза преобладает пыльца древесных пород — ели, пихты. Встречаются единичные пыльцевые зерна липы.

История растительности района низовьев р. Чусовой. Изучение спорово-пыльцевых спектров позволяет охарактеризовать основные этапы в истории растительного покрова Приуралья в течение четвертичного периода.

Господствовавшие в начале лихвинско-днепровского межледниковья безлесные ландшафты отличались крайним своеобразием. Их нельзя назвать ни степными, ни полустепными, ни пустынными, ни тундровыми. Это был весьма своеобразный комплекс, включавший противоположные по своей экологии виды: с одной стороны — виды семейства вересковых, плаунки, с другой — эфедра, польни. В. П. Гричук⁶ считает, что такая комплексность объясняется своеобразными физико-географическими условиями: сочетанием вечной мерзлоты и континентального климата, что характерно для зон приледниковой растительности. В современном растительном покрове аналогичные ландшафты отсутствуют. Возможно, степные реликтовые острова среднего течения р. Лены несколько сходны с ними. Наши выводы о характере растительности подтверждаются и находками фауны.

В связи с дальнейшим изменением климатических условий — потеплением и увеличением влажности — произошло резкое изменение в характере растительного покрова. Господствовавший в начале межледниковья безлесный тип растительности сменился лесным. Леса состояли главным образом из липы, к ней примешивался дуб и в небольших количествах граб, подлесок был образован орешником. В состав леса входили и хвойные породы — пихта, ель, сосна, но лишь в виде незначительной примеси. По-видимому, эта формация характеризовала время климатического оптимума лихвинско-днепровского межледниковья.

В дальнейшем произошло обеднение широколиственных лесов: исчезли липа, дуб, орешник. Они сменились лесами темнохвойными из ели, сосны, пихты. Интересно, что граб больше других широколиственных пород сохранился в составе темнохвойного леса. Это изменение в характере растительности было вызвано похолоданием и увеличением континентальности климата в связи с началом эпохи максимального оледенения.

Затем днепровский ледник отступил. На смену островным еловым, березовым и сосновым лесам эпохи максимального оледенения пришли темнохвойные елово-пихтовые леса с участием в травянистом покрове таежных элементов. Дальнейшее потепление вызвало появление широколиственных

⁵ В. И. Громов. Указ. соч.

⁶ В. П. Гричук, М. П. Гричук. К вопросу о характере приледниковых ландшафтов северо-восточной Прибалтики. Вопросы географии, 1950, сб. 23.

пород, главным образом липы. По-видимому, в это время господствовали смешанные хвойно-широколиственные леса, в которых основными лесообразующими породами были ель, сосна, береза. Смешанные хвойно-широколиственные леса сменились широколиственными, состоящими главным образом из липы, к которой примешивались дуб и вяз; подлесок был образован орешником. Хвойные породы, а также ольха и береза встречались лишь изредка. Преобладание в этих лесах широколиственных пород свидетельствует о том, что они были свойственны времени климатического оптимума днепровско-валдайского межледниковья⁷.

В дальнейшем широколиственные породы в составе леса значительно сокращаются в связи с вновь начавшимся похолоданием. Дуб и орешник исчезают совсем, доминируют хвойные породы: пихта, ель, сосна, а также береза. Появляются элементы тундровой флоры — карликовая березка, вересковые, сфагновые мхи. Находки представителей тундровой фауны на стоянке им. Талицкого вполне соответствуют растительности. Все это говорит о значительном похолодании, происшедшем со времени климатического оптимума межледниковья. Интересно, что в это время продолжает встречаться липа или в виде примеси в составе темнохвойных лесов, или даже в виде небольших самостоятельных групп. По-видимому, она была как реликт, сохранившийся в составе леса. Таким образом, ландшафт после времени климатического оптимума можно себе представить, как сочетание ассоциаций темнохвойного леса, тундровых ассоциаций с участием карликовой березки и участков широколиственного леса — реликтов, уцелевших со времени климатического оптимума межледниковья. Такой характер растительности выработался в результате значительного похолодания с наступлением эпохи валдайского оледенения⁸.

Начало голоцена характеризуется господством лесостепных ландшафтов. Островные березовые и сосновые леса чередуются с ассоциациями травянистых растений, главным образом полынноразнотравных. В дальнейшем в связи с потеплением увеличивается роль древесной растительности.

Голоценовые хвойно-широколиственные леса по флористическому составу не были столь разнообразны, как широколиственные леса, господствовавшие в течение климатических оптимумов первого и второго межледниковий. Они в свою очередь сменились современными елово-пихтовыми лесами с незначительной примесью широколиственных пород. Изучение истории растительности районов низовий р. Чусовой указывает на неоднократно происходившие изменения в растительном покрове. Формации с участием теплолюбивых элементов, отвечавшие оптимальным климатическим условиям, сменялись растительными формациями с участием умеренных и в некоторых случаях холодолюбивых элементов флоры. Так, по нашим данным, можно проследить трехкратное появление в течение четвертичного периода теплолюбивой флоры. Она господствовала во время климатического оптимума первого и второго межледниковья, а также в течение периода послеледникового потепления.

⁷ Такой возраст торфяника находится в противоречии с данными археологов. По-видимому, этот вопрос нуждается в дальнейших исследованиях.

⁸ Растительность этого отрезка времени не охарактеризована спорово-пыльцевыми спектрами.

Н. Н. ГУРИНА

К ВОПРОСУ О МАКРОЛИТАХ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ

Необходимость определения относительной датировки верхневолжских макролитов в ряду археологических памятников заставили неолитический отряд Прибалтийской экспедиции¹ сосредоточить работу в течение последних четырех лет в районе верховья Волги и связанных с ней озер. Потребность в решении этой проблемы уже давно назрела, поскольку она имеет принципиальное значение для древней истории западных областей РСФСР и, в частности, связана с вопросом их первичного заселения.

Датировка верхневолжских макролитов эпохой раннего, докерамического неолита, предложенная в 1916 г. достаточно осторожно П. П. Ефименко², получила затем широкую известность благодаря работе В. И. Равдоникаса³, безоговорочно сопоставившего эти памятники с кампинийскими памятниками северной Европы.

В последнем десятилетии эта датировка подверглась критике со стороны Л. Я. Крижевской, выдвинувшей свою концепцию⁴.

Однако основным источником для спорящих сторон служили музейные коллекции, составленные из подъемного материала, в абсолютном большинстве плохо документированного и вовсе не стратифицированного⁵, и многие важные вопросы не могли найти разрешения.

В связи с изучением древней истории западных областей РСФСР, начатом нами в последние годы, проблема макролитов неизбежно должна была привлечь внимание. Возникла необходимость получения большого и точно документированного материала, способного послужить надежным источником для выводов. Эту задачу и взяла на себя Верхневолжская неолитическая экспедиция.

При обследовании побережья озер, связанных с верховьями Волги, Западной Двины и Торопы: Охват, Пено, Волго, Селигер, Валдайское, Пирос и др., было открыто около сотни памятников каменного века и получен огромный материал. Изучение его привело к выводу, что территория Вал-

¹ Переименованный с 1961 г. в Верхневолжскую неолитическую экспедицию.

² П. П. Ефименко. Некоторые находки каменных орудий в Тверской и в Новгородской губ. и их место в системе Европейской палеоэтнологии. Русский Антропологический журнал. т. 10, кн. 37/38, М., 1916, стр. 66—82.

³ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. 1. Л., 1939, стр. 281—282.

⁴ Л. Я. Крижевская. Неолитические мастерские верхнего Поволжья. МИА, № 13, 1950, стр. 55—69.

⁵ За исключением небольших раскопок близ г. Ржева, произведенных Б. Ф. Земляковым в 1940 г. и продолженных Л. Я. Крижевской в 1947 г. на Городищенской горе близ г. Ржева.

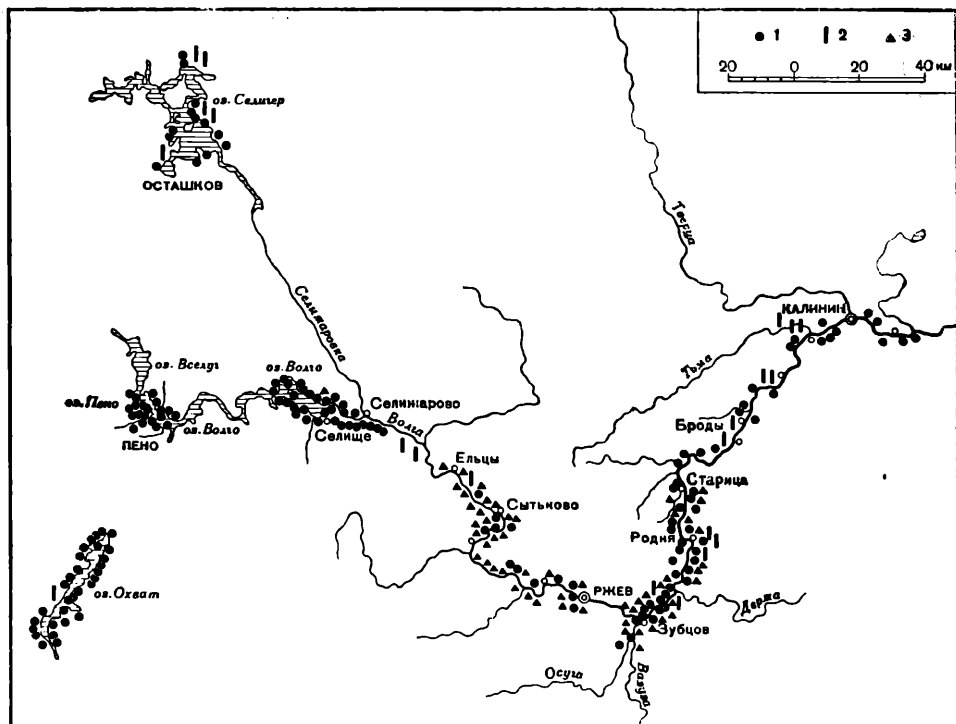

Рис. 4. Схематическая карта расположения памятников, открытых экспедицией в верхнем течении р. Волги.

1 — неолитические памятники; 2 — памятники раннего средневековья; 3 — места выхода кремня.

дайской возвышенности в эпоху неолита была заселена племенами со своеобразной материальной культурой, которую удалось выделить как особую валдайскую неолитическую культуру⁶ и приблизиться к решению вопроса ее происхождения⁷.

Стремление к более углубленному изучению древней истории области, в частности, попытка выявить локальные варианты валдайской культуры заставили расширить исследуемую территорию. В сферу изучения было включено течение Волги от ее истоков до г. Калинина, откуда в основном происходили многочисленные макролитические орудия, составившие музейные коллекции.

Исследования, связанные с интересующей нас проблемой в целом еще не завершены, тем не менее некоторые вопросы уже решены.

Так, в результате сплошного обследования побережья Волги (на указанном отрезе) удалось точно определить распространение основной массы макролитов и установить их связь с местами выхода кремня (рис. 4).

Как оказалось, наибольшее скопление макролитических орудий встречается на участке от г. Старицы⁸ до г. Селижарово, причем основные местонахождения зафиксированы в окрестностях г. Ржева, д. Родни и г. Зубцова (в последнем случае в нижнем течении Вазузы, впадающей в Волгу). На этих участках выходят на поверхность кремни, приуроченные к извест-

⁶ Н. Н. Гурина. Валдайская неолитическая культура. СА, № 3, 1958, стр. 31—45.

⁷ Н. Н. Гурина. Неолитическая стоянка Щепочник (к вопросу о происхождении валдайской культуры). КСИИМК, вып. 82, 1961, стр. 150—156.

⁸ Несколько километрами выше.

някам, образующие сплошной слой или представленные отдельными, изолированными крупными и более мелкими желваками.

В большинстве случаев в непосредственном соседстве с выходами кремня встречаются крупные куски его со следами сколов, многочисленные заготовки нуклеусов, сами нуклеусы в различных стадиях их использования, отщепы, грубые ножевидные пластинки, заготовки крупных орудий и лишь очень редко готовые формы. Находки сосредоточены на незначительном пространстве, часто не превышающем 300—400 кв. м. Исключение составляют довольно обширные по площади местонахождения у д. Родня и в окрестностях г. Зубцова.

Благодаря большому числу открытых памятников удается выяснить их топографию. По условиям залегания над уровнем Волги выделяются три группы.

1. Памятники располагаются на 0,7—0,5 м над естественным уровнем реки⁹, иногда непосредственно на бечевнике. Однако строгая локализация находок в пределах весьма ограниченного пространства (200—400 кв. м) и отсутствие заметной окатанности их приводит к выводу, что предметы хотя и находятся во вторичном залегании, но располагаются в прежних пределах местонахождения, они лишь слегка перемерены водой в результате ее периодического повышения. Этот вывод подтверждается находками у д. Черепково (в 7 км ниже д. Родня), где процесс размывания культурного слоя к настоящему времени оказался незавершенным. Большая часть культурных остатков — многие десятки однотипных нуклеусов, грубых ножевидных пластин и отщепов — обнаружена непосредственно у воды, вне связи с культурным слоем, в то время как другая часть залегала несколько дальше, в глубь берега — на пойменной террасе, в культурном слое *in situ*, на глубине 0,3—0,4 м.

2. Памятники, отнесенные ко второй группе, занимают более возвышенные места, обычно первую пойменную террасу, достигающую в отдельных случаях высоты 5—6 м над уровнем Волги¹⁰ (местонахождение у д. Свеклино). Культурный слой их мощностью 0,4—0,6 м залегает на глубине 0,2—0,3 м от дневной поверхности. Насыщенность его находками очень велика; в подавляющем большинстве это отходы производства — разнообразные отщепы и нуклеусы. Количество законченных орудий весьма ограничено.

3. К третьей группе относятся памятники, резко отличные по стратиграфии. Высота расположения их над современным урезом воды свыше 8 м, они, как правило, несколько отодвинуты от реки в глубь берега.

Культурный слой — коричневатый суглинок мощностью 0,6—0,7 м залегает на глубине до 3,5 м под темно-коричневым жирным суглинком. К числу таких памятников относятся: 1) у г. Старица, 2) у д. Нестерово и 3) в 3 км выше д. Родня. В последнем случае культурный слой перекрыт сверху хорошо выраженным культурным слоем раннего средневековья и отделен от него стерильной прослойкой мощностью более 1 м.

Культурные остатки залегают *in situ*; нуклеусы и ножевидные пластинки, скребки и чешуйки, полученные при их изготовлении, во многих случаях сосредоточены по несколько сотен на пространстве менее 0,5 кв. м. Протяженность культурного слоя невелика, что, однако, может объясняться размывом его со стороны реки: отщепы и нуклеусы часто встречаются на склоне или в пойме.

Насыщенность культурного слоя неравномерна. Вещественный материал представлен кремневым инвентарем. Керамика отсутствует, за исключени-

⁹ Ежегодно в течение весенне-осеннего сезона уровень Волги и связанных с ней озер — Пено, Волго — искусственно резко повышается из-за плотины у с. Селище.

¹⁰ Высота пойменной террасы на этом участке равняется, по Г. Ф. Мирчинку, 8—10 м (Г. Ф. Мирчиник. Четвертичная история Волги выше Мологи. Труды КИЧП. т. IV, вып. 2, 1935).

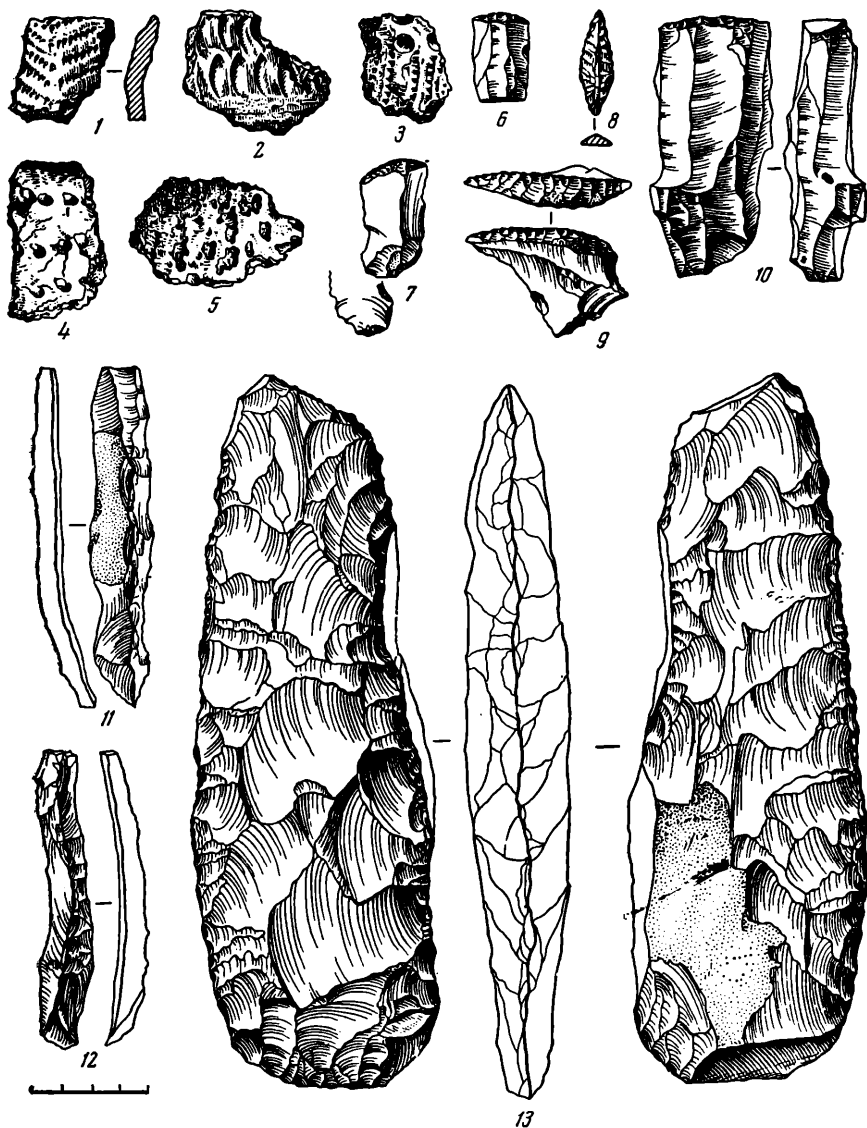

Рис. 5. Комплекс находок с местонахождения у д. Свеклино.

1—5 — керамика; 6—13 — кремневый инвентарь.

ем одного случая (у д. Нестерово), где на склоне террасы, в размытом культурном слое, в непосредственной связи с прочими находками (нуклеусами, ножевидными пластинками) обнаружен фрагмент типичной ямочной керамики, нехарактерной для стоянок валдайской культуры.

Наряду с большим числом нуклеусов и пластин для таких памятников характерны и готовые орудия, в частности, скребки, тщательно отретушированные, круглые или овальные, реже удлинённые на концах ножевидных пластин, а также крупные рубящие орудия. Следует подчеркнуть, что инвентарь этих памятников очень типичен для стоянок валдайской культуры, содержащих керамику.

Открытые на оз. Волго несколько десятков новых неолитических стоянок существенны для решения проблемы верхневолжских макролитов. Чрезвычайно богатый инвентарь этих памятников состоит из многочисленных серий орудий, характерных для стоянок валдайской неолитической

культуры. Наряду с вполне законченными орудиями встречается немало отщепов и нуклеусов, однако процентное соотношение их здесь несравненно меньше, нежели в памятниках побережья Волги от г. Старицы до г. Селижарово.

Огромное количество археологического материала, полученного в результате работы экспедиций, требует дальнейшего глубокого изучения; однако уже в настоящее время, правда с известной долей осторожности, можно высказать следующие суждения.

Подавляющее большинство памятников, открытых и исследованных на побережье Волги от г. Старицы до г. Селижарово, совпадающих с выходами кремня и содержащих макролитические орудия, следует считать местами добычи и первичной обработки кремня.

Поскольку эта территория служила длительное время источником сырья, памятники, найденные здесь, естественно не одновременны, что доказывается различием в их стратиграфии и характере материалов.

Вероятно, к более раннему периоду следует отнести третью группу местонахождений, культурный слой которых залегает в суглинке на значительной глубине и содержит более архаические формы орудий; к более позднему времени — часть памятников второй и первой группы. Наиболее показательно в этом отношении местонахождение у д. Свеклино (выше г. Ржева). Хорошо выраженный культурный слой содержит керамику (рис. 5—1—5), характерную для эпохи раннего металла тождественную керамике стоянок р. Волхова: Изсады, Юшково и др.), и в непосредственной связи с ней — типичные макролитические орудия и огромное количество отщепов и нуклеусов (рис. 5—6—13).

Ближайшими потребителями кремня, добываемого на побережье Волги, были главным образом племена, жившие по берегам озер Пено, Охват, Волго, Селигер и др. Большое число открытых здесь стоянок содержит наряду с полуфабрикатами, тождественными найденным в местах добычи кремня, и готовые орудия, прошедшие окончательную обработку, вплоть до шлифования.

Следует полагать, что кремь и изготавливаемые из него полуфабрикаты распространялись и шире, за пределы названной территории. Об этом могут свидетельствовать, с одной стороны, редкие находки керамики, не типичной для валдайской культуры, встреченные на побережье Волги, с другой — орудия из валдайского кремня, иногда сохраняющие валдайские формы, найденные на стоянках соседних территорий.

Типологическое изучение полученного материала заставляет также отказать от мысли, что все памятники, содержащие верхневолжские макролиты, должны быть синхронизированы с памятниками кампинийской культуры.

Следует надеяться, что дальнейшие исследования, намеченные на ближайшие годы, позволят расширить и уточнить сделанные выводы. В этом плане следует считать очень перспективной работу по петрографическому анализу валдайского кремня. В результате совместной работы с геологами будут получены необходимые данные, позволяющие решить многие вопросы, весьма существенные для истории неолитических племен не только рассматриваемой, но и соседних территорий.

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. П. ЛЮБИН

НОВОЕ О НИЖНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Первые сведения о каменном веке Северной Осетии стали известны в 1954 г., когда у подножья Лысой горы, близ г. Орджоникидзе была найдена небольшая группа мустьерских изделий¹. В 1955, 1957—1959 гг. на Лысой горе производились повторные сборы подъемного материала. В 1958 г. Головной отряд Кавказской экспедиции Института географии АН СССР провел² специальное геоморфологическое обследование лысого горского местонахождения. В 1961 г. палеолитический отряд Северо-Кавказской экспедиции Института археологии АН СССР и Музея краеведения Северо-Осетинской АССР³ снова обследовал это местонахождение, а также прилегающие к нему другие участки сильно размытых террас, окаймляющих с юга подножье горы Лысой в междуречье Терек — Черная. Отряд собрал еще одну коллекцию на старом месте находок и установил, что вся полоса древних террас здесь здает следы многочисленных нижнепалеолитических местонахождений; два из них обнаружены в районе хутора Попов, одно — близ поселка Редант Первый. Кроме того, единичные находки встречены в размытых обочинах дорог в других пунктах междуречья.

Отряд провел также небольшие поисковые работы в других районах республики: в Дигорском (р. Урух), Уаллагирском (р. Ардон) и в Куртатинском (р. Фиагдон) ущельях и в Тарской котловине (р. Камбилеевка)⁴. В результате работ открыты две неолитические кремневые мастерские в Дигории (у мест выходов кремневого сырья на г. Атдорта и на г. Уорскена) и отмечены следы мустьерской культуры в северной части Тарской котловины.

В заключение отряд заложил небольшой раскоп в пещере Шау-легет (долина р. Фиагдон, район с. Дзивгис), где при зондаже, выполненном автором в 1959 г., зафиксированы три раннеолитических культурных го-

¹ В. П. Любин. Нижнепалеолитические находки на Терекс. Труды КИЧП, т. XIII, 1957.

² Начальник экспедиции — Н. Д. Думитрашко.

³ Начальник экспедиции — Е. И. Крупнов. Состав отряда: В. П. Любин (руководитель), Н. К. Анисюткин, Ю. Клипиков, В. П. Лащинин, Г. Н. Лащинина, Вл. П. Любин, О. В. Стрельцова, А. А. Татаренко, Чи Вань-Тан, Р. С. Хечоян.

⁴ В выборе значительной части разведывательных маршрутов отряд руководствовался советами Е. Г. Пчелиной. Во время работ в Дигории большая помощь оказана со стороны директора Дур-Дурской средней школы С. М. Койбаева и учителя-краеведа А. Т. Худалова. Пользуюсь случаем выразить товарищам глубокую благодарность.

ризонта, прорезанные кое-где энеолитическими впускными ямами. В настоящем сообщении мы приводим краткую геологическую характеристику группы лысогорских нижнепалеолитических местонахождений, предварительное описание и датировку наиболее древних археологических находок.

Л. Н. Пламеневский характеризует район лысогорских нижнепалеолитических местонахождений, как участок совершенно размытых террас (в виде седловин и холмов), указывающих «на существование в миндельскую эпоху грандиозных выносов аллювия»⁵.

Сходное мнение высказывал В. П. Ренгартен, отметивший, что при выходе долины Терека на Владикавказскую равнину на склонах горы Лысой наблюдаются высокие миндельские террасы сильно изрезанные последующей эрозией. Они достигают абсолютной высоты в 850 м (до 130 м над современным руслом Терека). В образовании их участвуют мощные отложения суглинков и в немногих пунктах хорошо окатанный галечный материал⁶.

Приводим, наконец, заключение геологов Н. Д. Думитрашко и Ю. Н. Родзянко, обследовавших в 1958 г. мустьерское местонахождение Лысая Гора I, расположенное⁷ в северо-восточной части отмеченной полосы древних террас.

З а к л ю ч е н и е Н. Д. Д у м и т р а ш к о. В склоны Лысой горы в районе местонахождения врезаны две террасы, которые срезают лысогорскую свиту, состоящую из сцементированных песков с валунами и галечниками. Верхняя терраса — шестая по счету цикловая терраса долины р. Терек. Нижняя — пятая. Нижнепалеолитические находки обнаружены в одной из промоин на склоне пятой террасы, в составе слегка перемытого и переотложенного с поверхности материала пород лысогорской свиты. Относительная высота пятой террасы — метров 70; она поднимается над четвертой, 40-метровой, флювио-гляциальной, которая четко выражена к югу от Орджоникидзе. Приблизительный возраст пятой террасы — верхнехазарское или нижнехвалынское время.

З а к л ю ч е н и е Ю. Н. Р о д з я н к о. Археологические находки приурочены к делювиальному слою (темно-бурые лёссовидные грубые суглинки незначительной мощности с отдельными гальками и частичками коренных пород) на склонах террасовидного останца, сложенного отложениями свиты Рухс-дзуар (перемежающиеся между собой галечники, песчанистые глины и супеси). Останец возвышается на 30—40 м над поверхностью 40-метровой левобережной рисской террасы долины р. Терек и, таким образом, по времени своего морфологического оформления может быть отнесен к раннерисскому времени. Вероятность этой датировки подтверждается тем обстоятельством, что в створе с останцем отмечается более высокий 130-метровый миндельский террасовый уровень.

Таким образом, Н. Д. Думитрашко и Ю. Н. Родзянко, которые ознакомились с местом находок непосредственно, различают в полосе четвертичных террас по крайней мере два разновременных террасовых уровня; причем, нижнепалеолитические находки приурочиваются к поверхности более низкого, 70—80-метрового уровня.

Отнесение террасового уровня с местонахождением Лысая Гора I к ниж-

---

⁵ Л. Н. Пламеневский. Краткое геологическое описание района Редантских (фетхузских) источников. Работы Северо-Кавказск. Гидробиолог. станции при Горском с/х институте, т. II, вып. 2—3, Владикавказ, 1928, стр. 58—59.

⁶ В. П. Ренгартен. Геологический очерк района Военно-Грузинской дороги. Тр. Всесоюз. геол.-разв. объединения ВСНХ СССР. Вып. 148, М.—Л., 1932, стр. 36.

⁷ Это название мы закрепляем за местом находок у Лысой горы, где в 1954 г. мустьерские находки были встречены впервые. См.: В. П. Любин. Указ. соч.

нехвалынскому или верхнехазарскому времени, как кажется, наиболее правильно. Четвертую 40—45-метровую террасу Терской долины, которую общепринято считать рисской, следует в таком случае отнести к террасам хвалынского (вюрмского) цикла. На поверхности четвертой террасы, кстати сказать, никаких следов нижнепалеолитических остатков не обнаружено.

Необходимость признания более молодого возраста террас долины р. Терек и рек, следующих к западу от него, подсказывается еще тем обстоятельством, что при проведенном автором пробным зондаже отложений в гротах, расположенных на высоте 25—30 м над уровнем р. Фиагдон, в районе селений Гусра-Дзивгис⁸ удостоверен позднеголоценовый возраст этих карстовых полостей⁹.

В процессе дальнейших геологических исследований района лысогорских нижнепалеолитических памятников и скальных убежищ Горной Осетии (количество которых по мере расширения работ намного, как полагает автор, возрастет) сделанное заключение будет уточнено. Перспективность археологического изучения района лысогорских древних террас не вызывает сомнений: всюду, где в 1961 г. по тем или иным причинам (размыты, дорожные кюветы, глубокая пахота) четвертичные отложения оказались вскрытыми¹⁰, отрядом был собран нижнепалеолитический подъемный материал. Наиболее интересные сборы сделаны в районе хутора Попов и поселка Редант Первый.

Ашело-мустьерское местонахождение Хутор Попов I расположено на низком водоразделе между реками Терек и Черная, в 4—5 км к юго-западу от г. Орджоникидзе¹¹, на южной и юго-восточной окраине хутора Попов, в нижней части южного и восточного склона и у подножья невысокого холма. Холм этот, как видно в дорожной выемке, сложен верхнемеловыми известняками, прикрытыми рыхлыми четвертичными (?) отложениями. находки собраны всюду, где пахота и дорожные выемки вскрыли подстилающую почвенный слой лёссовидную глину.

В составе находок 70 предметов, изготовленных из андезита (12 экз.), светло-серо-желтого кремня (35 экз.) и нескольких разновидностей других изверженных (долерит?) и осадочных кремнистых пород (23 экз.). Все породы, по всей видимости, местного происхождения. Андезитовое сырье встречается, например, (в виде гальки и валунов) на северных склонах горы Лысой и соседних с ней гор Рухс-Дзуар, Тарской и Фетхуз и в отложениях берегов р. Черной. В некоторых пунктах андезит встречается непосредственно в районе нижнепалеолитических местонахождений: он преобладает среди галечного материала, который наряду с суглинками, участвует в образовании террас южного подножья горы Лысой¹². Другие разновидности изверженных и осадочных пород также, по-видимому, происходят из конгломератов и галечников этого района. Кремень, однако, мог приноситься с мест коренных месторождений. Это документируется наличием на 13 кремневых поделках участков толстой желвачной (а не галечниковой)

⁸ См. отчеты о работе палеолитического отряда Северо-Кавказской экспедиции ЛОИА в 1959 и 1961 гг. в архиве ИА АН СССР в Москве.

⁹ Шурфовка грота, расположенного на левом берегу Фиагодона, в 1,5 км к югу от Гусры, показала, например, что слой со средневековыми культурными остатками налегает непосредственно на слой речного аллювия.

¹⁰ Обследованию остальной обширной территории останцев древних террас препятствует сильная задернованность, высокие травы, заросли камышей и кустарников.

¹¹ А также в 1,5—2 км к юго-западу от пункта Лысая Гора I. Местонахождение Хутор Попов II находится в 1 км севернее первого.

¹² В. П. Ренгартен. О геологических исследованиях между Владикавказом и Дарьяльским ущельем. Изв. Геол. Ком., т. XXXVIII, № 1, 1919, стр. 37; его же. Геологический очерк района Военно-Грузинской дороги, стр. 36—37; Л. Н. Плавчевский. Указ. соч., стр. 50, 59.

корки. Ближайшие выходы кремня отмечены В. П. Ренгартенем в виде включений в толщу верхнеюрских и меловых известняков соседних гор: Известняковой, Столовой и Фетхуз¹³.

Коллекция, собранная на местонахождении Хутор Попов I (рис. 6), состоит из нуклеусов (17 экз.), отщепов (42 экз.), пластин (4 экз.), ручного рубила (рис. 6—3), скребла и нескольких трудноопределимых обломков. Нуклеусы в основном маловыразительны. Большинство их (15 экз.) изготовлено из грубого, трещиноватого кремня. Их можно подразделить на одноплощадочные и близкие этой форме (6—7 экз.) и дисковидные (3 экз.); остальные — довольно аморфные нуклеидные куски кремня. Приведем два лучших экземпляра — дисковидный и одноплощадочный (рис. 7—2, 3). Дисковидный — маленький (диаметр — 4 см, сечение — 1,8 см), остаточный, двухсторонний, изготовлен из кремня. Одноплощадочный — треугольных очертаний, долеритовый (?); заготовкой для него послужил массивный отщеп, спинка которого стала рабочей стороной ядрища, а ударная площадка, после дополнительной подправки мелкими сколами — плоскостью, по которой наносились скалывающие удары.

Отщепы и пластины, несмотря на сравнительно небольшие размеры, отличаются довольно архаичными признаками: массивностью, неправильностью очертаний, примитивностью подправок ударных площадок (рис. 6—1). Последние в большинстве своем гладкие (у 21 из 33 отщепов и пластин, ударные площадки которых сохранились) или носят следы грубой подправки двумя-тремя снятиями (в 6 случаях). Лишь на шести предметах (4 отщепа и 2 пластины) заметна более совершенная техника отделки плоскостей удара с помощью мелких фасеток. Одна из этих площадок весьма близко напоминает площадки типа «chapeau de gendarme» (рис. 6—2; в данном случае «chapeau» слегка асимметрично). В заключение отметим, что только четвертая часть всех сколов (10 из 42) может быть отнесена к разряду левалуазских. Они отличаются правильным ограничением спинки, удлиненностью пропорций, более тонким профилем и, по-видимому, отделены от ядрищ типа одноплощадочных.

В заключение опишем оба имеющихся в коллекции орудия. Ручное рубило (рис. 6—3) изготовлено из крупного и массивного куска (краевой отщеп?) кремнистого песчаника (?). Фрагментировано в древности. Размеры сохранившейся части: длина — 14 см (первоначальная длина достигала, по-видимому, 19—20 см), ширина — 7,5 см, толщина — 3,5 см. Нижняя сторона обработана крупными широкими радиально направленными снятиями с очевидным стремлением удалить валунную корку (которая, однако, частично здесь сохранилась) и придать орудию правильные очертания и форму. Верхняя сторона носит следы более тщательной вторичной отделки: помимо широких снятий, которыми выровнена вся поверхность, края и пятка подправлены дополнительно крупной ретушью, которая довольно хорошо выравнивает левый продольный край, лежащий в плоскости симметрии предмета. Правый продольный край, однако, хорошо выровнен и приострен лишь в пределах широкой и слегка утолщенной пятки; на остальном протяжении он весьма извилист. В целом же правый край имеет тенденцию к изгибу в виде буквы S — явное свидетельство того, что заготовкой для ручного рубила послужил отщеп, выпуклый массивный бугорок которого и общий изгиб всей плоскости откола определили соответствующий изогнутый профиль предмета. По форме, очертаниям и отмеченным особен-

¹³ В. П. Ренгартен. О геологических исследованиях..., стр. 39. Кремень, как это показали разведки 1961 г., встречается и во многих других пунктах предгорной и среднегорной полосы Северной Осетии: в известняках близ Цимиты и Тагардона (долина р. Фиагдон), к северу от сел. Биз (долина р. Ардон), в известняковых обрывах горы Кремневая (Атдорта) и Уорскена (Белая осыпь) в долине р. Урух. Наиболее качественный кремень — желтый, красновато-розовый и белый — обнаружен, в виде обломков желваков, в русле реки Дур-Дур в районе одноименного селения.

ностям обработки орудие можно отнести к типу копьевидных ручных рубил верхнего ашеля¹⁴.

Скребло (рис. 7—1) так называемого «угловатого» типа («*racloir déjeté*» — французского археолога Ф. Борда, «*angular scaper*» — английских исследователей, «*Winkelschaber*» — немецких). Основной морфологический признак этой разновидности скребел — несовпадение оси симметрии отщепов, послуживших заготовкой, с направлением ударов, которыми эти отщепы отделены от ядрищ¹⁵. Другими словами, точки скальвующих ударов находятся сбоку по отношению к длинным осям сколов-заготовок.

Угловатое скребло с хутора Попова изготовлено из андезитового отщепа треугольных очертаний. Оно относится к типичным (удлинненным) образцам изделий этого рода: рабочие лезвия весьма скошены по отношению к направлению скальвующего удара и сходятся в одну точку под острым углом. Оба рабочие лезвия тщательно подправлены ретушью. Верхний конец орудия, к сожалению, отломан в недавнее время (свежее повреждение).

Нижнепалеолитический комплекс хутора Попова в целом, судя по приемам техники расщепления камня (особенности ядрищ и сколов — заготовок), составу изделий и морфологическим признакам немногочисленных орудий, предварительно можно датировать концом ашельской эпохи. Не исключено, однако, что в нем есть некоторая примесь более поздних мустьерских изделий. Новые сборы, накопление материалов, позволят сделать более уверенное заключение.

Нижнепалеолитическое местонахождение Редант Первый¹⁶. Находится в 500—700 м к юго-востоку от местонахождения Лысая Гора, в 200—300 м западнее поселка Редант Первый, у южного и юго-западного подножья холма, на левой стороне безымянного ручья, который течет в направлении Терека. Холм — террасовидный останец, подобный тому, на котором расположено местонахождение Лысая Гора I, покрыт густыми травами. Находки поэтому прослежены лишь в размытых кюветах грунтовой дороги.

При разведке в районе местонахождения собран небольшой, но весьма выразительный материал. Все находки — фрагмент ручного рубила, скребло, пластина, отщеп и два обломка сколов — безусловно нижнепалеолитического облика. Наиболее выразительны в этом отношении ручное рубило и скребло.

Ручное рубило представлено верхней узкой частью орудия (рис. 7—4). Максимальные размеры сохранившейся части: длина — 6 см, ширина — 4,1 см, толщина — 2,1 см. Изготовлено из розоватого кремнистого песчаника (?). Обе стороны орудия сплошь обработаны небольшими весьма пологими сколами; края дополнительно подправлены грубой ретушью. Последняя нанесена с верхней, выпуклой стороны после того, как отделка нижней, более уплощенной была закончена. Прием этот в известной мере целесообразен, ибо «заострение лезвия при плоской нижней поверхности и легче и дает более правильную нить»¹⁷. Подобная техника отделки поверхностей и рабочих элементов бифасов считается мустьерской¹⁸.

Скребло простое прямое (рис. 7—5). Изготовлено на массивной темной кремневой пластине. Рабочий край подправлен мелкой пологой ретушью,

¹⁴ F. Bordes. *Typologie du paléolithique ancien et moyen*. Publications de l'institut de préhistoire de l'Université de Bordeaux. Mémoire N 1, Bordeaux, 1961. Planches 50, 55.

¹⁵ F. Bordes. *Pontes moustériennes, racloirs convergents et déjetés, limaces*. Bulletin de la société préhistorique Française, T. LI, fasc. 7, Paris, 1954, стр. 336—338, рис. 1, № 4—8.

¹⁶ «Первый» в данном случае — часть географического названия населенного пункта.

¹⁷ Г. А. Бонч-Осмоловский. Грот Кник-Коба. М.—Л., 1940, стр. 100

¹⁸ F. Bordes. *Les limons quaternaires du bassin de la Seine*. Archives de l'Institut de paléontologie humaine. Mémoire 26, Paris, 1953, p. 205.

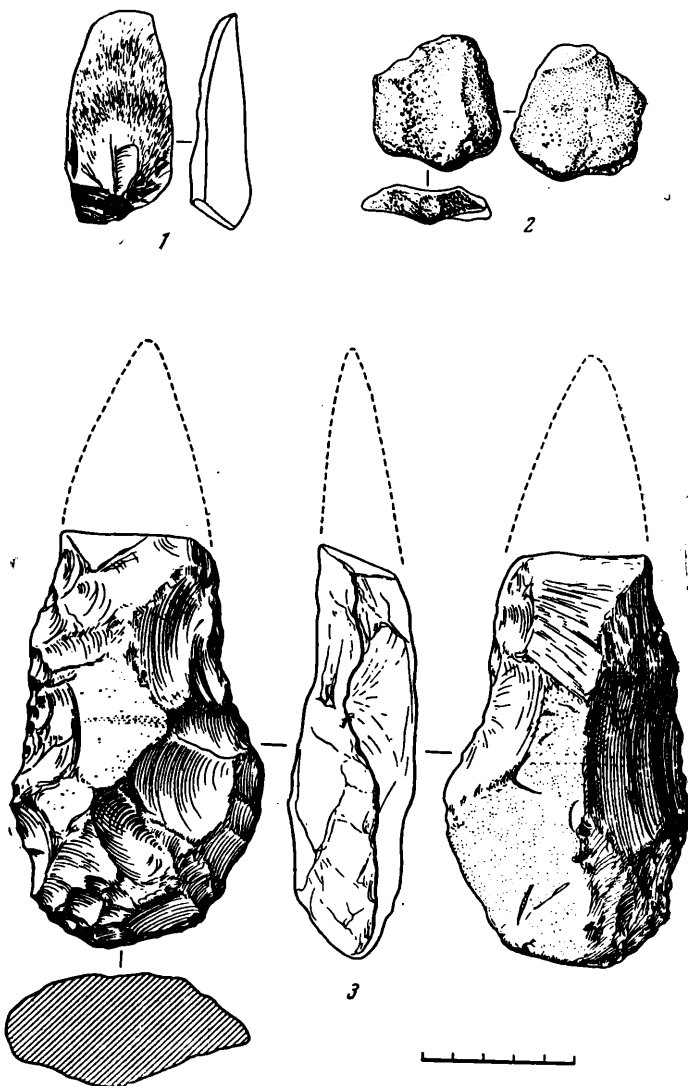

Рис. 6. Каменные изделия из нижнепалеолитического местонахождения Хутор Попов I (Северная Осетия).

1, 2 — отщепы; 3 — ручное рубило.

фасетки которой заканчиваются иногда заломами. Ретушь нанесена со стороны спинки. В основании пластины, где выступает небольшой, но весьма выпуклый ударный бугорок, ретушь нанесена, однако, со стороны брюшка. Срезав прилегающий участок бугорка она, таким образом, приостирила и выпрямила рабочее лезвие.

Скребло было разбито в древности (степень патинизации облома тождественна степени патинизации поверхности изделия) на две части. Обе они лежали в кювете на расстоянии нескольких метров: факт, свидетельствующий о незначительных масштабах перемещения археологического материала водными потоками. Очень слабая заглаженность граней всех находок подкрепляет это.

Небольшое количество находок обуславливает предельно осторожную датировку местонахождения. Особенности описанного выше двухсторон-

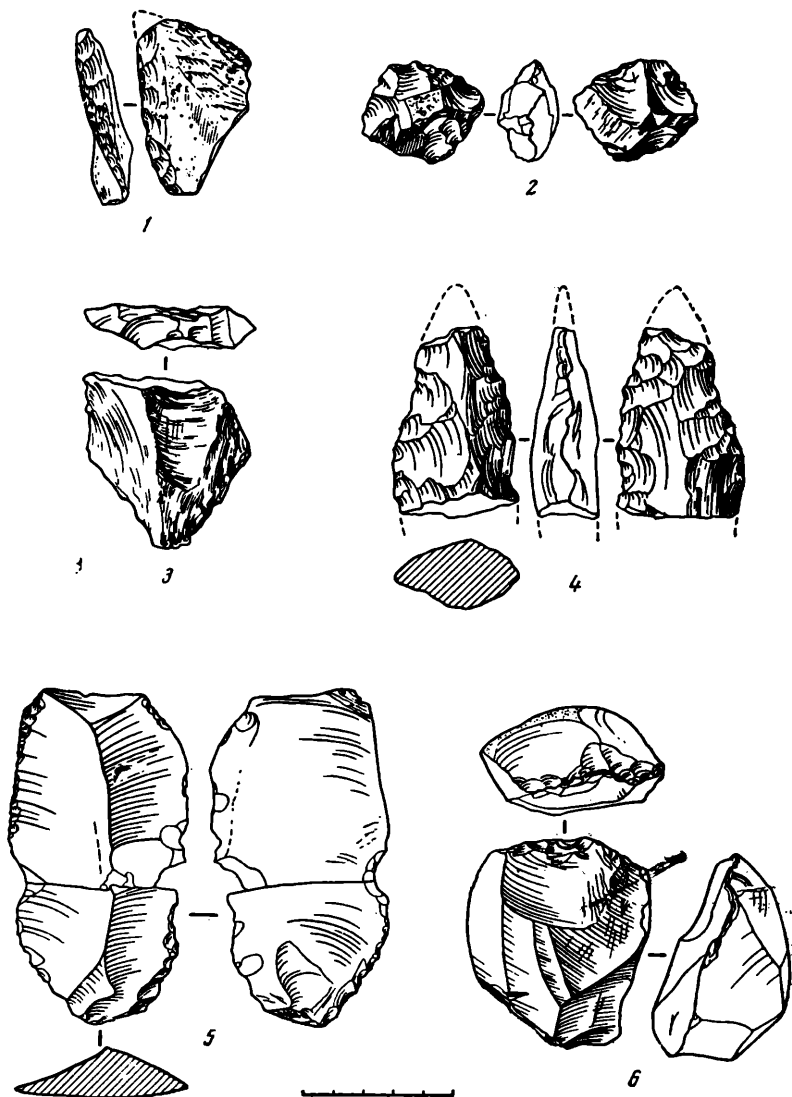

Рис. 7. Каменные изделия из нижнепалеолитических местонахождений Северной Осетии.

1 — угловатое скребло; 2 — дисковидный нуклеус; 3, 6 — одноплощадочные нуклеусы;
4 — ручное рубило; 5 — скребло на пластинке. (1—3 — Хутор Попов I; 4, 5 — Редант Первый;
6 — Тарская котловина).

него орудия служат основанием для отнесения памятника к мустьерской эпохе. Однако подобная датировка, конечно, сугубо предварительная.

В заключение статьи воспроизводим рисунок превосходного одноплощадочного леваллуазского ядрища (рис. 7—6), найденного западнее долины Терека, в Тарской котловине. Ядрище обнаружено на террасированном склоне северной части котловины, на правом берегу восточного истока р. Камбилеевки, в 1 км к юго-востоку от слияния его с западным истоком, на относительной высоте около 60 м.¹⁹

¹⁹ Там же, а также северо-западнее (местность Кобур) встречены единичные нижнепалеолитические отщепы.

Краткие выводы. 1. Результаты работ 1961 г. существенно корректируют прежние представления о нижнем палеолите северного склона центральной части Большого Кавказа. Теперь можно говорить не о единственном пункте находок мустьерских изделий (Лысая Гора I), а о существовании здесь большого очага ашело-мустьерской культуры, приуроченного к полосе древнечетвертичных отложений между Тереком и Камбилеевкой с одной стороны, и Тереком и рекой Черной — с другой. Полоса эта примыкает к южному подножью гор Тарская и Лысая и простирается далее на запад до р. Гизельдон²⁰.

2. Геоморфологическое обследование специалистами (Н. Д. Думитрашко и Ю. Н. Родзянко) района лысогогорского месторождения и главным образом зондаж в пещерных убежищах в долине р. Фиагдон, ставят вопрос о пересмотре (в сторону омоложения) возраста террасовых уровней долины р. Терек и его притоков.

3. Выявленные нижнепалеолитические комплексы Северной Осетии ничем существенным не отличаются от одновозрастных комплексов Закавказья, хотя, как следует ожидать, при накоплении новых материалов могут быть установлены некоторые локальные особенности.

4. Обнаружение ашельских находок в районе хутора Попов значительно понижает дату первоначального заселения территории Северной Осетии человеком.

5. Наличие в полосе предгорий группы нижнепалеолитических памятников открытого типа и свидетельства незначительности перемещения археологических остатков на местонахождении Редант Первый — аргумент в пользу взглядов о небольших масштабах древних оледенений северного склона Центрального Кавказа. В данной связи возможен и другой вывод: все выявленные памятники относятся к послерисскому времени.

---

²⁰ Находки, сделанные на р. Гизельдон в 1954 г., названные в свое время, осторожности ради, «макролитами» (см. В. П. Любин. Нижнепалеолитические находки на Терек..., стр. 336—337, рис. 1, № 1, 2), будут, по всей вероятности, после дополнительного геоморфологического обследования места находок, также причислены к нижнему палеолиту.

М. Э. ПАНИЧКИНА и Е. А. ВЕКИЛОВА

ИССЛЕДОВАНИЕ АХШТЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ В 1961 г.

В 1961 г. Северо-Кавказским отрядом Института археологии АН СССР возобновлены раскопки Ахштырской пещеры¹, исследованной С. Н. Замятиным в 1936—1938 гг.² Здесь впервые для Кавказа был вскрыт наиболее полный стратиграфический ряд культурных напластований каменного века от нижнего палеолита до неолита, и благодаря этому Ахштырская пещера заняла среди древнейших памятников этой территории особое место.

Даже теперь, когда на Кавказе исследовано значительно больше многослойных стоянок, чем прежде (группа Кударских пещер в Южной Осетии, пещеры Сагварджиле и Цонская в Грузии и т. д.), Ахштырская пещера продолжает сохранять значение эталона.

Работы 1961 г. начались с детального ознакомления с состоянием пещеры. Благодаря живописности окрестностей и своей величественности Ахштырская пещера пользуется среди местного населения и отдыхающих широкой известностью. Многими туристическими базами городов Сочи, Адлера, Гагр она включена в экскурсионные маршруты. В результате повседневных массовых посещений вскрытые раскопками предыдущих лет разрезы и часть отложений, приуроченных к этим разрезам, сильно пострадали.

Особенно большие разрушения претерпела толща отложений главного коридора. В южной и центральной его частях на площади около 5—6 м верхние слои почти полностью уничтожены. Нижняя часть разреза оказалась закрытой осыпью. О степени повреждения толщи отложений главного коридора свидетельствуют размеры осыпи. Она занимала площадь 5 × 5 м, а в высоту превышала 2 м.

Состояние памятника определило характер работ. Много времени пришлось затратить на разборку осыпи и очистку скального дна пещеры, вскрытого исследованиями в предыдущие годы. При этом обнаружено много археологического и фаунистического материала, выпавшего из разных культурных слоев.

¹ В работе принимали участие Е. А. Векилова (начальник отряда), М. Э. Паничкина, И. И. Коробков, В. М. Бургонов, Г. И. Гордович, В. Г. Амосов, Ю. А. Мочанов.

² С. Н. Замятин. Навалишенская и Ахштырская пещеры на Черноморском побережье Кавказа. Бюлл. КИЧП, № 6—7, 1940, стр. 100—101; его же. Изучение палеолитического периода на Кавказе за 1936—1948 гг. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2. М.—Л., 1950, стр. 127—139; его же. Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря. Очерки по палеолиту. М.—Л., 1961, стр. 104—117.

В дальнейшем велись раскопки незатронутых разрушением слоев главного коридора, на площади непосредственно примыкающей к месту раскопок С. Н. Замятина. Одновременно в глубине коридора, на расстоянии 21 м от обреза внешней площадки пещеры, с целью выявления распространения и характера культурных остатков в темной части был заложен шурф размером 1,5 × 2 м, пробитый до скального дна (толща отложений свыше 3 м). В нем встречены кремневые изделия и кости животных.

Раскопки 1961 г. в целом подтвердили стратиграфию памятника (количество слоев и характерные признаки каждого из них), выявленную С. Н. Замятиным в 1936—1938 гг. Однако на вскрытом нами участке она оказалась несколько более сложной. Дополнительные данные по стратиграфии Ахштырской пещеры сводятся к следующему.

1. а) Между бурощебеночным слоем (слой 2) и желтой глиной (слой 3) отмечен горизонт глины буро-желтой, более плотный, чем глина 2-го слоя, с значительно меньшим количеством щебенки. Эта прослойка названа нами горизонтом 3а. б) Под комковатой глиной лилового цвета (слой 4) находится прослойка серой глины. Она получила у нас название горизонта 4а. в) Нижняя часть серо-зеленой глины (слой 5) выделяется окристо-желтым цветом и она выделена в особый горизонт 5а.

2. На исследованной в 1961 г. площади наблюдалось несовпадение слоев стратиграфических и культурных.

Так, находки верхнепалеолитического времени были связаны не только с нижней частью бурощебеночного слоя (слой 2), но и с горизонтом буро-желтой глины (3а). Следует при этом отметить, что наряду с верхнепалеолитическими кремнями этот горизонт содержал также кремневый инвентарь мустьерского типа.

Находки, относящиеся к верхнему мустьерскому времени, в основной массе залегают в слое желтой глины (слой 3). Однако немногочисленные предметы встречены нами и в верхней части четвертого слоя.

Наконец, единичные находки каменных изделий и обломки костей животных обнаружены в верхней части седьмого слоя, считавшегося С. Н. Замятиным стерильным.

3) В нижней толще отложений, вклинившимися пестроцветными линзами и прослойками иловатой глины, несколько нарушена последовательность и состояние слоев. Определенное воздействие на структуру отложений этого участка оказали подземные проточные воды, проложившие в южной половине (кв. 81а—81, 85а) коридора карстовую промоину (гл. 0,25—0,3 м), расчленившую на этом участке скальное дно.

Не останавливаясь в настоящей работе на вопросах методики исследования, отметим, что при разбивке раскопа нам удалось полностью увязать нивелировочные данные и поквadratную сетку с аналогичными данными С. Н. Замятина.

Раскопками 1961 г. вскрыта площадь 20 кв. м. Исследована пятиметровая толща отложений, включающая несколько слоев, резко различающихся между собой по структуре, цвету и культурным остаткам.

Верхний зольный слой (сохранился в основном на пристеночных участках), характеризуются главным образом средневековой и современной керамикой, а также костями домашних животных.

Второй, бурощебеночный слой по характеру культурных остатков может быть разделен на два горизонта. Верхний горизонт (сильно разрушен) содержит находки неолитического времени — керамику, каменные и костяные изделия, а также кости животных. Находок немного. Толщу слоя разделяют на два горизонта крупные плиты известняка, обвалившиеся в древности с потолка. Под плитами залегают две мощные, хорошо выраженные по интенсивно черному цвету угольные прослойки, сильно прокалившие подстилающие их отложения.

В нижнем горизонте буро-щебеночного слоя (этот горизонт сохранился лучше верхнего) обнаружен немногочисленный кремневый инвентарь верхнепалеолитического облика.

Как уже упоминалось, кремни верхнего палеолита встречены также в нижележащем горизонте буро-желтой глины с щебенкой (горизонт 3а). В этом же горизонте залегают изделия мустьерского облика.

В третьем слое обнаружен богатый инвентарь мустьерского времени и многочисленные остатки костей животных (преимущественно пещерный медведь), местами образующие крупные скопления. Плотная желтая глина слоя содержит довольно много плит (древний обвал потолка).

В нижележащей лиловато-коричневой глине (слой 4) на стыке ее с желтой глиной третьего слоя встречены немногочисленные мустьерские изделия. Фауна отсутствовала.

Под четвертым слоем залежала серо-зеленая глина (слой 5) с большим количеством ржавых и белесых примазок. Последние, очевидно, образовались в результате полного разрушения костных остатков. Годные для определения кости животных встречены в чрезвычайно незначительном количестве. В слое содержится мустьерский материал, более богатый, нежели в третьем.

Ниже залежала серо-зеленая глина (слой 6) без культурных остатков.

Последний, лежащий на скальном дне пещеры, седьмой слой состоит из охристо-красной и желтой глины, включающей речную гальку, количество которой книзу резко увеличивается. В самой верхней части слоя, на стыке его с шестым, встречены единичные (3 экз.) находки кремней и обломки костей животных. Среди кремневых изделий следует отметить ручное рубило позднеашельского типа.

Как уже отмечал С. Н. Замятин, слои 6-й и 7-й залегают только на пониженных участках пола пещеры. В южной половине коридора они отсутствовали.

Кратко остановимся на характеристике кремневого инвентаря, обнаруженного в 1961 г. в палеолитических слоях.

Каменные изделия, относимые к верхнему палеолиту, в Ахштырской пещере представлены наименее выразительно и немногочисленно. Наиболее устойчивую серию составляют ножевидные пластинки, обработанные поперечной ретушью на верхнем конце (рис. 8—1, 2). В меньшем числе встречены небольшие узкие пластинки с притупленным продольным краем (рис. 8—4, 5). Совершенно незначительную группу изделий составляют резцы (рис. 8—9), острия типа граветт (рис. 8—8) и концевые скребки (рис. 8—3, 7). Ножевидные пластинки (рис. 8—6, 10) без вторичной обработки встречены также в небольшом количестве. Хорошо выраженные нуклеусы отсутствуют.

Среди орудий верхнего мустьерского слоя наиболее обильную (свыше 60% всех орудий) и характерную по технике обработки группу изделий составляют скребла. Для вторичной обработки их характерна неустойчивая, рвущая край ретушь, местами переходящая с одной стороны орудия на другую. Она слабо приостряет рабочее лезвие, придает ему сильную зубчатость, перемежающуюся с неровными выемками. Лишь единичные экземпляры имеют тщательную, хорошо выравнивающую и приостряющую лезвие ретушь (рис. 8—12).

Значительную серию составляют остроконечники (около 20 экз.). Однако почти все орудия изготовлены из широких отщепов неправильно треугольной формы. Хорошо выраженные по характеру заготовок и технике обработки экземпляры (рис. 8—11, 13) немногочисленны. Остроконечников удлинённой формы нет, также отсутствуют двухсторонне обработанные миниатюрные орудия типа ручных рубилец. Характерно, что в нижнем мустьерском слое (слой 5) они составили весьма выразительную серию.

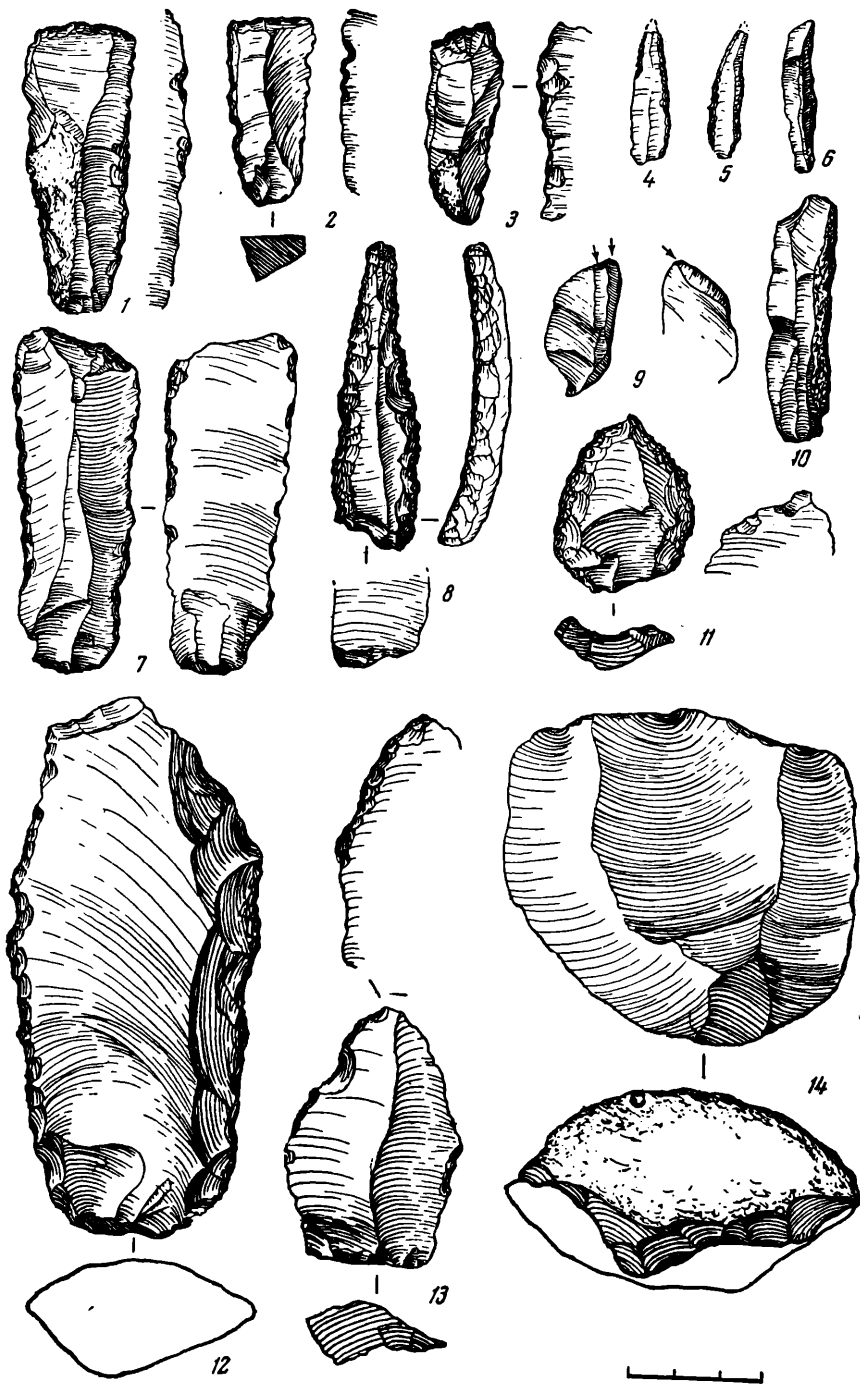

Рис. 8. Ахштырская пещера. Каменный инвентарь.

1—10 — верхнепалеолитические кремневые орудия;

11—14 — каменные изделия из верхнемугдальского (3-го) слоя.

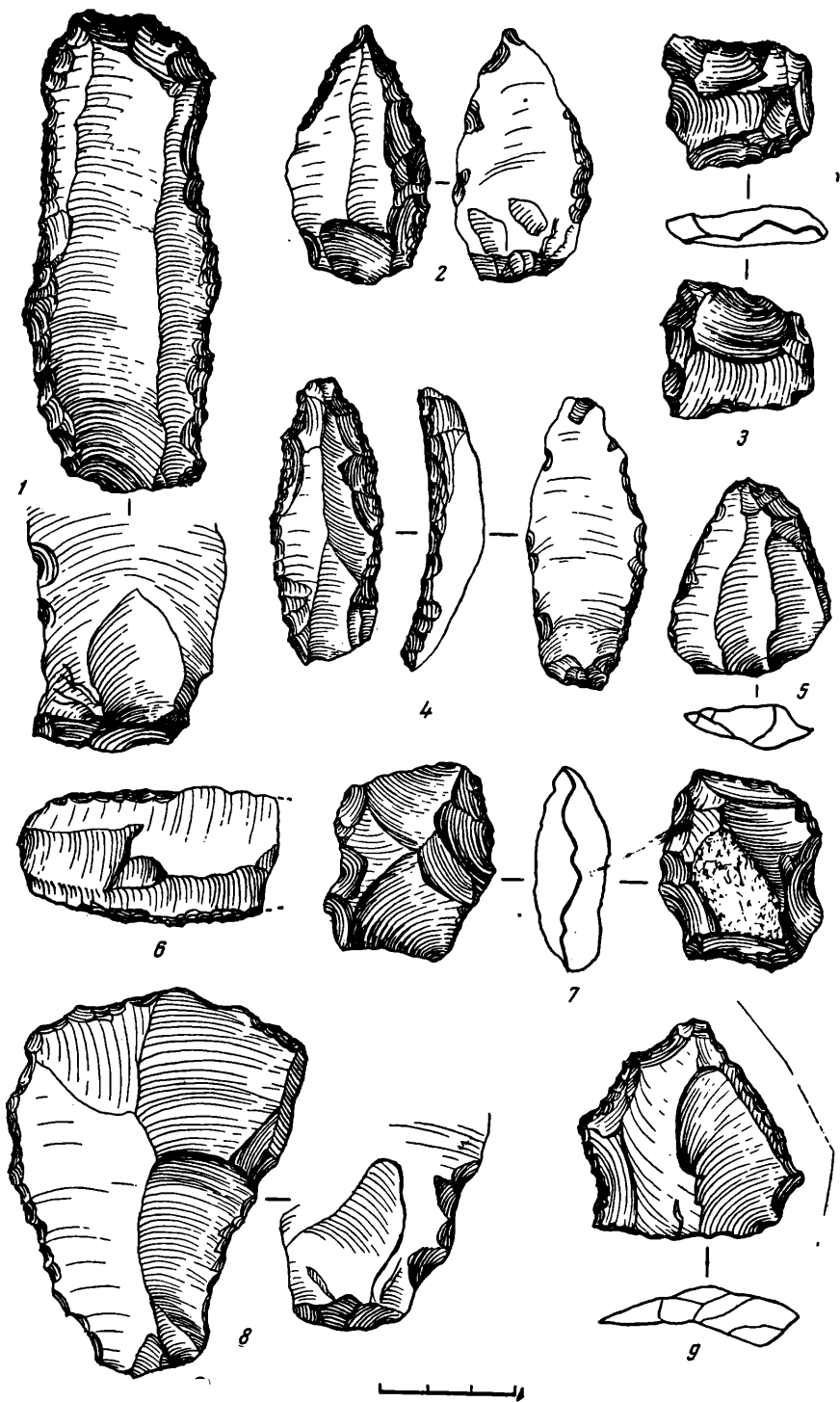

Рис. 9. Ахштырская пещера. Каменный инвентарь.

1—7, 9 — каменные изделия из нижнемустьерского (5-го) слоя; 8 — скребло из 7-го слоя.

Двухсторонне обработанные грубые рубящие орудия из верхнемустьерского слоя по форме и приемам обработки очень сходны с явно выраженными дисковидными ядрищами из этого же слоя. Некоторые нуклеусы несут черты леваллуазской техники (рис. 8—14). Большую серию составляют отщепы. Почти все экземпляры использованы в работе.

Единичные находки, обнаруженные в верхней части четвертого слоя, по облику и технике изготовления полностью сходны с изделиями третьего, верхнемустьерского слоя.

Как и в предыдущие годы раскопок в пятом слое обнаружена наиболее богатая по количеству и типам орудий коллекция мустьерских изделий. Наиболее хорошо выраженной и разнообразной по типам серией изделий представлены остроконечники. Среди них есть экземпляры, изготовленные из широких отщепов правильно треугольной формы (рис. 9—5, 9) и из пластин удлинненно-листовидных очертаний (рис. 9—2, 4).

В инвентаре этого слоя так же, как и среди изделий верхнемустьерского (слой 3), преобладают скребла (рис. 9—1, 6). По характеру рабочего края они разнообразны. Есть орудия двойные с прямым, выпуклым и вогнутым лезвиями. Заготовками для них так же, как и для остроконечников, служили широкие, подтреугольной формы отщепы и удлиненные пластины.

В отличие от верхнемустьерского пятый слой дал выразительную серию двухсторонне обработанных уплощенных миниатюрных орудий. Некоторые экземпляры по форме напоминают ручные рубильца. Однако для большего числа этих изделий характерна дисковидная (рис. 9—3) и подчетыреугольная (рис. 9—7) форма.

Нуклеусы немногочисленны. Они леваллуазского облика. Среди них представлены экземпляры дисковидные, сработанные по всей поверхности, и подтреугольные, сохраняющие следы отделения отщепов только на одной стороне и только от одного края ядрища.

Особенность инвентаря мустьерских слоев заключается в том, что почти все отщепы — от самых крупных до самых мельчайших — несут на себе частичную ретушь и следы использования в работе. Края изделий с зазубринами, выемками и выступами, которые непоследовательно перемежаются между собой и придают линии лезвия неровные очертания. По-видимому, это явление в какой-то мере объясняется недостаточностью в древности близ пещеры пригодного для изготовления орудий материала, трудностью его добытия и доставки.

Как уже отмечалось, очень неустойчивая, прерывающаяся, переходящая со стороны на сторону ретушь характерна и для скребел. Из них лишь единичные экземпляры несут тщательную вторичную обработку. По характеру рабочего края можно заключить, что эти многочисленные скребла и отщепы использованы в работе без предварительной обработки и слабое ретуширование лезвия происходило в процессе использования. Очевидно, этими изделиями выполнялись специфические работы, главным образом скобление.

В седьмом слое найдено всего три предмета — ручное рубило, скребло и осколок кремня. Ручное рубило (рис. 10) изготовлено из небольшого, плоского куска сланца. Обе стороны и основание сильно уплощены мелкими последовательными сколами. Края дополнительно приострены. По типу и технике изготовления оно сходно с ручными рубилами финального ашеля. Скребло (рис. 9—8) сделано из крупного широкого отщепа неправильно овальной формы. Круговая ретушь мелкая, неровная, местами образует небольшие выемки. На краях сохранились следы употребления — мелкие выщербинки и смятость.

Небольшие по объему работы 1961 г. не позволяют окончательно уточнить стратиграфию отложений Ахштырской пещеры. Полные данные могут быть получены после изучения значительно более широкой площади.

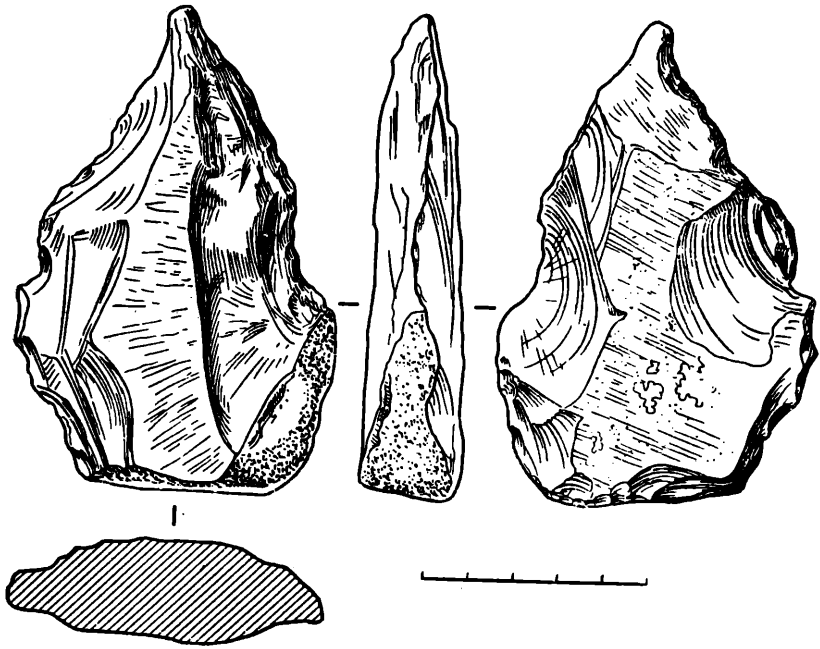

Рис. 10. Ахштырская пещера. Ручное рубило из 7-го слоя.

В заключение отметим, что исследование Ахштырской пещеры имеет исключительно важное значение. Последовательное напластование культурных остатков от нижнего палеолита до конца каменного века, а также многочисленность и характер этих остатков позволяют наиболее полно выявить сложнейшую картину развития палеолитической культуры не только на территории Кавказа, но и далеко за пределами ее.

И. И. КОРОБКОВ

РАЗВЕДОЧНЫЕ РАБОТЫ В ХОСТИНСКИХ ПЕЩЕРАХ В 1961 г.
(Черноморское побережье Кавказа)

В 1961 г. по поручению Северо-Кавказского отряда ЛОИА была проведена разведочная шурфовка двух пещер, расположенных в долине р. Большая Хостинка (Кудепстинский район г. Сочи). Пещеры эти исследовались еще до войны С. Н. Замятниным¹, М. Э. Паничкиной² и Д. А. Крайновым³, причем была установлена заселенность обеих пещер человеком каменного века. Материал Хостинской II пещеры был очень скупо освещен в печати, разведочные же шурфы, заложенные С. Н. Замятниным в Хостинской I пещере, не были доведены до скального основания и дали очень мало материала. С целью окончательного выяснения стратиграфии обоих памятников и получения нового материала, который бы способствовал разрешению вопросов, остававшихся неясными, и были проведены работы в октябре 1961 г.⁴

Описание Хостинских пещер уже давалось в литературе, поэтому я лишь кратко отмечу черты, отличающие их друг от друга. Обе они — карстового происхождения, расположены в известняковом массиве правого берега р. Большая Хостинка, примерно в 7 км от ее устья, на расстоянии 1 км одна от другой. Они находятся на разной высоте от уровня реки (Хостинская I — 300 м⁵, Хостинская II — 150 м⁶) и сильно различаются и по своим спелеологическим чертам и по мощности и характеру отложений. Обе пещеры коридорного типа с сильно развитой сетью галерей, большая часть которых глубоко уходит в известняковый массив и лишена отложений на скальном дне. Но Хостинская II пещера — сухая, светлая, с широкой входной частью, Хостинская I, наоборот, более узкая, темная и очень сырая (вода обильно просачивается в нее уже через час после дождя). Входная (обитаемая) часть Хостинской I пещеры отделена узкой, трудно проходимой щелью от дальних галерей, в Хостинской II — все галереи легко доступны и сеть менее разветвленная. В обеих пещерах было заложено по одному шурфу (2 × 1,5 м).

Хостинская II пещера. Эта пещера, трудно доступная в настоящее время для посещения, была весьма удобной для обитания. Не менее чем в двух галереях (входная длиной 18 м, шириной до 5 м и расположенная под углом

¹ С. Н. З а м я т н и н. Очерки по палеолиту. М.—Л., 1961, стр. 98—100.

² М. Э. П а н и ч к и н а. Палеолитические изделия из Хостинской пещеры II. Сообщения Гос. Эрмитажа, XXII, 1962, стр. 23, 24.

³ Д. А. К р а й н о в. Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа. Бюлл. КИЧПЕ, № 9, 1947, стр. 31.

⁴ Работы велись автором настоящей статьи, который считает необходимым принести искреннюю благодарность В. А. Карапетяну, оказавшему большую помощь при исследованиях в пещерах.

⁵ С. Н. З а м я т н и н. Указ. соч., стр. 98.

⁶ Д. А. К р а й н о в. Указ. соч., стр. 37.

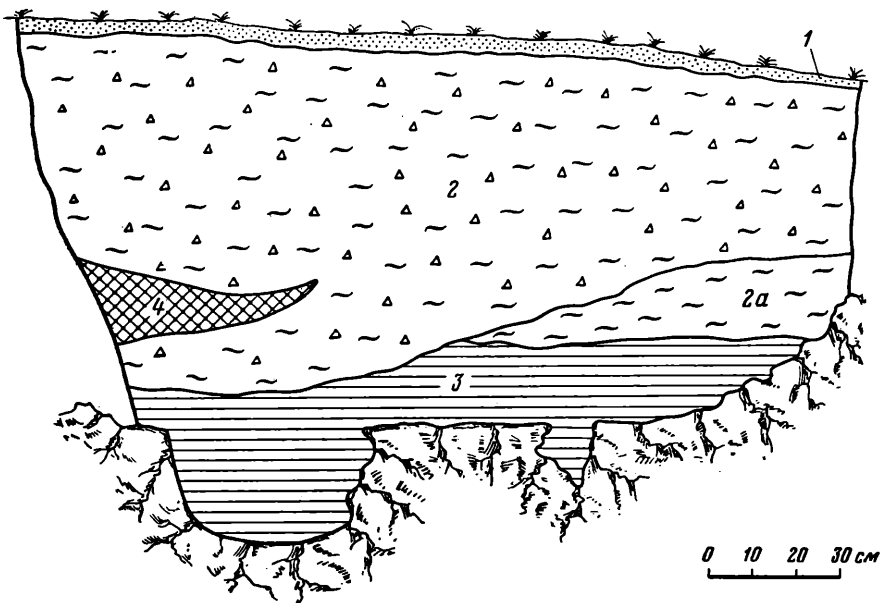

Рис. 11. Хостинская II пещера. Разрез отложений по северо-восточной стенке шурфа.

1 — слой пылеватой супеси; 2 — темно-коричневый суглинок с щебенкой; 2a — темно-коричневый суглинок без щебня; 3 — желтый суглинок; 4 — углистая прослойка.

к ней темная — длиной 15 м, шириной 3—3,5 м) отложения могут служить объектом раскопок. Поверхность пола входной (светлой) галереи в большей своей части нарушена, поэтому шурф заложен в темной, недалеко от места стыка ее с первой. На большей площади шурфа пол пещеры находился на глубине 0,8—1,0 м от поверхности, но в юго-западной части он углубляется канавкой глубиной в 0,3 м и шириной 0,5 м, идущей по длинной оси галереи, благодаря чему максимальная глубина шурфа достигает 1,25 м. Толща отложений состоит из следующих слоев (см. рис. 11).

1. Верхний слой — рыхлая пылеватая супесь серого цвета мощностью 5—7 см.

2. Его подстилает суглинок темно-коричневого цвета с обильным включением щебенки. В верхней части суглинок песчанистый, в нижней — более глинистый. В восточной части шурфа ниже 35 см суглинок лишен щебенки. Потемнение слоя возрастает книзу. Четкого разделения всей толщи суглинка на отдельные горизонты провести не удалось (из-за недостатка света в галерее), однако он содержит одновременный археологический материал: неолитический, верхнепалеолитический и мустьерский. Мощность слоя 0,7—0,9 м.

3. Непосредственно на скальном дне залегает суглинок желтого цвета. Он содержит находки мустьерского времени. Мощность слоя от 0,1 до 0,4 м.

Шурф показал, что в пещере залегают два мустьерских комплекса, связанные с двумя различными слоями суглинка. Эти комплексы различны в типологическом отношении. В нижнем слое в суглинке желтого цвета встречено 11 предметов, в их числе 3 скребла, 5 пластин, 2 отщепа и осколок кремня. Характерная особенность — это употребление в качестве материала для изготовления орудий изверженной породы типа андезито-базальтов, а также кремня с бело-желтой патиной, что нетипично для вышележащего комплекса. Вторая отличительная черта — величина отщепов, найденных в желтом суглинке. Отличия наблюдаются и в технике раскола кремня и изготовлении орудий. Это особенно заметно по характеру ударных площа-

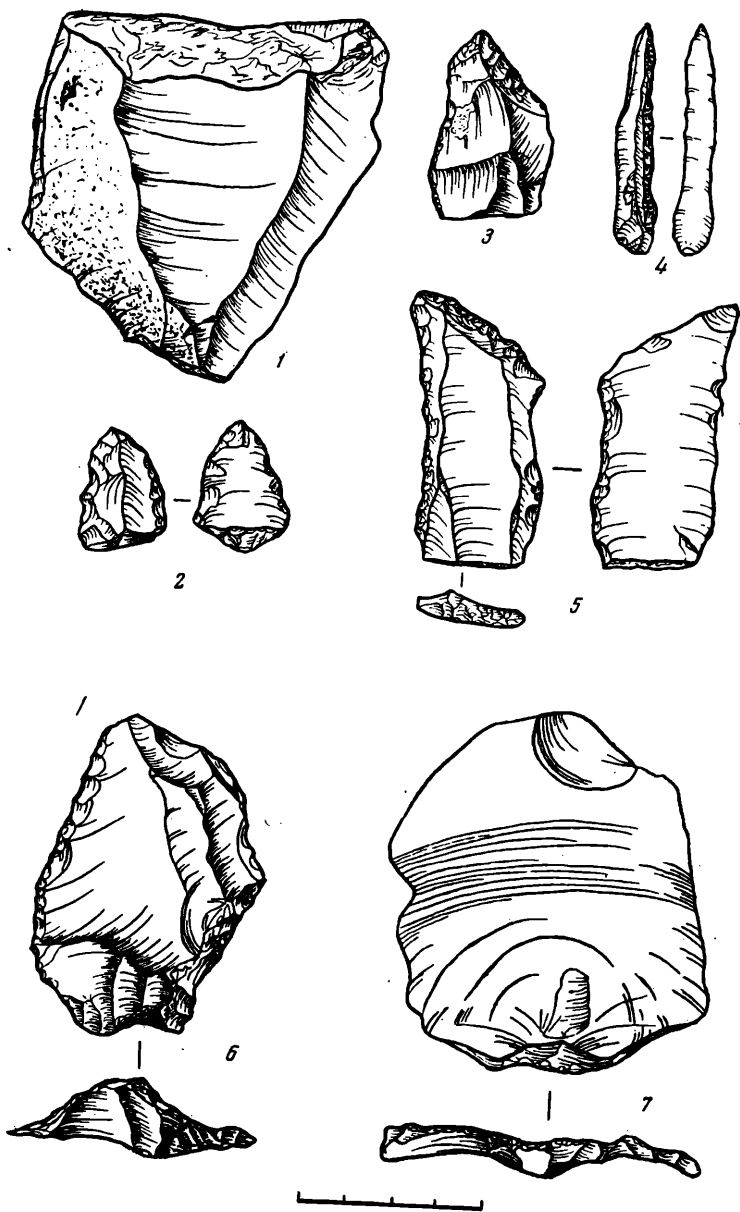

Рис. 12. Кремневые орудия из Хостинских пещер.

1—5—I пещера; 6, 7—II пещера.

док. У всех отщепов из нижнего слоя — подправленные массивные площадки. Причем, у некоторых экземпляров на крае — выщербины и сбитости, заменяющие правильную подправку. Встречены экземпляры с так называемыми «гранеными» площадками, т. е. с такими, на которых заметны следы двух или трех сколов под углом, причем удар отщепления падает на наиболее высокую точку (рис. 12—6). Подобного типа площадки были отмечены С. Н. Замятниным на орудиях в местонахождениях открытого типа на Черноморском побережье Кавказа, в том числе на Яштухе⁷. Это признак более

⁷ С. Н. З а м я т н и н. Палеолит Абхазии. Тр. ин-та абхазской культуры, вып. X, 1937, стр. 21—22.

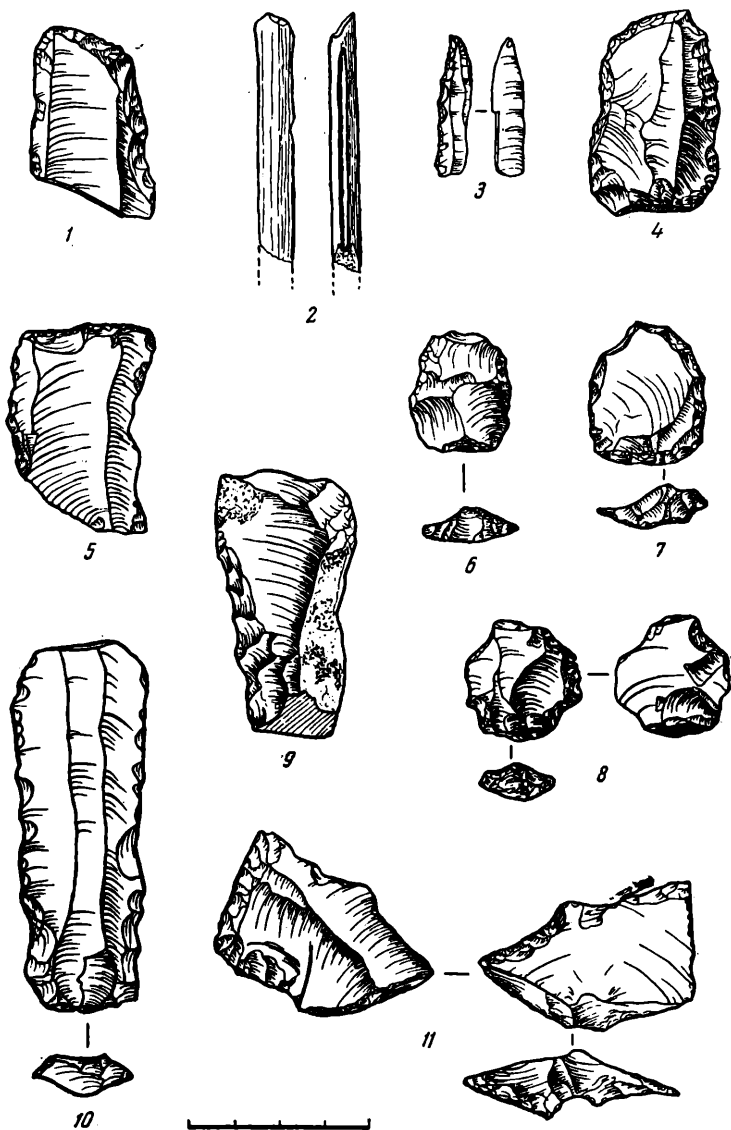

Рис. 13. Орудия из Хостинской II пещеры.

1—3 — из верхнепалеолитического слоя; 4—8 — из верхнего мустьерского комплекса;
9—11 — из нижнего мустьерского комплекса.

древней техники раскалывания кремня. Другой характерный тип площадки — удлиненная, узкая, тщательно подправленная, в форме «летающей птицы» (рис. 12—7). Она встречается на массивном овальном отщепе (с крупным ударным бугорком), сколотом с одноплощадочного леваллуазского нуклеуса. Подобные площадки также весьма характерны для отщепов из открытых местонахождений Черноморского побережья Кавказа. Среди характерных форм орудий нижнего комплекса надо отметить группу скребел, включающую скребло на массивном отщепе, с тонким рабочим краем. В отличие от скребел с крутой ретушью подобные орудия не имеют выщербинок с брюшка, образующихся в результате скобления по твердому материалу, рабочий край их более приострен. Эти признаки, возможно, соответствуют разнице в функциональном назначении двух типов скребел —

с крутым или выемчатым рабочим краем и с тонким рабочим краем. Другим характерным изделием из группы скребел можно считать орудие комбинированного типа — скребло-скобель (рис. 13—11), у которого рабочие края оформлены противоположащей ретушью, характерной для палеолита Кавказа. К группе скребел по функциональному назначению примыкает пластина с параллельным ограничением краев и с тщательно подправленной площадкой. Оба продольных края ее оформлены небольшими фасетками, образующими лезвие, местами подправленное со стороны брюшка дополнительной ретушью (рис. 13—10). Подобного типа пластины характерны для леваллуа-мустьерской техники. К этому же типу относится массивная краевая пластина, также изготовленная из андезито-базальтовой породы.

Другой мустьерский комплекс залегал выше, в основании слоя суглинка темно-коричневого цвета. Он состоит из 14 предметов; в их числе миниатюрный дисковидный нуклеус, 7 скребел, 6 отщепов и обломков кремня. Различие между верхним и нижним комплексами проявляется прежде всего в отборе материала: в верхнем отсутствуют предметы из изверженной породы, доминирует кремень красного и серого цвета. По технике раскола кремня верхний комплекс характеризуется отсутствием крупных отщепов с массивными ударными бугорками и широкими площадками, обычных в нижнем мустьерском слое. Площадки у отщепов из верхнего комплекса неправильно овальных очертаний, значительно утолщенные в центре, иногда с выемкой со стороны спинки. Они тщательно подправлены мелкими аккуратными сколами по всей плоскости и всегда меньше по размерам, чем поперечное сечение отщепа. Подобного типа площадки отличают целую группу характерных небольших орудий типа овальных скребков-скобелей с противоположащей ретушью (рис. 13—6—8). Эта группа орудий, носящих следы интенсивной сработанности, находит прямые аналогии среди орудий верхнего мустьерского слоя Ахштырской пещеры. Орудия типа скребел и скобелей преобладают в материале верхнего комплекса. Среди последних необходимо отметить два орудия на пластинках с выемкой (*outils encoches*). Весьма сходно с орудиями из Ахштырской пещеры и двойное скребло с выпуклыми лезвиями, сходящимися в острие (*gaçloig convergente convexe*).

Рассматривая оба мустьерских слоя Хостинской II пещеры в целом, нельзя не указать и на некоторые общие черты: во-первых, довольно часто встречающуюся в обоих комплексах подготовку рабочего лезвия со стороны брюшка отщепа и, во-вторых, утилизацию каждого куска и отщепа кремня, наряду с изготовлением специализированных орудий.

Выше мустьерских находок в слое темно-коричневого суглинка встречено 4 орудия: одно костяное и три кремневых. Костяное орудие представляет собой основу для вкладышевого наконечника с пазами, но неоконченного обработкой (рис. 13—2). Второй, менее выразительный экземпляр костяного стерженька, также неоконченной обработкой, был найден в нижележащих слоях. Среди кремневых орудий обращает на себя внимание микро-острие с затупленной спинкой. Подобного рода орудия встречены в верхнепалеолитических слоях пещер Сакажиа и Девис-Хврели и, прежде всего, в пещере Кударо. Второе кремневое орудие типа скобеля напоминает описанный С. Н. Замятниным⁸ «псевдо-наконечник с боковой выемкой» из пещеры Гварджилас-Клде и Девис-Хврели, однако оно более архаично по технике изготовления и по характеру ретуши, (рис. 13—9) и функции его были другими. Третье орудие (рис. 13—1), со скребковым рабочим краем, по характеру ретуши приближается к мустьерским изделиям. Однако оно было найдено выше микро-пластинки. Находки на одной глубине столь разных по типу и технике обработки орудий позволяют предполагать, что в пещере есть верхнепалеолитический слой и он находится в непосредственном кон-

⁸ С. Н. З а м я т н и н. Палеолит западного Закавказья, вып. 1. Сб. Музея антропологии и этнографии, XVII, 1957, стр. 493.

такте с верхнемустьерскими. Выше находок верхнепалеолитического типа найдены единичные фрагменты керамики слабого обжига и с большой примесью кварца в тесте. Залегание культурных остатков во всей толще отложений свидетельствует о непрерывном заселении первобытными людьми Хостинской II пещеры. Фауна пещеры очень однообразна, несмотря на большое количество костных остатков. Верхние слои представлены только пещерным медведем. По определению Н. К. Верещагина костные остатки из мустьерского слоя принадлежат по меньшей мере трем особям. Встречено несколько костей со следами погрызов и порезов; на обломке черепной коробки заметны мелкие выбоины и зарубки, свидетельствующие, возможно, об использовании его в качестве наковаленки. Находки в Хостинской II пещере костей только пещерного медведя и насыщенность ими культурного слоя отличают ее от Хостинской I пещеры.

Хостинская I пещера. Входная часть пещеры состоит из изолированной галереи длиной в 20 и шириной в 2—2,5 м. В центре она расширяется до 5 м и образует центральную камеру, где были заложены шурфы 1936 г. Шурф

1961 г. расположен рядом с шурфом С. Н. Замятнина, в 15 м от входа. Он доведен до глубины 2,5 м, но скальное дно не достигнуто. Работы были прекращены, так как нижняя часть шурфа получилась очень узкой. Стратиграфия отложений в пещере следующая (рис. 14).

1. Гумусированная глина черного цвета, мощность 0,1—0,2 м.
2. Глина красно-коричневого цвета, мощность 0,1—0,3 м.
3. Глина темно-коричневого цвета, мощность 0,2—0,4 м.

В основании слоя — интенсивная углистая прослойка, на западной стенке шурфа она углубляется в виде прямоугольной ямы. Дно этого углубления заполнено кусками щебенки. У восточной стенки шурфа под углистой прослойкой — линза охристой глины интенсивно красного цвета.

4. Глина коричневого цвета, мощность 0,15—0,3 м. Подстиляется углистой прослойкой.
5. Глина черного цвета, интенсивно окрашенная углем, подстиляется углистой прослойкой, мощность 0,1—0,2 м.
6. Глина коричневого цвета с очень большим количеством мелкой щебенки, мощность 1,3 м. Включены три интенсивно окрашенные углистые прослойки. Количество щебенки в нижней части слоя заметно уменьшается.
7. Суглинок желто-коричневого цвета без щебенки, мощность 0,3 м. До конца не пробит.

Все слои содержат в небольшом количестве культурные остатки. Сложность стратиграфии при незначительных размерах шурфа, вязкость отло-

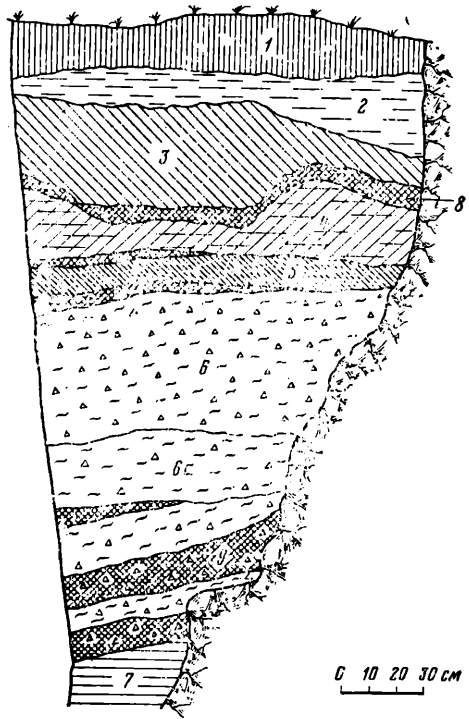

Рис. 14. Хостинская I пещера. Разрез отложений по западной стенке шурфа.

1 — гумусированная глина; 2 — глина красно-коричневого цвета; 3 — темно-коричневая глина, окрашенная углем; 4 — коричневая глина (без включений угля); 5 — глина черного цвета; 6, 6а — глина с щебенкой; 7 — желтый суглинок; 8 — углистые прослойки; 9 — углистая прослойка с щебенкой.

жений глины обусловили методику раскопок по штыкам с обозначением глубины каждой находки. Это обстоятельство не позволило с полной определенностью увязать культурные остатки со стратиграфией отложений. Однако глубинные отметки и облик археологического материала позволяют выделить самостоятельные комплексы кремневых изделий, относящиеся к разному времени. На глубине 2,4 м в слое серо-коричневого суглинка без щебенки найдено орудие, которое по технике изготовления сходно с мустьерским (рис. 12—2). В вышележащем слое глины со щебенкой во всей ее толще найдено свыше 15 каменных изделий. По характеру и технике обработки их можно подразделить на две группы, соответствующие и разным глубинам. Группа из нижней части слоя (1,5—2,3 м от поверхности) включает 6 предметов, из которых 4—из андезито-базальта. Характерно, что в верхней части слоя подобная порода не встречена. Наиболее интересен в этом комплексе нуклеус треугольной формы из андезито-базальта, свидетельствующий о леваллуа-мустьерской технике скалывания кремня (рис. 12—1). Поверхность его носит следы обжига. Следует отметить, что примерно с этой же глубины появляются костные остатки пещерного медведя и в меньшей степени, оленя и зубра⁹.

Группа изделий из верхней части этого слоя включает 6 предметов, два из которых происходят из самых верхних слоев. Типологически орудия относятся к остриям (рис. 12—3, 5), но функции их, судя по обработке, шире. По внешнему виду они напоминают «острия со скошенным ретушью краем» из верхнепалеолитических комплексов, но ретушь типично мустьерская. Интересна ударная площадка одного из орудий этого типа (рис. 12—5). Тонкая подбивка ее и отсутствие ударного бугорка свидетельствует о технике финального мустье, т. е. периода перехода к верхнему палеолиту.

В вышележащем слое глины без щебенки встречены два орудия. Одно из них типичное острие с затупленной спинкой (рис. 12—4), сходное с вышеописанным из Хостинской II пещеры (свидетельствующее о наличии здесь верхнепалеолитического слоя), и отщеп мустьерского типа. Исследователь пещеры С. Н. Замятин отмечал в ней энеолитический слой, залегающий на глубине 0,65 м от поверхности. Шурф 1961 г. подтвердил эти наблюдения. Пять крупных отщепов и фрагменты керамики найдены до глубины 0,8 м от поверхности отложений.

В вышележащих отложениях встречено несколько кремней (7 экз.), в том числе концевой скребок неолитического облика и фрагменты керамики слабого обжига; над ними, в слое гумусированной глины найдены фрагменты тонкостенных сосудов, сделанных на гончарном круге, и одна кремневая ножевидная пластинка.

Интересен фаунистический состав в отложениях, расположенных до глубины 0,8 м. Здесь были кости домашних животных, в частности свиньи и коровы. Но, наряду с ними, найдены кости серны. Наиболее важным в работах 1961 г. в Хостинской I пещере была находка костей человека (4 кости) в толще отложений до 0,8 м. Кости значительно кальцинированы и вполне могут быть приурочены к нижним горизонтам этой толщи. Среди находок обломок позвонка и две кости конечности, которые поддаются более точному определению: это трубчатые части бедер ребенка женского пола. В настоящее время кости переданы для изучения антропологам.

Таким образом, проведенные в Хостинской II пещере исследования дали новый материал, позволивший выделить разновременные комплексы мустьерского времени и установить их большое сходство с мустьерскими слоями других пещер этого района. Шурфовка показала, что Хостинская I пещера была заселена и в мустьерское время, что раньше подвергалось сомнению; а также подтвердила перспективность дальнейших работ в ней. В целом, в результате работ 1961 г. в круг пещерных местонахождений мустьерского времени введены еще два ценных памятника.

⁹ По определению Н. К. Верещагина.

В. П. ЛЮБИН, Н. О. БАДЕР, В. И. МАРКОВИН

ПЕРВЫЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ОРУДИЙ КАМЕННОГО ВЕКА В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

I

Летом 1961 г. палеолитический отряд Северо-Кавказской экспедиции Института археологии АН СССР провел небольшие разведки памятников каменного века на территории Чечено-Ингушской АССР. Разведки охватили два наибольших района республики: долину р. Хулхулау в Большой Чечне и окрестности с. Гамурзиево в Ингушетии¹.

Наиболее интересно мустьерское местонахождение у с. Гамурзиево. Оно расположено на 77-м километре шоссе Грозный — Орджоникидзе, на террасированных склонах плоского водораздела, разграничивающего долины рек Сунжи и Назранки. Основное скопление находок отмечено у самой вершины назранкского склона водораздела, в дорожной выемке вдоль шоссе слева, где обнажились четвертичные суглинки и галечники.

Собранные в Гамурзиево мустьерские изделия (30 экз.) изготовлены из андезита и зеленоватого валунного камня. В составе коллекции нуклеусы (дисковидные, одноплощадочные), отщепы, пластины. Относительно высокий процент нуклеусов и отсутствие орудий позволяет рассматривать памятник как место расщепления камня или как остатки стоянки-мастерской.

Гамурзиево лежит в районе сложной перестройки речной сети, на «трассе» одного из русел четвертичного Терека. Обширные обнажения четвертичных террас и галечников позволяют считать весьма перспективными дальнейшие поиски палеолита в этих местах.

В верхней Чечне отряд собрал единичные кремневые изделия (скребочек, пластинка с притупленным краем, нуклеус, пластинки) ранненеолитического-мезолитического возраста.

II

До недавнего времени древнейшими памятниками на территории Чечено-Ингушетии считались случайные находки неолита у станицы Вознесенской, энеолитическое Луговое поселение и курганы с погребениями майкопского типа. В 1957 г. на границе с Дагестаном около озера Кезеной-ам² на левом берегу речки Хорсум близ ее устья в 150 м над уровнем воды В. И. Марковин и Н. Г. Полихрониди в осыпи собрали несколько отщепов и два нуклеуса призматической формы³.

¹ Раздел I написан В. П. Любиным.

² В. В. Рыжиков. Озеро Кезеной-ам. Известия Чечено-Ингушского Республиканского Краеведческого Музея. Вып. 10, Грозный, 1961, стр. 3—14.

³ Вещи хранятся в Краеведческом музее г. Грозного.

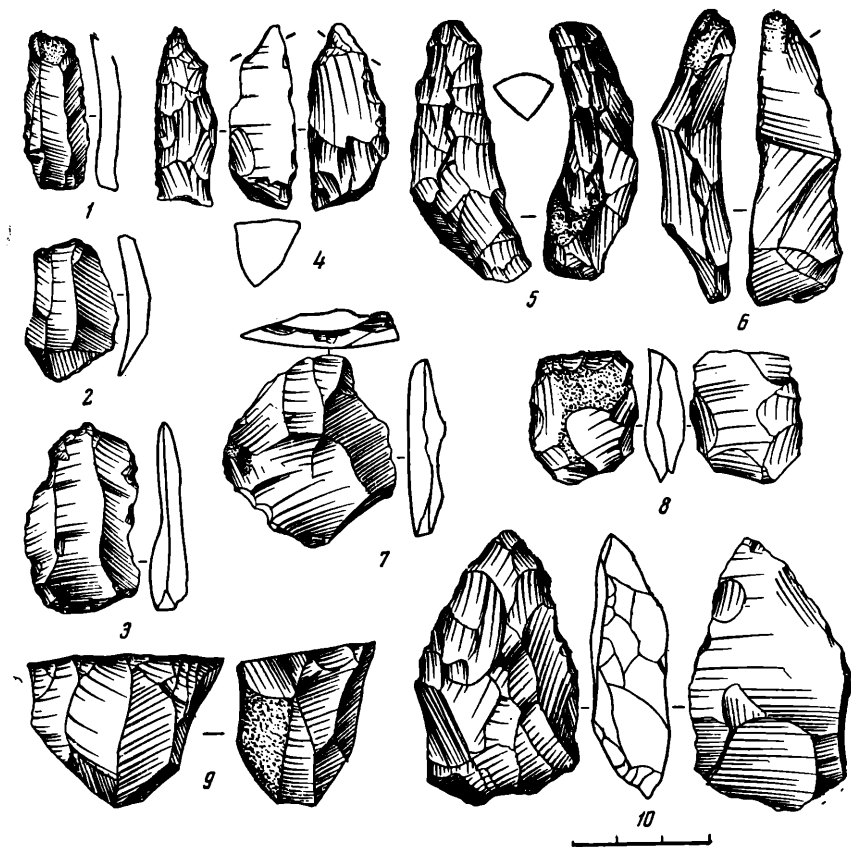

Рис. 15. Кремневый инвентарь из местонахождения Кезеной-ам.

1—3 — ножевидные пластины; 4—6 — ретушеры; 7 — массивный отщеп; 8 — скребок на отщепе; 9 — прямоугольный нуклеус; 10 — орудие остроконечной формы.

В 1961 г. Аргунским отрядом Северо-Кавказской экспедиции (начальник экспедиции Е. И. Крупнов) под руководством В. И. Марковина⁴ обследовано другое местонахождение в полутора километрах к северо-западу от озера за кладбищем с. Кезеной. Находки обнаружены у подножия и отчасти на склонах г. Макажой-Лам в устье большой ложины на поверхности древнего конуса выноса, сейчас распахиваемого. По-видимому, отсюда некоторая часть битого кремня смыта еще ниже, до уровня безымянной реки. При шурфовке на месте находок, а также выше по балке, культурный слой не выявлен.

Из большого количества собранных расколотых кремней некоторые бесспорно обработаны человеком. К ним относятся две ножевидные пластины (рис. 15—1,3) с негативами нескольких параллельных сколов по спинке и выраженными ударными бугорками с брюшка. Третья пластина (рис. 15—2) неправильных очертаний, без ударного бугорка. Небольшой, невыработанной формы призматический прямоугольный нуклеус с неподработанной площадкой (рис. 15—9) несет следы сколов нескольких коротких широких пластин. Скребок на отщепе с прямым рабочим концом, оформленным грубой, но достаточно специфичной ретушью, по бокам и, частично, с заднего конца, уплощен крупными сколами с брюшка и со спинки. Характерно, что рабочий край с брюшка остался неподправленным. Интересны подтреугольные в сечении удлиненные кремни (рис. 15—4—6),

⁴ Раздел II написан Н. О. Бадером и В. И. Марковиным.

у которых по всей или почти по всей поверхности заметны грубые сколы, образующие по граням многочисленные заломы. Несмотря на грубость, сколы достаточно систематичны и могут быть признаны искусственными. В качестве заготовок использовались близкие по форме обломки кремня, сколы лишь подправляли их. Концы орудий сильно сглажены, по-видимому, в процессе работы, тогда как все другие грани остаются незаполированными, что еще раз говорит об использовании кремней человеком. Сейчас естественнее всего предположить, что они служили в качестве ретушеров. Всего, целых и в обломках, найдено пять таких орудий. Широкий массивный отщеп с негативами нескольких параллельных сколов на спинке, по-видимому, значительно древнее (рис. 15—7). Наиболее архаично выглядит орудие, по форме напоминающее мустьерский остроконечник (рис. 15—10). Оно выполнено на массивном обломке кремня, а не на отщепе. Со спинки по всему краю обито грубыми сколами. Форма орудия в значительной степени повторяет очертания массивной заготовки, но обработка достаточно систематична, безусловно искусственна. К этим предметам близок и обломок кремня, напоминающий мустьерский уплощенный нуклеус с негативом широкого массивного отщепа с выраженным ударным бугорком. Все же в данном случае полной уверенности в преднамеренном характере скола нет.

Все описанные предметы могут быть датированы временем от палеолита до неолита. «Ретушеры» находят некоторое формальное сходство с близкими орудиями из натуфийских слоев Палестины (Мугарет-ель-Вад⁵) и, по-видимому, никак не древнее позднего мезолита, а скорее неолитического времени. Массивный отщеп и орудие остроконечной формы ориентировочно могут быть сближены с мустьерскими. Широкое распространение находок, приуроченность их к конусам выноса, изобилующим обломками кремня, случайный характер орудий и их одновременность позволяют сделать предположение, что здесь было место добычи и первичной обработки кремня. Если же это остатки стоянки, то культурный слой нужно искать выше по склонам. Публикуемые находки должны быть учтены при дальнейших поисках палеолитических памятников в Чечено-Ингушетии.

Указанные местонахождения каменных орудий палеолитической эпохи и, главное, мустьерские находки у с. Гамурзиево имеют особое значение, так как они позволяют проследить еще на несколько тысячелетий исторический процесс на территории Чечено-Ингушской АССР.

---

⁵ D. E. A. Garrod a. D. M. A. Bate. The stone age of mount Carmel, vol. 1. Oxford, 1937, p. 32.

В. А. МЕСЯЦ

НАХОДКИ ДРЕВНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ОРУДИЙ
В РАЙОНЕ ЖИТОМИРА

В результате разведок Житомирского областного краеведческого музея, проведенных под руководством автора в 1959—1960 гг., обнаружено два местонахождения, свидетельствующих о заселении Полесья уже в эпоху древнего палеолита.

Наиболее интересный памятник находится близ с. Городище, по левому берегу небольшой речки Свинолужка на холмообразной возвышенности в районе конечной границы Днепровского языка рисской морены. Расколотый кремьен найден на поверхности. Судя по данным бурения, проведенного на местонахождении геологами, обработанные кремни лежат над размытой мореной днепровского (рисского) оледенения. Среди собранных кремней большое число естественно расколотых и отдельные находки позднего неолитического времени. Наряду с этим, здесь же собраны грубые рубящие орудия разных форм, массивные рубиловидные орудия и рубила подтреугольно-вытянутой формы (иногда с плоскими основаниями) — те и другие с двухсторонней обработкой, рубильца малых размеров с двухсторонней обработкой; орудия дисковидные и типа остроконечников; дисковидные двухплощадочные и других форм нуклеусы; отщепы леваллуазского и других типов. Все орудия покрыты глубокой белой патиной. Поверхность их значительно выветрена. Наблюдается разная степень окатанности. Судя по типам орудий, основную часть коллекции можно отнести к ашелю.

В 1 км к югу от с. Городище в 1960 г. обнаружено другое местонахождение. Наибольшими разведывательными раскопами установлено, что культурные остатки залегают в толще надморенных отложений на глубине до 1 м от поверхности. В траншее прослежены следующие напластования:

1. Почва 0—0,4 м;

2. Песчано-глинистая толща чередующихся слоев песчаного суглинка и серого песка примерно одинаковой толщины (10—15 см). Эта толща простирается на глубине от 0,4 до 0,9—1,2 м. В ней на глубине от 0,4 м до 0,9—1,0 м залегают обработанные рукой человека кремни совместно с кварцевой галькой и угловатыми естественно расколотыми кусками кремня.

3. Красно-бурая сильно уплотненная и насыщенная кварцевой галькой и валунами разных размеров морена на глубине 1,2—1,5 м и глубже¹.

Кремни, обработанные человеком, в морене отсутствуют.

Среди находок (рис. 16) небольшие нуклеусы леваллуазского типа, двухсторонне обработанные диски небольших размеров, от 4 до 6 см; небольшие отщепы со скребловидной подретушковкой с одной стороны; тонкие отще-

¹ Морену определил М. Ф. Веклич.

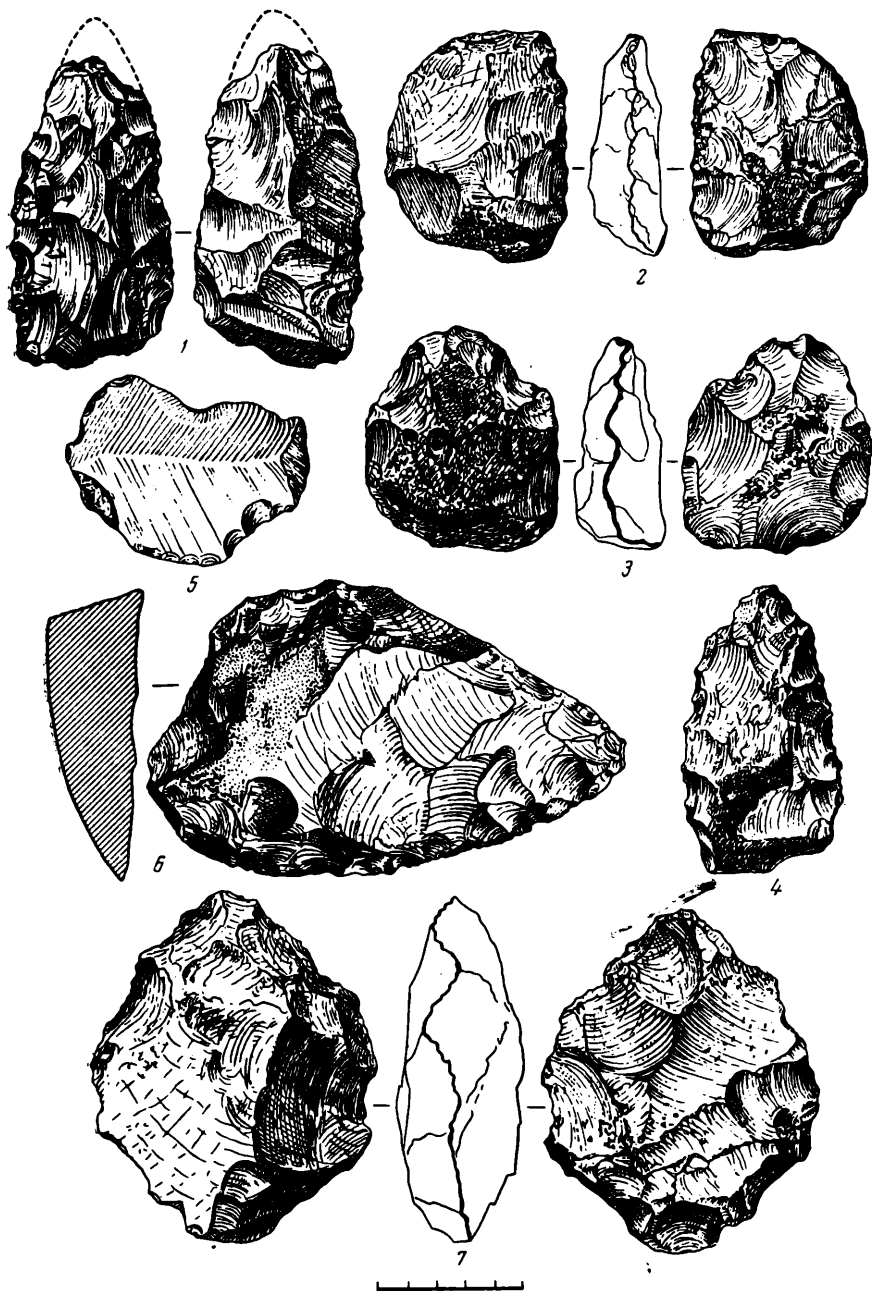

Рис. 16. Каменные изделия из района Житомира.

1, 4 — ручные рубила; 2 — двухсторонне обработанное скребловидное орудие;
3, 7 — дисковидные нуклеусы; 5 — отщеп; 6 — скребло.

пы подтреугольных очертаний; значительное количество небольших, тонких, часто совсем мелких пластинок или пластинчатых отщепов с хорошо фасетированными отбивными площадками, характерными для позднемустьерской техники обработки камня. Весь материал патинизированный и окатанный, иногда в разной степени. На основании сопоставления со многими памятниками это местонахождение следует отнести к позднему мустье. Обе находки у с. Городище очень интересны как доказательства раннего заселения этого района Северной Украины.

Л. М. ТАРАСОВ

НОВЫЕ РАСКОПКИ НА СТОЯНКЕ ГАГАРИНО

Известная верхнепалеолитическая стоянка Гагарино открыта в 1926 г. С. Н. Замятниным и исследовалась им в 1927 и 1929 гг. На стоянке были обнаружены остатки долговременного верхнепалеолитического жилища и собрана исключительно богатая коллекция изделий из камня и кости. Здесь же найдены и женские статуэтки из бивня мамонта, и предметы украшения. Основная характеристика Гагаринской стоянки дана в ряде публикаций¹.

Мощность и насыщенность культурного слоя на месте жилища свидетельствует о том, что жилище существовало в течение долгого времени. Однако вся деятельность человека, обитавшего на Гагаринской стоянке, не могла быть сосредоточена только в пределах этого сравнительно небольшого сооружения. В теплое время года она, безусловно, проходила и вне его, в результате чего на поселении должны были остаться и другие культурные комплексы: места обработки камня, очаги, отбросы охотничьей добычи.

С. Н. Замятнин считал возможным существование на стоянке еще нескольких жилищ, и с целью их розыска он в 1929 г. провел шурфовку. К северу, востоку и западу от исследованного жилища было заложено 10 шурфов, но никаких результатов они не дали.

В 1955 г. к югу и западу от жилища Гагаринской стоянки А. Н. Рогачев заложил 3 разведочных шурфа, в которых было найдено всего лишь 2 кремневых отщепа и 3 мелких обломка бивня мамонта.

В 1961 г. автором настоящей статьи проведены новые разведочные работы на Гагаринской стоянке. К югу, востоку и северо-западу от жилища заложено 9 небольших по площади (1,5 × 0,75 м) шурфов глубиной 1,1—2,7 м и две метровые зачистки осыпавшейся стены траншеи военного времени.

Профили шурфов и зачисток довольно четки и дают общую характеристику стратиграфии стоянки. Сверху лежит насыпной слой мощностью 5—15 см, под ним — слой чернозема 45—65 см, ниже — переходный слой 20—25 см. Еще ниже залегает светлый лёссовидный опесчаненный суглинок до нижней границы шурфов. Видимая в шурфах толща этого суглинка не однородна по цвету и по структуре и расчленяется на отдельные слои, прослойки, линзы и небольшие включения. Здесь прослеживаются песчанистый и мергелистый суглинок, песок, содержащие иногда мелкую щебенку известняка. Верхняя граница толщи суглинка довольно четко отделяется от вышележащего чернозема, а прослеживаемые в толще отдельные слои и прослойки в большинстве случаев постепенно переходят друг в друга.

¹ С. Н. З а м я т н и н. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. Сообщения ГАИМК, т. II. Л., 1929, стр. 209—214; S. Z a m i a t n i n e. La station aurignacienne de Gagarino. Bulletin de l'académie de l'histoire de la culture materielle. Fascicule 88, М.—Л. 1934; С. Н. З а м я т н и н. Раскопки у с. Гагарина (верховья Дона, ЦЧО). Палеолит СССР. Известия ГАИМК, вып. 118, М.—Л., 1935, стр. 26—77.

Наклон напластований, как видно по профилям шурфов и зачисток, соответствует общему небольшому наклону поверхности на месте стоянки в сторону тальвега ложины.

Почти все находки происходят из пяти шурфов, заложенных к северо-западу от исследованного жилища. Здесь собрано 124 изделия из камня и 15 мелких обломков кости и бивня мамонта.

Находки залегают двумя горизонтами — верхним, в основании чернозема, и нижним, в верхней части толщи суглинка. Оба горизонта разделены 20—25-сантиметровым слоем, не содержащим находок. На уровне залегания находок ни в одном из шурфов не наблюдалось ни окрашенности, ни насыщенности угольной крошкой. Из верхнего горизонта происходит 70 находок, а из нижнего 72.

Коллекция, собранная на Гагаринской стоянке в 1961 г., довольно разнообразна², в ней есть законченные орудия, нуклеусы, пластинки, отщепы, краевые сколы с нуклеуса и осколки. На некоторых из этих изделий видны ретушь или резцовые сколы, а на многих — следы работы.

Материалом для изготовления орудий служил в основном валунный кремь — желтый, серый яшмовидный (непрозрачный или полупрозрачный) и прозрачный белесого цвета (последний со значительной патиной). Кроме того, использовался светло-коричневый и красноватый роговик и кварцит белый, желтоватый, красноватый и сероватых оттенков.

Из законченных орудий следует отметить небольшой атипичный наконечник с боковой выемкой (рис. 17—1). Выемка оформлена с левой стороны тщательной затупливающей ретушью. Такой же затупливающей ретушью оформлена и верхняя половина левого края, также несколько вогнутая, а подретушевка конца с правого края со стороны брюшка образует скошенное лезвие на конце орудия. Использовался наконечник как комбинированное орудие и в качестве проколки, и в качестве скобеля. Приостренный тщательной ретушью рабочий конец и интенсивная его заполированность, хорошо видимая под большим увеличением, указывают на применение орудия в качестве проколки. А интенсивная заглаженность и заполированность боковых выемок и видимые здесь под большим увеличением короткие параллельные линии-царапины — свидетельствуют об употреблении его и в качестве скобеля.

Своеобразен концевой скребок, изготовленный из массивной кварцитовой пластины (рис. 17—13). В качестве скребка использовался не только округлый край правильной формы, тщательно оформленный крутой ретушью, но и левый край орудия с интенсивной подтеской со стороны брюшка. Здесь, как и на основном округлом скребковом крае, под большим увеличением хорошо прослеживается интенсивная изношенность и видны короткие параллельные линии-царапины. Орудие использовалось как двойной скребок: с обычным округлым и с прямым рабочими краями.

В коллекции есть срединный резец, изготовленный из пластинки светлорозового роговика (рис. 17—12). Рабочее лезвие резца образовано на концевой части пластинки при помощи целой серии резцовых сколов: один с левого края и по несколько с правого края и со стороны брюшка. Под большим увеличением видны сильная затупленность, сглаженность и заполированность рабочего лезвия, а по всему правому краю — следы сработанности, указывающие на использование орудия и в качестве ножа.

Следует упомянуть и миниатюрную остроконечную пластинку из желтого прозрачного кремня (рис. 17—3). На концевой приостренной части видны следы в виде мелких выщербинок, расположенных по правому краю со стороны спинки, а по левому — со стороны брюшка. Такое своеобразное расположение следов сработанности указывает на употребление пластинки в качестве проколки, которая при работе поворачивалась слева направо.

² Коллекция хранится в Липецком областном краеведческом музее.

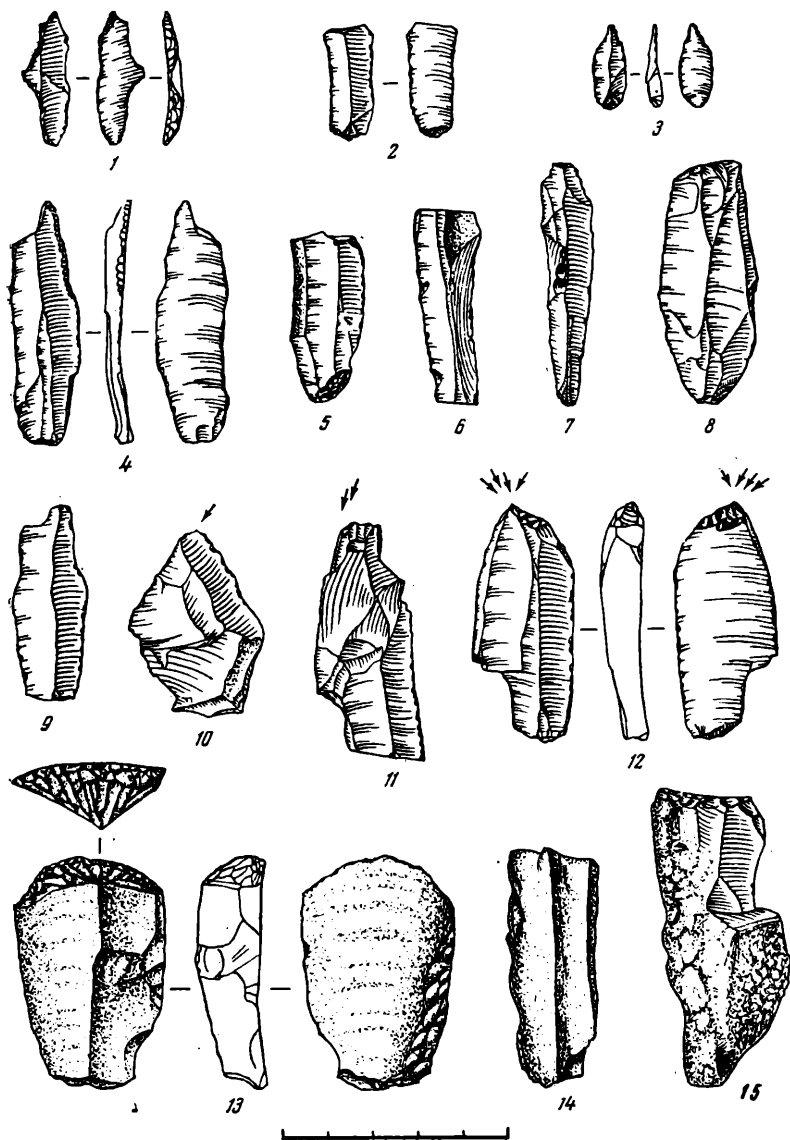

Рис. 17. Каменный инвентарь Гагаринской стоянки.

1 — атипичный наконечник с боковой выемкой; 2, 5—9, 14 — пластинки со следами работы; 3 — остроконечная пластинка-проколка; 4 — пластинка с ретушью; 10 — отщеп с режцовым сколом и следами работы; 11 — пластина с режцовыми сколами и следами работы; 12 — срединный резец; 13 — скребок; 15 — краевой скол с ретушью. (1—3, 6, 7, 11, 13—15 — верхний горизонт; 4, 5, 8—10, 12 — нижний горизонт).

Перечислим еще несколько интересных находок. Массивный краевой скол с нуклеуса остроконечной формы (рис. 18—3). У середины острого левого края небольшая выёмка, оформленная ретушью, а весь этот край несет следы работы в виде мелких выщербин и затупленности. Скол употреблялся как скребок и режущее орудие.

Нуклеус-скребло — изготовлен из уплощенного обломка темно-серого кремня (рис. 18—1). Ударная площадка образована одним крупным сколом с левой стороны и скошена слева направо, опускаясь к середине правого края. На левой половине видны фасетки во всю длину нуклеуса от

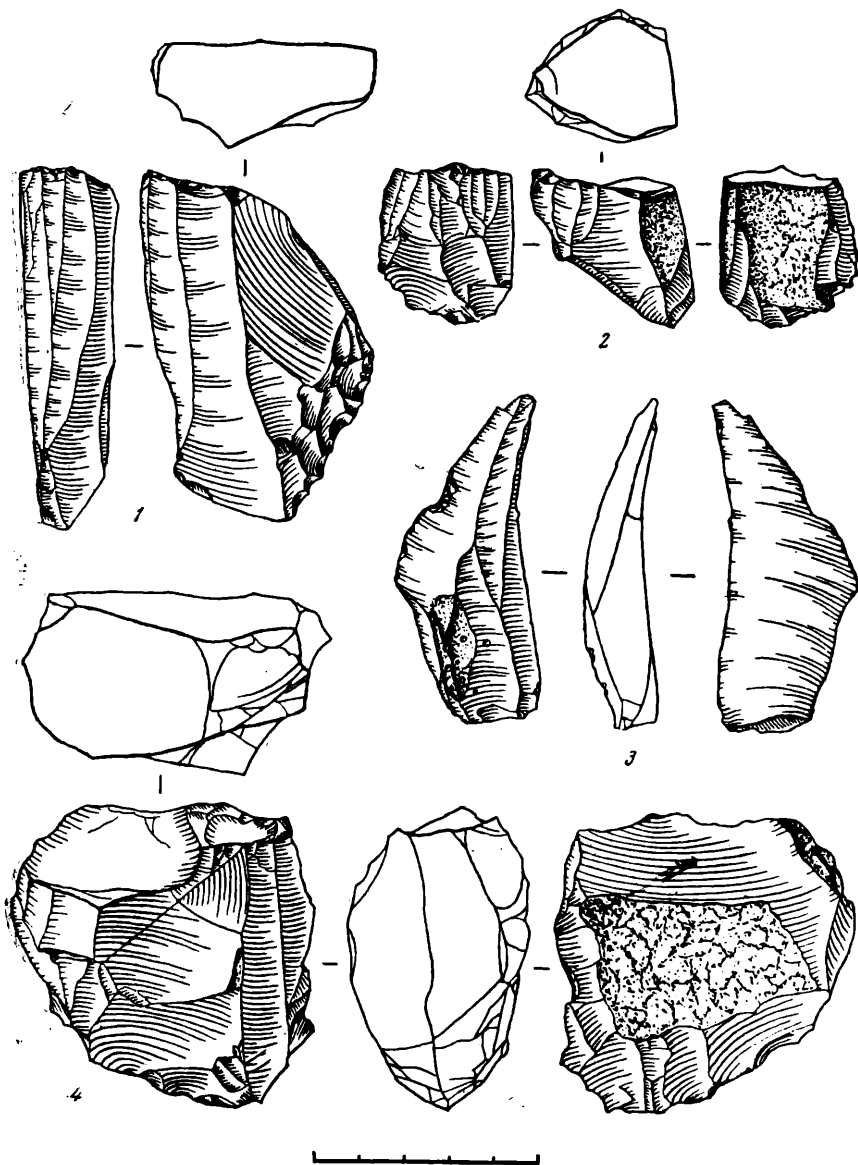

Рис. 18. Каменный инвентарь Гагаринской стоянки.

1 — нуклеус-скребло; 2, 4 — нуклеусы; 3 — краевой скол с выемкой (1—4 — нижний горизонт).

трех крупных пластинок и несколько мелких. На правом крае интенсивной ретушью, заходящей на 1,5 см от края, образовано лезвие скребла, рабочий край которого затуплен и сильно заполирован, края фасеток сглажены.

Призматический двухплощадочный нуклеус, изготовленный из серовато-белого непрозрачного кремня (рис. 18—2). Верхняя ударная площадка образована одним поперечным сколом, нижняя скошена влево двумя пластинчатыми сколами. С верхней площадки произведено 8, а с нижней 7 сколов. На правой половине нуклеуса сохранилась валунная корка.

Нуклеус овальной формы, изготовленный из обломка желто-серого непрозрачного кремня (рис. 18—4). Ударная площадка образована двумя крупными поперечными сколами. На правой стороне от снятых пластинок видны три фасетки: две во всю длину и одна небольшая. С задней стороны

снят один широкий скол, а с передней несколько мелких. Нижний конец нуклеуса приострен несколькими сколами. С задней стороны и с левого края сохранились участки валунной корки.

Следует также отметить небольшой кремневый отщеп из нижнего горизонта, сохранивший следы пребывания в огне: его поверхность покрыта характерной трещиноватостью, хорошо видимой под увеличением. Находка в скоплении обработанного камня обожженного отщепа позволяет сделать предположение, что где-то недалеко находятся остатки очага. Менее вероятно, что этот отщеп происходит из жилища, поскольку он найден в 20 м от него и несколько выше по склону.

При изучении кремневого инвентаря под большим увеличением наблюдается определенная закономерность: почти у всех пластинок и отщепов со следами работы выщербинки и заломы по краям находятся в основном на стороне брюшка, что вполне естественно при использовании пластинок и отщепов в качестве режущего, скобящего или строгального инструмента. При нажиме заломы и выкрошенность образуются прежде всего на более плоской стороне рабочего лезвия.

Каменный материал носит следы некоторой общей заглаженности, что хорошо наблюдается под увеличением. Это объясняется, по-видимому, продолжительным нахождением его на поверхности и воздействием воды, ветра и т. д.

Из подъемного материала, весьма немногочисленного, следует отметить единственный в коллекции отщеп мелового кремня с интенсивной голубовато-белой патиной. На стороне спинки видны следы нескольких предыдущих сколов и небольшой участок желвачной корки. Кроме того, в 40 м к востоку от жилища на месте старого погребя в насыпной земле найден небольшой обломок (2 × 0,9 см) трубчатой кости с сильно заполированной поверхностью и царапинами (вероятно, фрагмент орудия). Под большим увеличением видно, что поверхность обработана на абразиве, заметны 7 довольно глубоких нарезок-бороздок, характерных для работы по кости каменным резцом.

Такова в целом коллекция, собранная на Гагаринской стоянке в 1961 г. Отщепов и осколков с валунной коркой в коллекции всего лишь несколько экземпляров, следовательно, первичная обработка камня, по всей вероятности, производилась не на стоянке.

Ни по материалу, ни по технике обработки изделия обоих горизонтов не различаются. Причину залегания находок в двух горизонтах, разделенных стерильной прослойкой, можно объяснить, по-видимому, последующим перемещением вмещающих пород. Нужно заметить, что и на участке жилища было собрано много находок, залегающих выше культурного слоя.

Итак, в 1961 г. на Гагаринской стоянке к северо-западу от жилища обнаружен новый культурный комплекс, значительный по площади распространения и насыщенности материалом.

Начато, таким образом, исследование еще одной части Гагаринского палеолитического поселения, одного из его участков, где проходила повседневная трудовая деятельность палеолитического человека и прежде всего обработка камня.

При дальнейшем исследовании в первую очередь следует вскрыть на всей площади вновь обнаруженный комплекс, а также продолжить разведку и на остальной территории стоянки.

А. А. КРЫЛОВА, И. М. ПАВЛЮЧЕНКО

ОРУДИЯ КАМЕННОГО ВЕКА В ГОРНОМ АЛТАЕ

В 1954 г. Горноалтайская археологическая экспедиция под руководством С. И. Руденко проводила раскопки больших курганов в Туэктинской долине Горного Алтая. При снятии земляной насыпи одного из них найден обломок массивной каменной пластины. Эта находка послужила основанием для разведки по выявлению памятников палеолита, которую и провел сотрудник экспедиции И. М. Павлюченко.

Туэктинская долина похожа на коридор между горными хребтами. Длина ее с запада на восток около 3 км, ширина в отдельных местах достигает 300 м. Течением р. Урсул долина делится на две части: южную — более узкую, которая примыкает непосредственно к предгорьям, и более широкую северную, заметно повышающуюся к подножию гор. Каменные изделия найдены на левом берегу р. Урсул на галечниковых отмелях, которые тянутся вдоль реки, а также на размытой поверхности галечниковых толщ I террасы (рис. 19). Изделия, обработанные человеком, встречались разрозненно на протяжении около 2 км исследуемого участка.

Коллекция, собранная в Туэктинской долине, насчитывает всего 55 предметов, тем не менее она заслуживает внимания, поскольку в Горном Алтае это первые палеолитические находки с признаками архаичности. Среди находок — рубилообразный предмет, нуклеусы разных форм, отщепы и пластины. Материалом для них служили речные гальки зеленоватой и черной кремнистой породы.

Общие характерные черты каменных изделий — это их крупные размеры, массивность и сильная окатанность. Нуклеусы (9 экз.) разнообразной формы. Четыре экземпляра представляют собой нуклевидные обломки кремнистой породы; немногочисленные сколы случайных очертаний беспорядочно размещаются на их поверхности. Один нуклеус дисковидный (рис. 20—2), размерами 4 × 3 см; обе стороны его покрыты широкими фасетками, идущими от одного края к другому. Встречен плоский нуклеус, на одной стороне которого видны длинные широкие фасетки сколов пластин типа леваллуа, на второй сохранена естественная корка. У нуклеуса кубовидной формы на одной стороне небольшая ударная площадка, поверхность которой неровная, сильно скошенная, а края без предварительной подправки (рис. 20—1). Следы отделения широких отщепов прослеживаются по всей поверхности, в разных направлениях. Одним экземпляром представлен одноплощадочный нуклеус. Основные сколы, формирующие его, сделаны с ударной площадки и идут параллельно краям нуклеуса. Кроме того, ряд сколов идет в поперечном направлении (рис. 20—3). Отметим также единственный экземпляр двухплощадочного нуклеуса. Для его изготовления выбрана удлиненная и утолщенная галька. Сколы идут навстречу друг другу с обеих ударных площадок.

Из единичных находок следует отметить рубилообразный предмет мин-

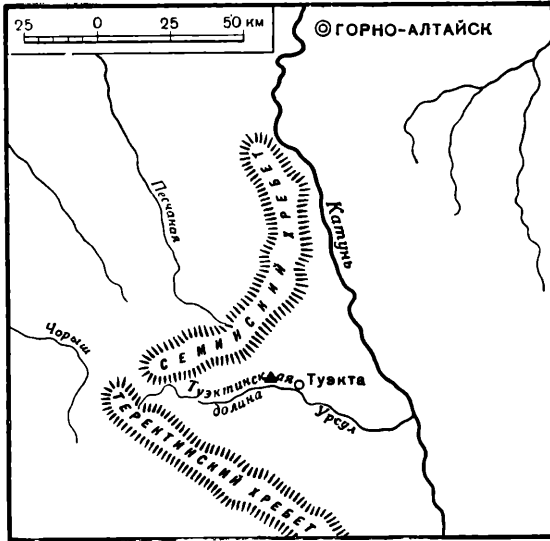

Рис. 19. Схема расположения Туэктинской долины. Местонахождение палеолитических орудий обозначено треугольником.

далевидной формы (рис. 20—4). Одна сторона его плоская, другая с продольным ребром, оформлена на два ската. Это орудие можно сблизить с рубилом из северного Таджикистана, датируемым А. П. Окладниковым ашельским временем¹.

Наиболее значительную серию составляют отщепы (35 экз.). Они довольно массивные (до 2,5 см) и широкие (до 8 см). Гладкие ударные площадки их образуют с нижней плоскостью тупой угол; кое-где на них сохранились следы галечниковой корки. Ударные бугорки крупные; часто с характерным изъёмом — радиально расходящимися от точки удара трещинками. Спинка у некоторых экземпляров частично покрыта

галечниковой коркой. Неправильные края только в немногих случаях носят следы обработки, которая не придает им какой-либо формы, а следует контурам края. По форме отщепы делятся на несколько групп.

Группа наиболее массивных вытянутых (10 × 6 см) широких отщепов (4 экз.) образует как бы переход к пластинам (рис. 20—9). Очертания их приближаются к треугольным, на одной стороне имеются параллельные грани — следы предшествующих сколов, на другой виден широкий, занимающий почти треть поверхности отщепа ударный бугорок с крупным изъёмом. Ударные площадки гладкие, без следов подправки на нуклеусе и характерным образом скошенные по отношению к длинной оси отщепа. Боковые края оформлены грубой ретушью, заходящей местами на нижнюю поверхность. Ретушь иногда захватывает только небольшие участки края, подправляя отдельные неровности.

Кроме того, есть отщепы удлиненной формы (рис. 20—7), заостряющиеся на конце (3 экз.). Для них характерны несколько меньшие размеры (7 × 4 см) и незначительная толщина (менее 1 см). Гладкие ударные площадки составляют с плоскостью откола менее тупой угол, приближающийся к прямому. Ретушь по краям ярко выражена.

Еще одну группу составляют дисковидные отщепы от 4 до 6 см в поперечнике (6 экз.). У четырех из них ясно прослеживается крупный ударный бугорок и широкая ударная площадка, расположенная под тупым углом к плоскости откола. У двух же экземпляров ударные площадки выражены плохо. На спинке отщепов — следы многочисленных сколов в разных направлениях. Отщепы по краям подправлены бессистемной ретушью.

Самой многочисленной серией (12 экз.) представлены укороченные отщепы (рис. 20—10) от 3,5 см до 9,5 см в поперечнике. Это короткие, массивные обломки, ширина которых значительно больше длины. Плоскость откола сильно изогнута в связи с чрезвычайно развитым ударным бугорком. Ярко выраженные ударные площадки (свыше 1,5 см) не несут следов подправки на нуклеусе и образуют с отбивной поверхностью тупой угол.

¹ А. П. Окладников. Исследования каменного века в Таджикистане. МИА, № 66, 1958, стр. 59—71.

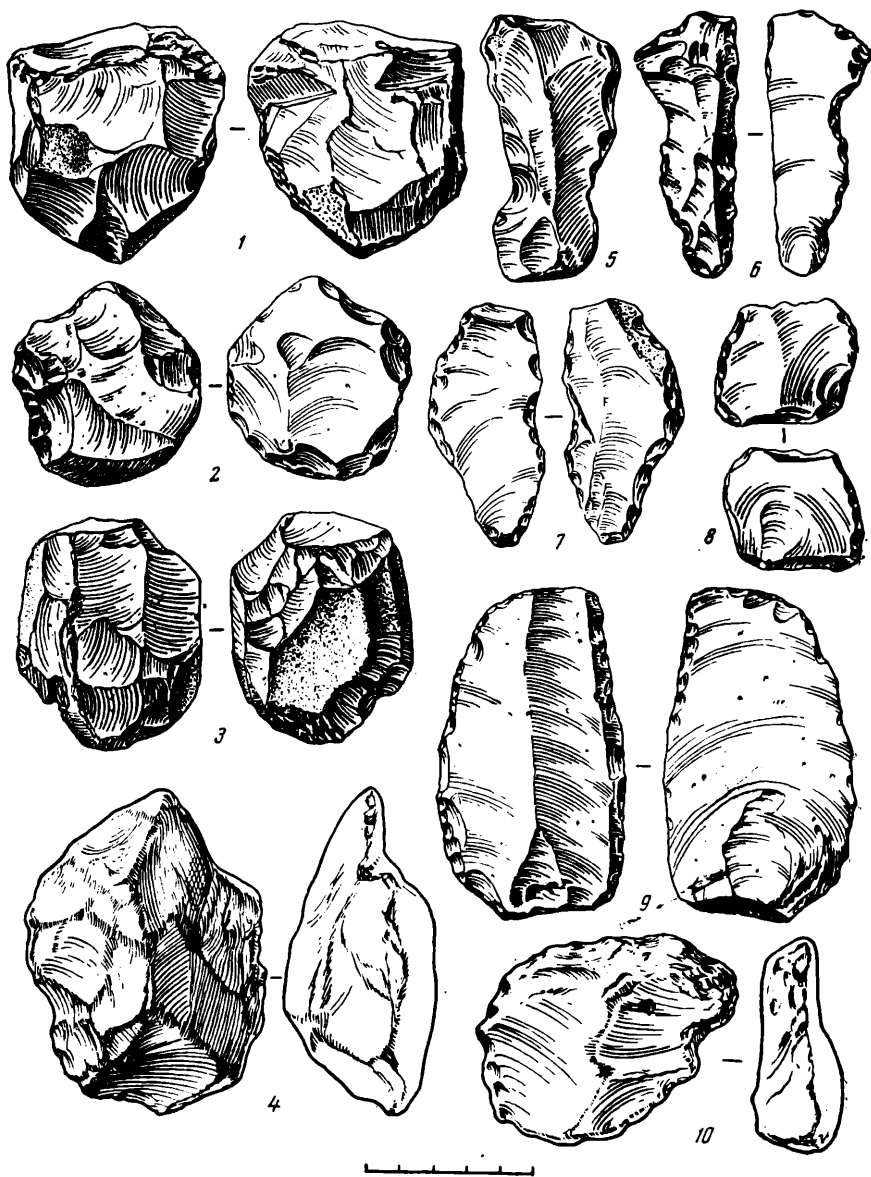

Рис. 20. Кремневые изделия из Туэктинской долины.

1—3 — нуклеусы кубовидный, дисковидный и одноплощадочный; 4 — рубилообразное орудие; 5, 6 — пластины; 7 — отщеп удлиненных пропорций; 8 — прямоугольный отщеп; 9 — пластинчатый отщеп; 10 — укороченный отщеп.

На спинке наиболее крупных и массивных отщепов несколько бессистемно расположенных лунок и участки галечниковой корки. Края их не обработаны ретушью, а часто несут следы забитости.

В коллекции выделяется небольшая группа (4 экз.) прямоугольных отщепов (рис. 20—8) небольших размеров (от 3 до 4 см). И для них, как и для предыдущих групп, характерны широкие ударные площадки, крупный ударный бугорок и спинка, не покрытая коркой. У двух из них по краям не прослеживается ретушь.

Среди находок довольно большое количество пластин (13 экз.). Для них, как и для отщепов, характерны крупные размеры (длина 6—12 см, ширина 2—4 см) и массивность (рис. 20—5, 6). Нижняя поверхность пла-

стин гладкая, на спинке видны следы предшествующих сколов. Гладкие ударные площадки образуют с плоскостью откола тупой угол. Крупный ударный бугорок занимает значительную часть пластины. В ряде случаев на бугорке заметен характерный изъём. Длинные края пластин обработаны грубой ретушью, заходящей на брюшко. Пластины несут все признаки архаичной техники и не выделяются из общей серии собранных изделий.

В целом коллекция инвентаря из Туэктинской долины своеобразна и отличается от комплексов орудий других стоянок Алтая. Для инвентаря древнейших стоянок Алтая характерно наличие наряду с более «ранними» типами орудий (ручные рубила, скребла и т. д.) орудий верхнепалеолитических форм (резцы, скребки, миниатюрные ножевидные пластинки, проколки). Здесь же встречен комплекс без примесей поздних форм, которые можно было бы отнести к верхнему палеолиту. Весь комплекс однороден и по своему архаизму, и по технике. Он больше всего напоминает материалы местонахождений в Таджикистане (Ходжи-Ягона² и Шор-Куль³), а также местонахождений на р. Нарым вблизи д. Больше-Нарымское и на р. Мало-Нарымка в Восточном Казахстане. Там, как и в Туэктинской долине, каменные изделия характеризуются однообразием форм и архаичностью: массивные отщепы, грубо оформленные разнообразные нуклеусы, массивные примитивные пластины. Находки из Туэктинской долины, собранные в 1954 г., интересны тем, что это первые палеолитические изделия подобного рода в Горном Алтае.

² А. П. Окладников. Указ. соч.

³ В. А. Ранов. Результаты разведок каменного века в 1956 г. Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. ХСІ, вып. IV, стр. 23—37.

Э. А. АБРАМОВА

РАСКОПКИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК НА РЕЧКЕ ТАШТЫК В 1960 г.

До 1940 г. на берегах Среднего Енисея Г. П. Сосновским, В. И. Громыным, Н. К. Ауэрбахом и др. проводились интенсивные исследования палеолитических местонахождений. В последующие годы небольшие разведки были проведены Э. Р. Рыгдылоном. В 1960 г. в составе Красноярской археологической экспедиции, руководимой М. П. Грязновым, начал работать Палеолитический отряд, который возобновил систематические поиски новых и обследование ранее известных палеолитических местонахождений в зоне затопления Красноярской ГЭС¹.

Главное внимание отряда в 1960 г. уделялось изучению стоянок на речке Таштык в районе с. Батени, на левом берегу Енисея (север Хакасской автономной области). Здесь, близ устья Таштыка в 1923—1925 гг. С. А. Теплоуховым были открыты две палеолитические стоянки, названные позднее В. И. Громыным Таштык I (на правом берегу) и Таштык II (на левом). В 1925 г. В. И. Громын при геологическом обследовании долины Таштыка нашел стоянку Таштык III, а в 1955 г. М. П. Грязнов — стоянку Таштык IV. Материал, собранный на всех этих пунктах, невелик и мало изучен, поэтому на наиболее перспективных для исследования стоянках Таштык I и II были заложены небольшие разведочные раскопы, чтобы определить насыщенность культурного слоя и его протяженность.

Раскоп на стоянке Таштык I (3 × 8 м) ориентирован по линии север — юг. Культурный слой залегал на глубине 5,1 м от современной поверхности в слое светло-серой лёссовидной супеси. Здесь не обнаружено каких-либо комплексов, нет ни следов жилищ, ни очагов, ни ямок — в неокрашенном горизонте мощностью 0,2—0,25 м на разных уровнях рассеяны только отдельные обломки костей, кремневые изделия, отщепы и осколки, изредка угольки. Лишь близ южного края раскопа сохранилась часть скопления культурных остатков, густо насыщенного мельчайшими обломками костей, мелкими кремневыми отщепами и чешуйками.

Фауна раскопок 1960 г. была определена Н. М. Ермоловой. На стоянке Таштык I встречены кости следующих животных (без подсчета по особям): северный олень — 31; дикая лошадь — 4; зубр (или какой-то бык) — 3; сайга — 2; благородный олень — 1.

Основную массу коллекции составляют мельчайшие чешуйки, отщепы и осколки кремня, кремнистого сланца и других пород. По отношению

¹ В работе отряда принимали участие Г. Ф. Коробкова, С. Н. Астахов и студенты ленинградских вузов.

к общему числу находок (800) — орудий чрезвычайно мало — всего 7 экз. Это четыре орудия типа долотовидных, с подтеской с брюшка: первое из тонкого отщепа черного кремня с одним, слегка изогнутым рабочим краем (рис. 21—1), второе — из осколка опала (рис. 21—3), два орудья из отщепов темного кремнистого сланца с менее выраженными рабочими краями (рис. 21—2). Кроме того, найдены скребок из отщепа зеленоватого кремнистого сланца со значительно сработанным рабочим краем неправильной формы (рис. 21—4) и два скребла: из тонкого отщепа черного кремнистого сланца (рис. 21—5) и обломок типичного для сибирского палеолита скребла из крупного осколка темно-серой гальки с сохранившейся коркой (рис. 21—7). К числу характерных находок относится нуклеус-скребок из темно-серого кремнистого сланца правильной формы, со следами сколов узких ножевидных пластинок с одного края и обработанным ретушью скошенным прилежащим краем (рис. 21—6). Из нуклеусов можно отметить один небольшой кубовидной формы и два, также небольших, нуклеидных обломка. На стоянке найдены и костяные изделия. Это — целый стерженек с заостренными концами, стерженек меньших размеров плохой сохранности, обломок подобного стерженька и обломок (средняя часть) крупной плоской иглы.

На стоянке Таштык II были заложены два разведочных раскопа. Пункт I. В стенке небольшого обнажения в средней части склона второй надпойменной террасы прослеживался тонкий культурный слой с мелкими отщепами, чешуйками кремня и мельчайшими осколками костей животных. Заложением здесь раскопом в 12 кв. м вскрыты два культурных горизонта, залегающих в слое палеовой слоистой супеси, перемежающейся тонкими волнистыми прослойками крупного темно-серого песка на глубине 4 м и 4,8 м от поверхности. Толщина верхнего культурного слоя 10—12 см. Наибольшая насыщенность наблюдалась в северо-восточной части раскопа. На площади раскопа найдено сравнительно много обломков костей животных (225), в том числе 27 костей северного оленя и 2 кости дикой лошади. Особенное внимание привлекают крупный роговой наконечник с желобками, обломанный в основании (рис. 22—1), и небольшая целая круглая в сечении костяная игла с ушком (рис. 22—2). Находки кремня (555 экз.) представлены главным образом отщепами, чешуйками, осколками. Орудий очень немного; они из кремня, кремнистого сланца и, реже, кварцита. Можно упомянуть два, изготовленные из одного осколка черного кремня, орудия типа долотовидных с подтеской с брюшка, с прямыми рабочими краями и небольшое, но характерное для сибирского палеолита скребло (рис. 22—11). Нуклеусы представлены небольшими, но достаточно выразительными обломками (рис. 22—8). Встречаются микропластинки и обломки правильных ножевидных пластинок.

Во втором культурном слое, очень тонком — 5—7 см, а местами до 10 см, находки встречались небольшими скоплениями мелких кремневых отщепов и чешуек, а также мелких, плохой сохранности осколков костей животных. В южной части раскопа наблюдалось темное пятно с примазками угля и отдельными, довольно густо расположенными пятнышками красного цвета. По всем признакам это остатки очажного пятна, настолько сильно размытого, что границы его и толщина не устанавливаются. Легкое потемнение культурного слоя, залегающего в светлой супеси, хорошо заметно, часто в нем видны отдельные угольки, порой довольно крупные. Кости животных встречались преимущественно трубчатые, превратившиеся в мелкие осколки. Из общего количества (260) определены — 23 кости северного оленя, 1 — дикой лошади и 5 — сайги. В кремневой коллекции поражает обилие мельчайших чешуек — 1449 экз. Орудий сравнительно много. Это скребки, часто малых размеров, с округлым и овальным, тщательно обработанными рабочими краями (рис. 21—8, 9, 14); две проколки — одна из небольшой пластинки зеленого кремнистого сланца с асимметрично

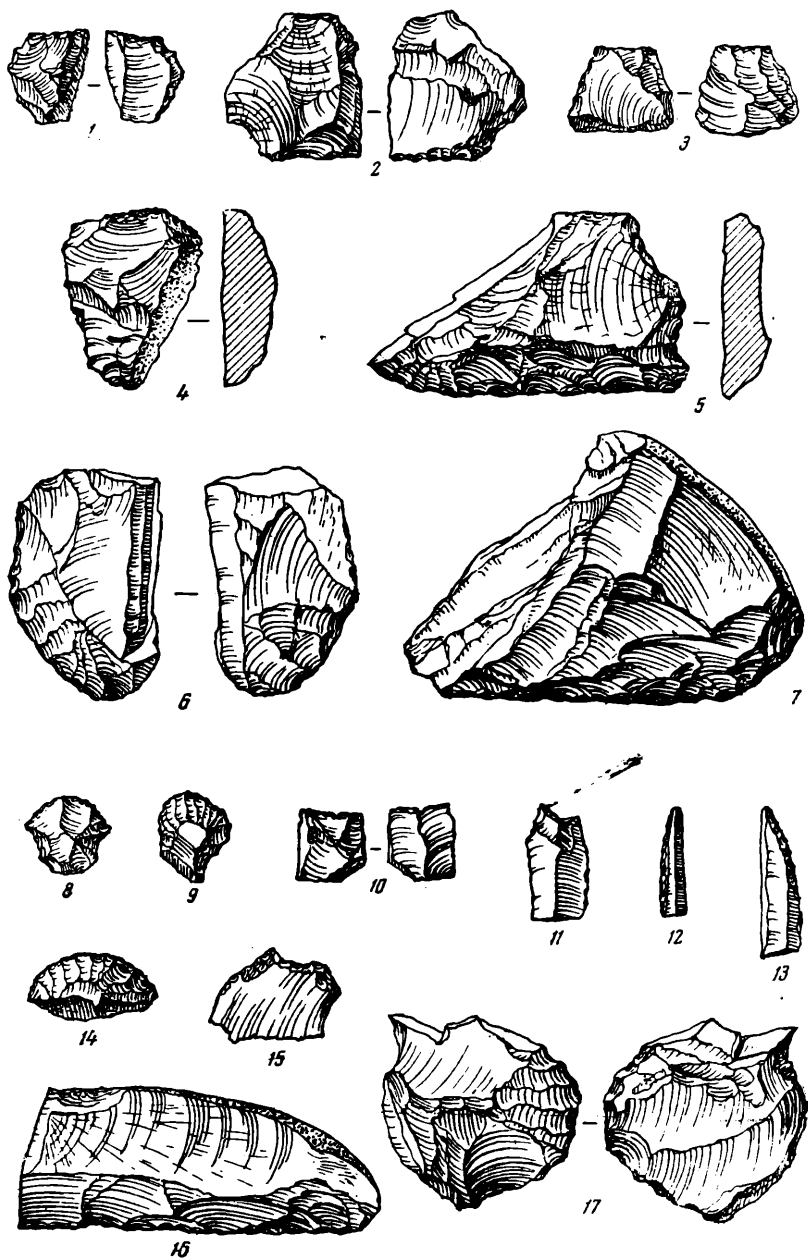

Рис. 21. Орудия со стоянок Таштык I и Таштык II (нижний слой).

1-3 — долотовидные орудия; 4 — скребок; 5, 7 — скребла; 6 — нуклеус-скребок; 8, 9, 14 — скребки; 10 — долотовидное орудие; 11, 15 — проколки; 12, 13 — микропластинки с ретушью; 16 — скребло; 17 — нуклевидный резец; (1-7 — стоянка Таштык I; 8-17 — стоянка Таштык II).

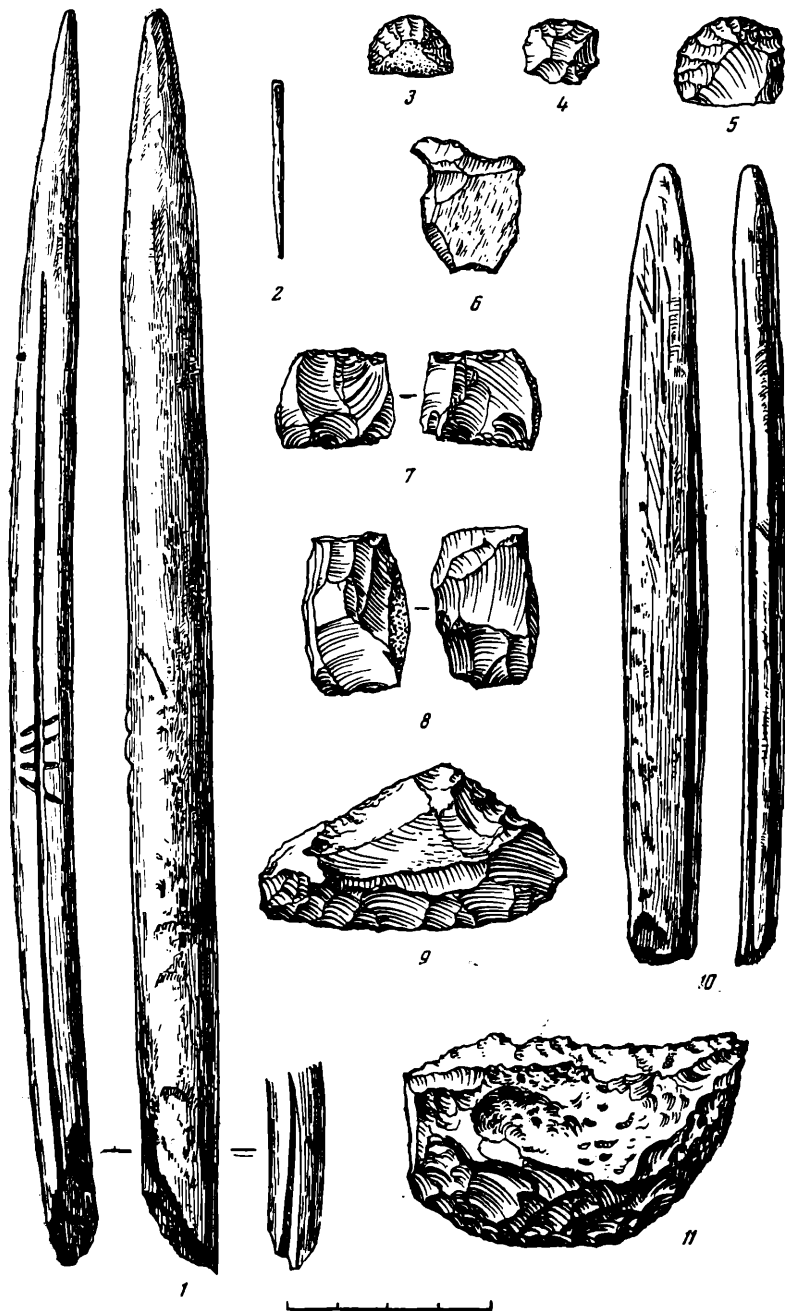

Рис. 22. Орудия со стоянки Таштык II (верхний слой).
 1, 10 — роговые наконечники; 2 — костяная игла; 3—5 — скребки; 6 — проколка;
 7 — долотовидное орудие; 8 — нуклеус; 9, 11 — скребла.

расположенным, обработанным тонкой ретушью жальцем (рис. 21—11) и другая — из плоского, широкого отщепа светлого кремня, с острым жальцем (рис. 21—15); микропластинки с ретушью (рис. 21—12, 13); долотовидные орудья с подтеской с брышка с прямыми и слегка вогнутыми рабочими краями (рис. 21—10); продолговатые узкие скребла (рис. 21—16) и другие орудья, в том числе любопытное изделие типа нуклевидного резца (рис. 21—17). В этой связи интересны находки в слое краевых отщепов резцов. Нуклеусов почти нет. Из костяных поделок можно упомянуть обломок костяного орудья, видимо, крупного стержня.

Пункт II. В северной части уступа той же террасы, близ высокого вертикального обнажения, заложено раскоп 3×8 м. На глубине 2,2 м от поверхности террасы в темном слое погребенной почвы собраны отдельные отщепы и осколки синевато-черного кремнистого сланца. Характер находок — послепалеолитический, но малое число изделий (скребок и два нуклевидных обломка) не позволяет уточнить датировку.

На глубине 3,7—3,8 м от поверхности, в слое палеовой супеси залегал культурный слой, соответствующий верхнему слою пункта I, связанный с волнистыми прерывистыми прослойками крупного темного песка. Супесь прослежена до глубины 5,4 м, но второй культурный слой, соответствующий нижнему горизонту находок пункта I, не обнаружен. Северная часть раскопа оказалась очень бедной находками, зато в южной части они располагались скоплениями вокруг очажных пятен. На кв. А-7 вокруг большого камня, возможно, служившего рабочим столиком, в беспорядке лежало много мелких камней без обработки, но со следами расколов и растрескивания. Рядом находилось размытое, без четких контуров, очажное пятно. В массе пепла и пережженной земли залежали крупные угольки и обломки обожженных костей. Пятно очень тонкое (не более 2 см толщиной), сверху — пепельный слой, под ним — прокаленная земля коричневого цвета. На кв. В-7 расчищено четко выраженное очажное пятно овальной очертаний диаметром 48×54 см, толщиной до 9 см. По-видимому, оно также подверглось размыванию в древности, так как поперек него проходит широкая трещина, заполненная пеплом. Серый пепельный слой покрывает лишь часть очага, сверху видны отдельные мелкие кости и крупные угольки. Очажная масса сильно прокалена; цвет ее — темно-коричневый, местами черный. Вблизи вскрыто другое очажное пятно вытянутой формы, сильно размытое. Под золистым слоем толщиной около 5 см в центре была небольшая линза прокаленной земли.

В слое беспорядочно рассеяны находки — осколки костей животных (560) и расщепленный кремень. Целых определимых костей немного, но фауна в этом слое представлена относительно богато: северный олень — 21 кость (в том числе крупный обломок рога), дикая лошадь — 17, заяц — 4, сайга — 2, птица (типа кулика) — 4.

В кремневом инвентаре (526 экз.) преобладают отщепы и осколки, но слой довольно богат и орудьями. Скребки и мелкие скребочки составляют среди них заметную группу — 9 экз. (рис. 22—3—5). Встречаются долотовидные орудья с подтеской с брышка, в том числе тщательно выработанное из черного кремня орудье с двумя рабочими краями (рис. 22—7). Прокол — две: одна с искривленным жальцем, изготовленная из отщепа зеленого кремнистого сланца (рис. 22—6), вторая — из миниатюрного кремневого отщепы. Скребла типичны для палеолита Сибири. Нуклеусы — мелкие, сработанные, призматические и довольно бесформенные. Здесь найдено также несколько костяных изделий: 2 обломка наконечников из рога с продольными неглубокими желобками по краям (рис. 22—10), 4 мелких обломка различных орудий и обломок иглы со следами ушка. Особый интерес вызывает единственное пока на таштыжских стоянках украшение — сделанная из зуба оленя подвеска с глубокими поперечными нарезками по боковым сторонам.

Помимо раскопок, велась разведка в долине р. Таштык до самых ее верховьев. В. И. Громов упоминает, что в одном из мощных песчано-глинистых обнажений на левом берегу речки в 2 км от устья им была обнаружена палеолитическая стоянка Таштык III². Нами осмотрен левый берег на всем протяжении, но в 2 км и далее от устья больших обнажений не наблюдается — они есть значительно ближе, недалеко от стоянки Таштык II. В этих обнажениях встречаются отдельные обработанные кремни, но четко выраженного культурного слоя нет. Стоянка Таштык IV находится в 100—150 м от стоянки Таштык II на узком гребневидном мысу террасы. В центральной части мыса под мощной толщей отложений (около 20 м) заметен отчетливый горизонт находок — обломков костей животных и расщепленных кремней. Интересна находка палеолитического скребла сибирского типа в обнажении у выхода культурного слоя.

Таким образом, долина р. Таштык открывает большие перспективы дальнейшего изучения палеолита Енисея. Малая площадь раскопок не позволяет пока судить о хронологической последовательности обнаруженных палеолитических поселений. Возможно, все они отделены друг от друга незначительным промежутком времени. Из них наиболее интересна стоянка Таштык II с остатками очагов и многочисленными каменными и костяными изделиями, находящими ближайшие аналогии на таких стоянках Енисея, как Переселенческий пункт, Кокорево I и другие.

---

² В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Тр. Ин-та геологич. наук, вып. 64, геологич. серия, № 17, М., 1948, стр. 356.

Н. П. ПЯДЫШЕВ, Л. П. ХЛОБЫСТИН

НОВАЯ СТОЯНКА В ПЕЧОРСКОМ ЗАПОЛЯРЬЕ

Основная масса стоянок древнего человека в нижнем течении р. Печоры открыта вблизи г. Нарьян-Мар. Эти стоянки нашли достаточно полное освещение в уже изданных работах¹.

Обнаруженное летом 1960 г. старшим научным сотрудником Нарьян-марской сельскохозяйственной станции Н. П. Пядышевым древнее поселение существенно дополняет список известных здесь археологических местонахождений и наши знания о древней истории этого края. Оно расположено примерно в 70 км севернее г. Нарьян-Мар на правом берегу р. Печоры между поселками Ортино и Красное, ближе к первому. Находки обнаружены на ярее — выдуве песчаного бугра эолового происхождения, расположенного среди слабо всхолмленной лишайниковой тундры, в 3—4 км от берега р. Печоры и метрах в 50 от небольшого озера. Наиболее значительному разрушению — энергичному выветриванию — подверглась западная часть бугра, в результате чего образовалась овальная чаша выдува размером 25 × 15 м.

На поверхности выдува, главным образом в его западной части, встречаются многочисленные остатки деятельности человека: орудия, черепки сосудов, отщепы, кости животных и т. д., происходящие из разрушенного культурного слоя. Здесь же были обнаружены остатки кострища.

Культурный слой наблюдается в центре котловинки, он сохранился в виде островка, укрепленного растительным покровом, а также на восточном склоне выдува, где его тонкая черная полоса четко выделяется среди песчаной осыпи склона. Культурный слой перекрывается толщей песка мощностью до 0,6 м. Предметы из ныне разветвленной части культурного слоя оказались на дне котловины и залегают на 1—1,5 м ниже своего первоначального положения.

При исследовании стоянки была собрана лишь небольшая часть материала, оказавшегося на поверхности выдува, однако при сборах ставилась цель представить находки во всем их разнообразии, и коллекция, если не количественно, то качественно, полностью характеризует инвентарь древних обитателей Ортинской стоянки. Наиболее распространенным материалом, из которого изготовлялись каменные орудия, был хороший по качеству кремь беловатого, реже дымчатого цвета. Встречены также отдельные отщепы халцедона и пестроцветного кремня.

¹ Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека в бассейне р. Печоры. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 50—59; его же: Новые археологические находки в Печорском бассейне. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 104—115; М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952; Н. Н. Гурина. Некоторые новые данные о заселении севера Европейской части СССР. СА, 1957, № 2, стр. 115—120.

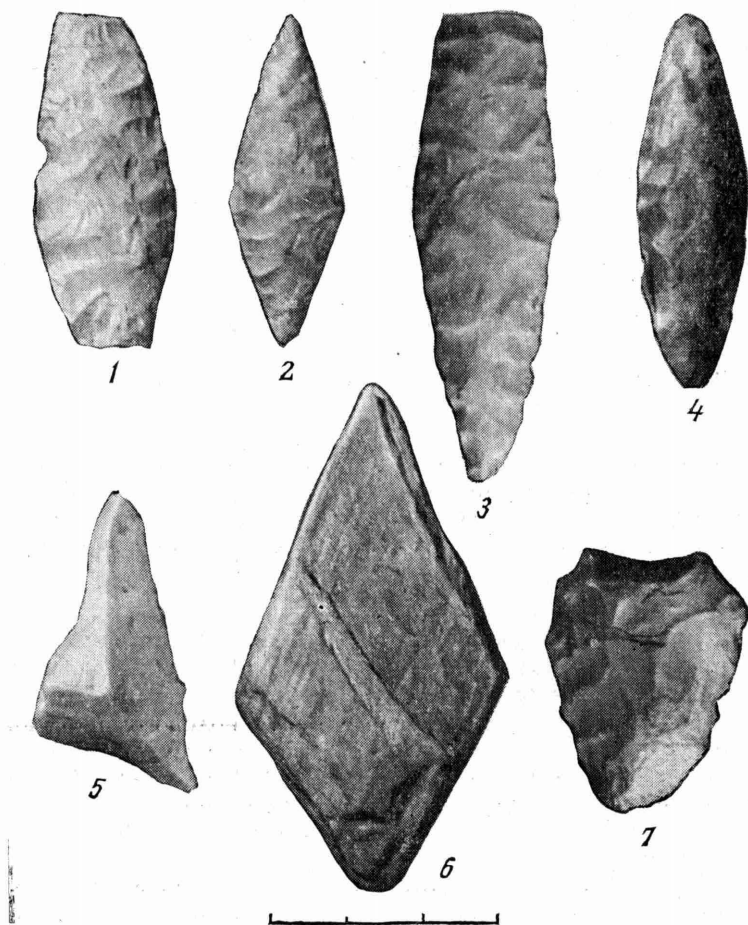

Рис. 23. Каменные орудия со стоянки близ дер. Ортино.
 1—4 — наконечники стрел; 5 — резец на отщепе; 6 — сланцевый наконечник
 копья (?); 7 — выемчатый скребок.

Из орудий четко выработанных форм следует отметить 4 наконечника стрел: два лавролистной формы (рис. 23—1, 4) и два ромбоидальной, с намечающимся выделением черешка (рис. 23—3, 2). Ретушь полностью покрывает их поверхность. Подобные наконечники характерны для развитого неолита лесной полосы Европейской части СССР и иногда продолжают бытовать в эпоху бронзы. Из куска кремня, испорченного мелкими кавернами, был сделан миндалевидный наконечник копья, острие которого оказалось сломанным. Другому куску светло-серого кремня предназначалось быть наконечником стрелы, но его обработка прекратилась на стадии заготовки. Следы сработанности служат доказательством употребления этого предмета в качестве выемчатого скребка. Этот тип орудия представлен прекрасным экземпляром подтреугольных очертаний, сплошь обработанным тщательной ретушью. В остроугольной части брюшка орудия, основой которому послужил массивный отщеп, нанесена ретушь, удалившая ударный бугорок. На вогнутой рабочей части и рядом с нею заметны следы интенсивного употребления (рис. 23—7). Близкие формы скребков, названные М. Е. Фосс копьевидными, мы находим на стоянках Большеземельской тундры бассейна р. Колвы. Как и описываемый скребок, они имеют под-

теску с брюшка в остроугольной части, что делалось, вероятно, для удобства крепления рукоятки².

В коллекции есть две ножевидные пластины; по краям их в одном случае приостряющая, а в другом — крутая ретушь; служили они, соответственно, ножом и скребковидным орудием. Есть также резец срединного типа, сделанный не на пластине, как это обычно бывает, а на отщепе. Острие орудия оформлено двумя симметричными резцовыми сколами, остальная часть не обработана (рис. 23—5). Отметим несколько длинных острых осколков галек серовато-зеленого сланца, которые могли употребляться как проколки. Интересен ромбический кусок сланца, который благодаря остроте одного из углов служил, возможно, наконечником копья (рис. 23—6). Кроме того, среди находок упомянем большую гальку окремелого сланца, служившую молотом, на что указывают сбитости на концах. Почти все собранные отщепы употреблялись в виде режущих или скребущих орудий и несут либо небольшую ретушь, либо следы сработанности.

Следует отметить, что на поверхности выдува среди прочих находок часто встречаются неоформленные куски пемзы. В нескольких погребениях Оленеостровского могильника Баренцева моря отмечены специально положенные неоформленные и неиспользованные или уже употреблявшиеся как абразивы куски пемзы, собиравшиеся на берегу моря³. Пемза, вероятно, применялась для выделки кожи и шлифования костяных изделий⁴. Такое же назначение пемзы, по-видимому, было и у обитателей Ортинской стоянки.

Комплекс каменных орудий, отдельно взятый, позволяет датировать стоянку и неолитической эпохой, и эпохой бронзы. Находка резца не может служить поводом для удревнения комплекса, ибо во многих культурах, в которых развита обработка кости, резцы сохраняются вплоть до появления металлических орудий.

Из всей собранной керамики только один черепок (толщина его 10 мм) можно отнести к эпохе неолита. Он плохой сохранности, глиняное тесто обильно насыщено примесью крупных зерен дресвы. Черепок украшен рядом глубоких конических ямок и параллельными ему слабо выраженными желобками, сделанными, вероятно, оттисками шнура (рис. 24—6). Остальная керамика более позднего облика. Черепки принадлежат по крайней мере 9 сосудам, но форма их восстанавливается не полностью. В большинстве это были горшки, диаметр венчика которых колеблется от 22 до 14 см, и только один черепок мог принадлежать чашевидному сосуду или миске с диаметром 16 см. В тесте сосудов, в отличие от черепка неолитического облика, незначительная примесь мелкой дресвы. Обжиг сильный, но большей частью неравномерный, поэтому цвет поверхности колеблется от светло-коричневого до черного. Сосуды делались тонкостенными, их обычная толщина 3,5—5 мм. У горшков прямой венчик со скругленным краем, иногда утолщенный подлепом изнутри. Венчик плавно переходит в чуть выпуклые плечики (рис. 24—1, 2). Миска — со слабо выпуклыми стенками с утоншающимся округленным краем (рис. 24—7).

Сосуды украшались сплошным орнаментом, располагавшимся зональными полосами. Лишь в одном случае нижняя часть горшка была покрыта усложненным узором, оставляющим местами гладкую поверхность (рис. 24—8, 10, 12, 13, 15, 16). Распространенными компонентами орнамента были два ряда ямок, наносившихся под венчиком на шейке

² М. Е. Фосс. Указ. соч., стр. 139, рис. 76, 8—10.

³ А. В. Шмидт. Древний могильник на Кольском заливе. Кольский сборник. АН СССР, Материалы Комиссии экспед. исследований, вып. 23, Л., 1930; Н. Н. Гурина. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова. МИА, № 39, 1953.

⁴ Н. Н. Гурина. Памятники эпохи раннего металла..., стр. 371.

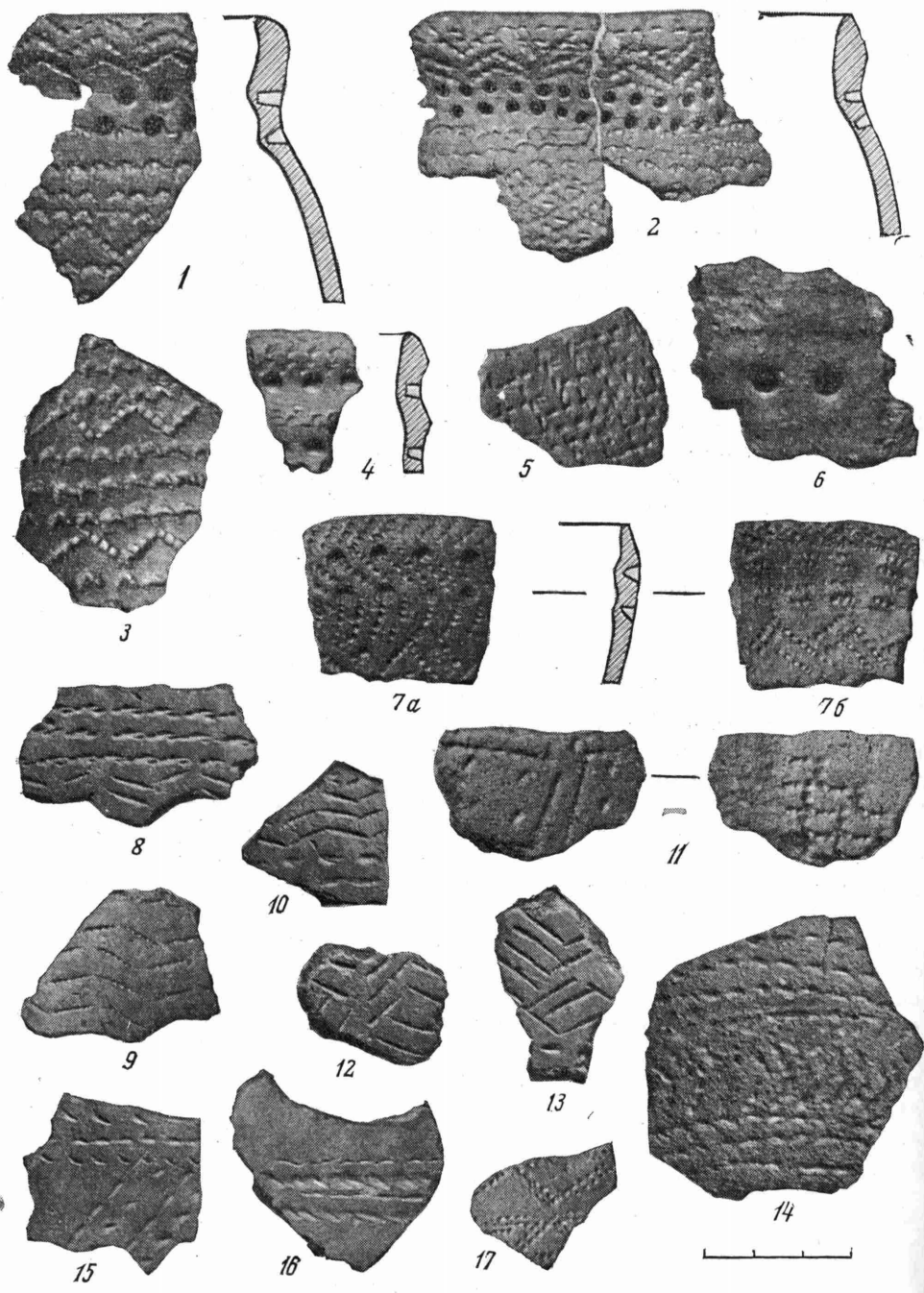

Рис. 24. Керамика со стоянки близ дер. Ортино.

1—5, 7—14 — эпохи бронзы; 6 — черепок неолитического сосуда; (7а — наружная сторона; 7б — внутренняя сторона).

(рис. 24—1), непрерывные ряды зубчатых арочных вдавлений, горизонтальные, реже вертикальные равноугольные зигзаги, сделанные мелкозубчатым гребенчатым штампом. Отпечатки гребенчатого штампа иногда образуют ромбические фигуры (рис. 24—12, 13). Орнамент захватывает и внутреннюю поверхность посуды, причем у горшков узоры ограничиваются горловиной, у миски же украшение внутренней поверхности не уступает по богатству наружной (рис. 24—7). Некоторые сосуды подвергались лощению.

Следует отметить, что за исключением одного неолитического черепка, керамика Ортинской стоянки однообразна. Единообразие выражается и в сходстве элементов, и принципах нанесения узора, и в составе глины и степени обжига.

Керамика Ортинской стоянки не находит прямых аналогий ни на территории распространения печорской культуры, ни в районах, занятых памятниками соседних культур, хотя наблюдаются некоторые черты сходства в элементах и принципах орнаментального оформления сосудов (в употреблении опоясывающих рядов зубчатых арочек и гребенчатого зигзага) с керамикой нижнеобских стоянок. Эти черты уже неоднократно отмечались, как родственные между культурами Большеземельской тундры и Нижнего Приобья. Ближе всего это сходство намечается с керамикой неолитических стоянок Час-тый-яг и Сортынья I⁵.

Таким образом, можно считать, что влияние нижнеобских племен простиралось на запад вплоть до р. Печоры, захватывая, вероятно, все ее правобережье, а не ограничивалось лишь восточной частью Большеземельской тундры⁶.

Общий вид основной массы ортинской керамики — форма сосудов, их тонкостенность, применение лощения и узкого гребенчатого штампа, украшение внутренней поверхности, а также некоторые принципы построения орнамента (ромбы, перекрещивающиеся отиски гребенчатого штампа), позволяют относить ее к эпохе бронзы.

В эпоху раннего железа, судя по находкам керамики аналогичной зеленгорской, Печорский край и Большеземельская тундра испытывали сильное влияние со стороны Нижней Оби. Однако начало культурных связей между этими районами относится к более раннему периоду, по крайней мере, к концу II — началу I тысячелетия до н. э. Этим временем можно датировать ортинский керамический комплекс, в котором видны ясно выраженные черты сходства с керамикой Нижней Оби. Мы можем утверждать это, хотя одновременные Ортинской стоянке поселения нижнего течения Оби мало изучены.

До более детального исследования, которое позволит выяснить, есть ли на Ортинской стоянке следы неолитического поселения, кажется возможным рассматривать стоянку как памятник, относящийся только к эпохе бронзы, поскольку сосуществование описанного выше каменного комплекса с керамикой бронзового века вполне допустимо, а единичные фрагменты керамики неолитоидного облика — не редкость на поселениях указанного времени.

Детальное исследование Ортинской стоянки и решение вопроса о времени ее первоначального заселения крайне желательно, тем более, что эта стоянка пока единственный известный памятник бронзового века севера Печорского края.

⁵ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, табл. II—5, III—5 и др.

⁶ Г. А. Чернов. Новые археологические находки в Печорском бассейне. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 115.

В. П. ЛЕВЕНКО

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА У С. ДОЛГОЕ
НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

Неолитическая стоянка у с. Долгое Данковского района Липецкой области, открытая в 1959 г. и раскопанная в 1960 г. Верхнедонской экспедицией¹, оказалась исключительно интересным памятником.

Несмотря на то, что стоянка расположена на бечевнике правого коренного берега Дона у подножия террасы и частично уходит под меженный уровень реки, культурный слой ее сохранился почти полностью *in situ*. От разрушения течением реки стоянка оказалась защищенной лежащим выше мощным глинисто-щебеночным устьевым конусом оврага, отклонившим здесь течение Дона в направлении противоположного берега.

В 1960 г. вскрыто 182 кв. м площади стоянки. Раскоп лежал ниже уровня Дона, поэтому пришлось прибегнуть к постройке вокруг него земляной дамбы. Мощный культурный слой (толщина более 1 м), совмещающийся с плотным, зеленовато-серым, глеевым ложем русла реки, был насыщен золою, фрагментами керамики, орудиями и отщепами. Особенно следует отметить обилие костей животных, рыб, птиц и большое количество костяных орудий и их фрагментов.

Прослеживалось деление культурного слоя на три неодинаковых по толщине горизонта, различавшихся по минеральному составу и характеру культурных остатков. В нижнем горизонте (толщина 0,1—0,25 м) залежали четыре больших раковинных кучи из створок *Anadonta* и *Unio*, в которых найдено небольшое число орудий из кремня и кости и немного керамики.

Средний горизонт был самым мощным (толщина 0,5—0,7 м), ракушник в нем отсутствовал. Здесь вскрыты остатки множества перекрывающих друг друга наземных кострищ — очагов, имевших в вертикальном разрезе форму блюдца диаметром в 0,6—1,0 м. Тонкие сажистые прослойки оконтуривали их вогнутые основания, заполненные белесоватыми зольными скоплениями. Помимо этого, горизонт изобиловал находками фрагментов керамики, раздавленными глиняными сосудами (многие из них удалось реставрировать), изделиями из кремня, кости и пр. В основании горизонта (в кв. №№ 23—25/в, г) находилась своеобразная «кладовая» — склад кремневых желваков и кусков поделочного камня. В кв. № 28/г обнаружено скопление кремневых отщепов и наполовину готовых орудий, преимущественно скребков. Компактность этих групп свидетельствует о преднамеренной их концентрации. В разных местах раскопа встречены куски камня без обработки, величиной от небольших галек до крупного известнякового

¹ Экспедиция ЛОИА и Липецкого Областного музея.

блока, а также группы костей лося, бобра, медведя и др. Никаких искусственных конструкций в слое не было. Северо-западная половина раскопа оказалась более насыщенной культурными остатками, чем юго-восточная, в которой наблюдалось просачивание родниковых вод.

Основная толща культурного слоя среднего горизонта, который отличался зеленовато-серым цветом, перекрывалась тонким (до 0,2 м) слоем глинистой земли коричневатого цвета, оказавшейся делювиальным смывом со склонов коренной террасы. В этом слое найдено лишь незначительное количество керамики.

К числу интересных находок относятся кусочки минеральной краски — охры желтого, оранжевого, розового, красного, бурого и коричневого цветов. Найдено несколько вылепленных в древности картофелевидных кусков оранжевой охры, что свидетельствует о преднамеренной заготовке и использовании краски жителями стоянки.

В связи с этим следует упомянуть блюдцеобразную песчаниковую плитку естественной формы, использовавшуюся древними художниками в роли палитры, — вогнутая сторона плитки носит на себе следы краски. Кроме охры, в слое найдены кусочки мела и серо-зеленоватого мергеля, возможно, также выполнявшие роль краски. Один из очагов (кв. № 34/г) сверху был засыпан слоем красной охры в 8 см толщины.

К числу единичных предметов относятся куски древесины со следами рубки, два сильно окатанных белемнита, обуглившаяся косточка вишни, череп медведя с пробитым лбом и пр.

Наиболее массовый материал составляют керамика, кремь и кость.

Керамика в скоплениях и в виде разрозненных фрагментов встречалась в толще всего слоя, однако наибольшее количество ее было приурочено к среднему горизонту.

Древнейшая часть сосудов стоянки, найденная в слое ракушника, представлена двумя типами. Во-первых, небольшие и средние по величине остродонные сосуды, сплошь покрытые с внешней стороны глубокими овальными небольшой величины и не очень правильных очертаний ямками. Под обрезом венчика, снаружи и изнутри, сосуды украшены пояском оттисков гребенчатого штампа (рис. 25—11). Ко второму типу относятся большие и более толстостенные сосуды с прямым венчиком. Внешняя поверхность их также сплошь покрыта орнаментом из овальных или округлых ямок, оттиснутых концом белемнита. У обреза венчика снаружи они украшены пояском ямок иных очертаний. В некоторых случаях контуры и форма ямок точно совпадают с формой костяных стилей, найденных на стоянке (рис. 25—13).

Керамика среднего горизонта представлена остродонными сосудами, украшенными сплошным ямочным орнаментом, часто расчлененным на зоны поясками гребенчатых оттисков или ямок иных очертаний (рис. 25—9, 10). Обрез венчика нередко оформляется ритмично расположенными пальцевыми вдавлениями (рис. 25—7, 10). Орнаментация керамики, приуроченной к верхним слоям среднего горизонта, более разнообразна. Это проявляется, например, в чередовании участков сплошь покрытых ямками со свободным, не занятым орнаментом полем (рис. 25—8).

Часто встречаются крупные сосуды, до 36—40 см высоты и 33—38 см в диаметре (рис. 25—10). Наряду с этим много обломков миниатюрных сосудиков, украшенных разнообразной ямочно-гребенчатой орнаментацией и повторяющих формы больших сосудов.

Кремневые орудия стоянки представлены не совсем обычными для неолита формами. Все они изготовлены техникой скола, отжима и ретуши. Среди орудий и нескольких тысяч отщепов нет ни одного с признаками шлифования. В связи с отсутствием на этой территории мелового кремня, древнее население стоянки вынуждено было довольствоваться низкокачественным цветным валунным кремнем и совсем малопригодным для

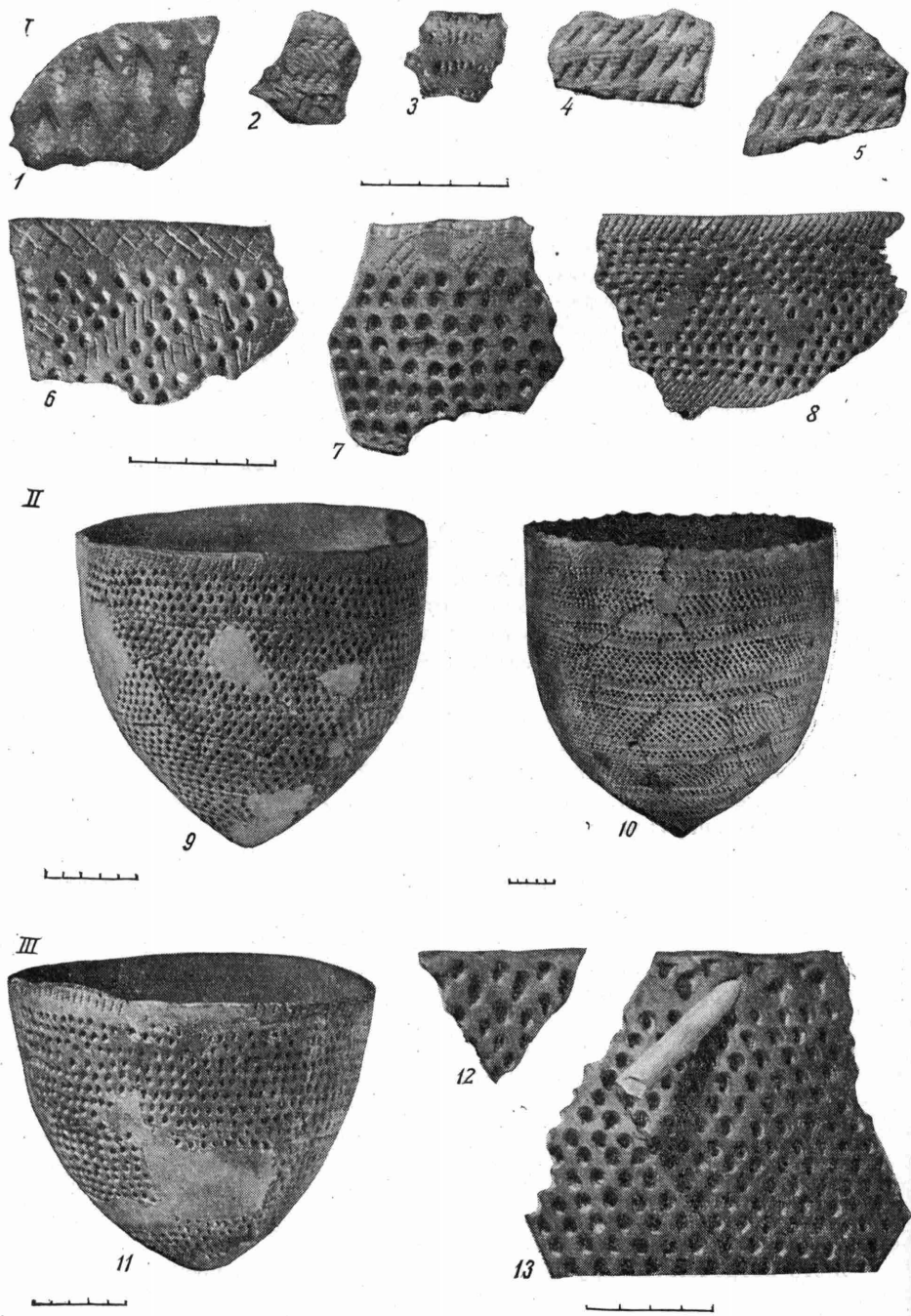

Рис. 25. Керамика Долговской стоянки.

I — верхний горизонт; II — средний горизонт; III — нижний горизонт; 1—5 — керамика с примесью толченых ракушек в глине (верхний горизонт); 6, 8, 9 — ямочно-гребенчатая керамика и 7, 10 — ямочно-гребенчатая с пальцевыми вдавлениями по обрезу венчика (средний горизонт); 11 — ямочно-гребенчатый сосуд, 12, 13 — ямочная керамика (нижний горизонт). На фрагменте 13 положен костяной «стиль», которым были оттиснуты ямки на венчике.

орудий местным известняком. Весь кремневый инвентарь в целом очень архаичного облика, что можно объяснять в равной мере и относительной древностью (в пределах неолита), и низким качеством кремня как материала.

Нуклеусы встречены необычной формы. Они невелики по размерам, многоплощадочны, но еще чаще это небольшие треугольные, клиновидные кремни, у которых в роли площадок попеременно служили то одна, то другая стороны скалывания. Встречены также настоящие резцы срединного типа и два кремневых отбойника, причем один из них одновременно выполнял, по-видимому, также функции ретушера, о чем свидетельствует особый характер изношенности одной части его поверхности. Среди обломков и отщепов кремня почти каждый несет на острых гранях следы использования в роли режущего или скребущего инструмента. На многих отщепах видна частичная ретушь. Отщепы более правильных очертаний через ряд посредствующих форм переходят в группу скребков. Встречены отщепы с косо ретушированным краем, а также краевые сколы. Архаичными формами представлена группа скобелей, частично изготовленных из массивных ножевидных пластинок небольших размеров и нож в виде остроконечника на широком отщепе. Ножевидные пластинки не крупной величины представлены не очень правильными формами. Встречено небольшое число сечений ножевидных пластинок и проколов. Собственно ножи изготовлены из широких плоских отщепов.

Загадочно отсутствие среди кремневого инвентаря крупных рубящих орудий. Возможно, что функцию топоров выполняли дисковидные клинья грубой обработки и другие орудия, приближающиеся по форме к топорам. В числе кремневого инвентаря следует упомянуть наконечники стрел и дротиков, приближающиеся по форме к ромбическим, а также небольшое число очень грубых и архаичных форм крупных скребущих и рубящих орудий, изготовленных из малоподходящего для этих целей местного известняка.

В силу особого свойства грунта в слое стоянки сохранились в прекрасном состоянии костяные орудия и остатки фауны. Слой обильно насыщен костями животных, птиц и рыб. Кроме этого, здесь найдено около 150 обломков панциря черепахи. Из рыб удалось определить карповых — сома и щуку. Животные представлены барсуком — *Meles meles*, бобром — *Castor fiber*, выдрой — *Lutra lutra*, ежом — *Erinaceus europaeus*, зубром — *Bison bonasus*, кабаном (молодым) — *Sus scrofa ferus*, куницей или соболем — *Martes sp.*, крысой водяной — *Arvicola terrestris*, лосем — *Alces alces*, медведем — *Ursus arctos*, мышью лесной — *Apodemus sylvaticus*, оленем благородным — *Cervus elaphus*, сурком — *Marmota babax*, сусликом — *Citellus sp.*, черепахой — *Emys orbicularis*; в числе птиц — тетерев — *Lyrurus tetrix*, утка кряква — *Anas sp.*, чирок — *Anas sp.* Из числа моллюсков — *Anadonta*, *Unio*².

Наиболее интересен среди костяных изделий изготовленный из рога благородного оленя так называемый «жезл» с просверленным отверстием и резным геометрическим рисунком (рис. 26—1). К костяным орудиям относятся гарпуны (рис. 27—1—7), рогатины, или пешни (рис. 27—23, 24), шилья и различные острия (рис. 27—8, 11, 17), кинжалы (рис. 27—18, 21), ножи (рис. 27—12), наконечники стрел (рис. 27—9, 10), кирки или мотыги (рис. 27—19, 25), долотца, лопатки-копалки (рис. 26—2), орудия для снятия коры с деревьев, «стили» для нанесения орнамента на глиняных сосудах (рис. 25—13), орудия в виде тесел и др. Кроме того, найдено много заготовок, позволяющих проследить технические приемы обработки кости, и, в частности, очень интересный прием отщепов и ретуши, вполне тождественный приемам обработки кремня.

² Определение А. В. Таттор (ЗИН АН СССР, Ленинград).

Рис. 26. Долговская стоянка.
Изделия из кости и рога.
1 — «жезл»; 2 — лопатка-копалка.

К изделиям из кости относятся и просверленные подвески в виде гирек (рис. 27—16), пластинки с отверстиями, изготовленные из клыка кабана, и гребенчатые штампы, также из клыка кабана. Найдены также зубы небольшого хищника и олени резцы с нарезками для привязывания (рис. 27—13), просверленные позвонки крупной рыбы, обрезанные около эпифизов кости птиц и пр.

Отдельную группу находок составляют обломки костей со следами различных приемов обработки — резания, рубки, строгания.

Среди фаунистических остатков, как мы уже упоминали, более сотни фрагментов панциря черепахи. Из них же изготовлено около десятка штампов для нанесения гребенчатых отпечатков на глиняных сосудах, причем излюбленное число нарезок на этих штампах — восемь. Черепаховые штампы найдены впервые в Советском Союзе.

Материал стоянки обширен. Ее изучение только лишь начато. Однако этот памятник уже сейчас резко выделяется среди многих неолитических местонахождений соседних территорий черноземного центра, законно привлекая внимание археологов.

Настоящая краткая статья не может дать развернутого показа всего обширного материала. Поэтому придется ограничиться лишь общей характеристикой и попытаться определить его место в хронологии

неолита Центра Восточноевропейской равнины СССР.

Благодаря ненарушенности культурного слоя и прекрасной сохранности органических предметов, а также тщательности проведенных раскопок, получена возможность проследить шаг за шагом всю историю этого поселения со времени первого заселения.

Как уже упоминалось, в основании толщи культурных наслоений залежали четыре раковинные кучи. Первые поселенцы по неясным пока причинам некоторое время довольствовались сбором речных моллюсков в роли основного пищевого продукта. На уровне раковинных куч и в самих кучах найдена древнейшая керамика стоянки.

Период раковинных куч не был длительным. Следующие (кверху) горизонты культурного слоя уже обильно насыщены костями рыб, диких животных и птиц. Над одной из раковинных куч найдена большая «кладовая» кремневого и каменного сырья для изготовления орудий — в одну кучу собраны желваки моренного цветного кремня и куски различных пород, в том числе и известняка. Весь материал местного происхождения. Второй, самый мощный горизонт культурных наслоений, обильно насыщен костным материалом — отбросами пищи и многочисленными изделиями. От прослойки к прослойке прослеживается постепенное усложнение в оформлении керамики, хотя мотив сплошного круглоямочного украшения сосудов остается очень стойким до конца второго горизонта. К этому же горизонту приурочены обильные находки обломков миниатюрных сосудиков, копирующих формы больших сосудов.

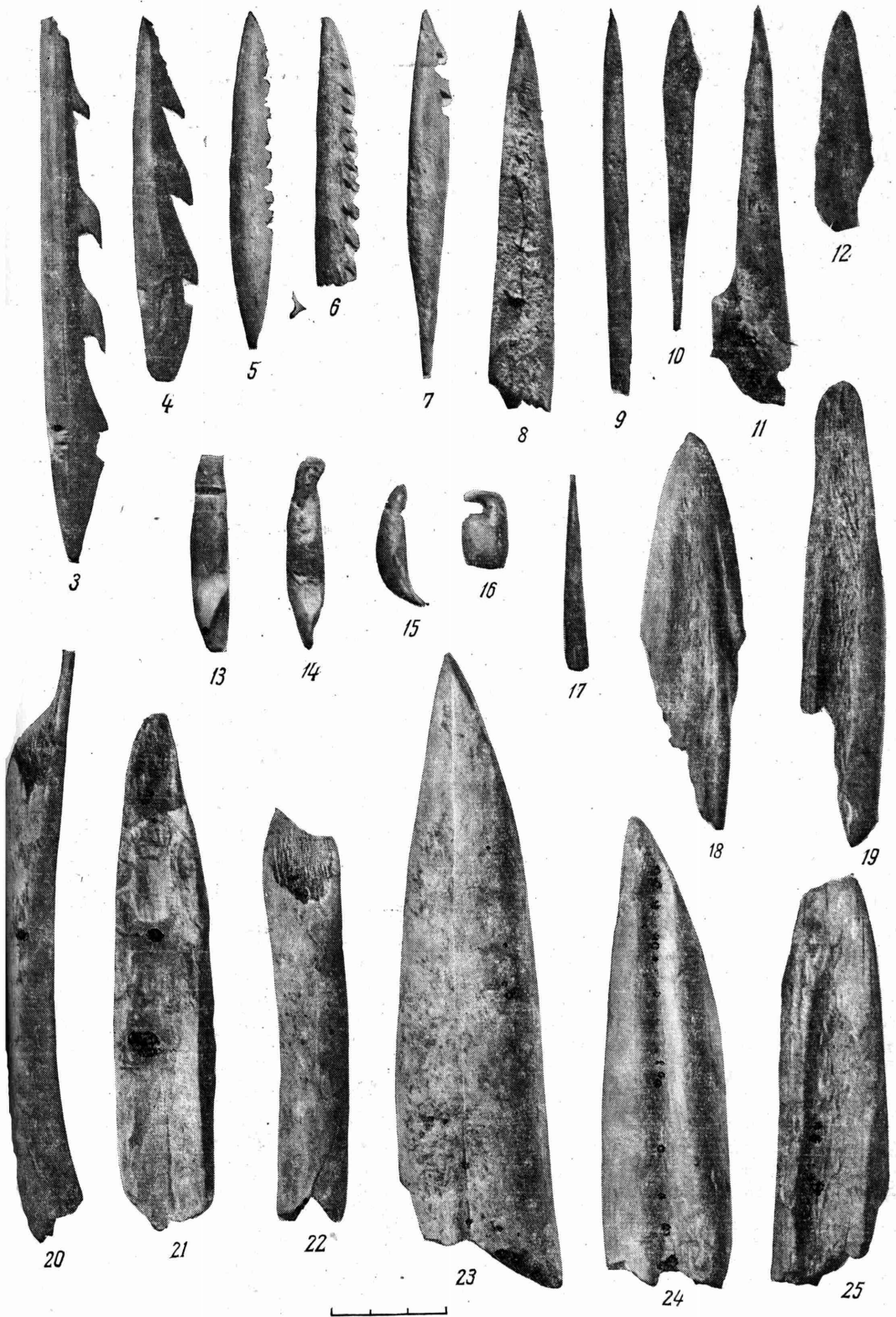

Рис. 27. Долговская стоянка. Орудия из кости.

1-7 — гарпуны; 8, 11, 17 — шилья; 9, 10 — стрелы; 12 — нож; 13-15 — зубы животных — амулеты;
 16 — подвеска; 18, 20, 22 — кинжалы; 19, 25 — кинжи или мотыги; 21 — заготовка кинжала;
 23, 24 — рогатины или пешни.

Наличие теплолюбивой фауны — черепахи *Emys orbicularis*, а также отсутствие признаков наземных жилищ, свидетельствуют о теплом периоде в истории климата, по-видимому о климатическом оптимуме атлантического периода. Лесные, степные и болотные формы фауны говорят в пользу лесостепной ландшафтной зоны с характерным «врезанием» лесов в степную зону по долинам рек.

Тонкий верхний (третий снизу) культурный горизонт и по минералогическому составу, и главным образом по культурным остаткам, резко отличается от двух других слоев. В нем преобладает ромбично-ямочная, очень грубая керамика с «жемчужинами», а также обломки южной древнеямной керамики, для которой очень типична примесь в тесто толченой ракушки. Такая керамика распространена гораздо шире границ собственно стоянки; можно думать, что верхний культурный горизонт прямого отношения к более древним слоям стоянки не имеет.

В культурном отношении Долговская стоянка входит в круг типичного лесного «ямочно-гребенчатого» неолита. Наличие «жезла», гарпунов, шиловидного наконечника стрелы и других форм костяных орудий позволяет сблизить ее с древнейшими неолитическими культурами Севера и Прибалтики. Ямочный орнамент на керамике, полное отсутствие шлифованного камня и традиция кьёккенмеддингов позволяет датировать момент первичного заселения стоянки концом IV тысячелетия до н. э.

Охватившая значительный отрезок времени Долговская стоянка, прекрасно сохранившаяся и стратиграфически тщательно изученная, будет в дальнейшем иметь значение опорного пункта для хронологии неолита центральных областей Европейской части СССР.

Е. К. ЧЕРНЫШ

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У с. ТОРСКОЕ
НА ДНЕСТРЕ

Из поселений культуры линейно-ленточной керамики на Днестре одним из первых получило известность поселение у с. Торское Залешицкого района Тернопольской области. Оно находится в 4—5 км от Днестра у края огромного древнего оврага, густо поросшего дубовым лесом. В овраге есть родники, а по дну его бежит ручей. Поселок был основан вблизи воды на плато, на котором к тому времени уже образовался небольшой слой чернозема, т. е. в месте, пригодном для земледелия. В 1921 г. В. Антоневиц обнаружил здесь остатки трех полуземлянок в стенах окопов, вырытых еще во время первой мировой войны¹. Жилища оказались настолько разрушенными, что судить о их форме и конструкции было невозможно. Правда, В. Антоневиц указывает, что пол одной из ям (длиной в 2 м) оказался овальной формы. В гумусированном культурном слое толщиной 0,8 м, заполнявшем яму, содержались кусочки обожженной глиняной обмазки, фрагменты керамики и мелкие угольки. На дне третьего жилища находилась хорошо утрамбованная обожженная глина толщиной 0,2 м. На ней на пространстве около 2×0,7 м лежали фрагменты посуды. Для уяснения характера поселения у с. Торское Молдавская экспедиция Института археологии АН СССР провела на нем небольшие раскопки в 1959 и 1960 гг.

Поселение оказалось расположенным ближе к хутору Глушково, чем к с. Торское, в урочище «Шанцы». Здесь, на склоне мыса найдены фрагменты керамики славянской XII—XIII вв., керамики культуры полей погребений, комаровской и трипольской и 1 фрагмент линейно-ленточной керамики. Местами на поле была размыта глиняная обмазка поздне трипольских площадок. В поисках поселения культуры линейно-ленточной керамики заложили 3 шурфа и траншею. В траншее на глубине 0,4 м в основании гумуса обнаружили первое жилище (рис. 28).

Полуземлянка № 1 выкопана в желтовато-коричневом суглинке на глубине 0,5 м (от древней поверхности). Дно ее неправильно овальной формы 2,5×2 м. Земля, заполнявшая полуземлянку, очень темная и жирная, хорошо отличающаяся от лежащего сверху чернозема. В центральной части жилища прослежено много вкраплений угля и обмазки — в этом месте, видимо, находился очаг. В жилище найдено много фрагментов керамики, три сланцевых тесла и несколько кремневых отщепов и пластин.

В 8 м к западу обнаружена полуземлянка № 2. Большая часть жилища была наземной; углубленная часть его связана с очагом. Размер очажной

¹ W. Antoniewicz. Z badań archeologicznych w górnym dorzeczu Dniestru. Wiadomości archeologiczne, VI, Warszawa, 1921.

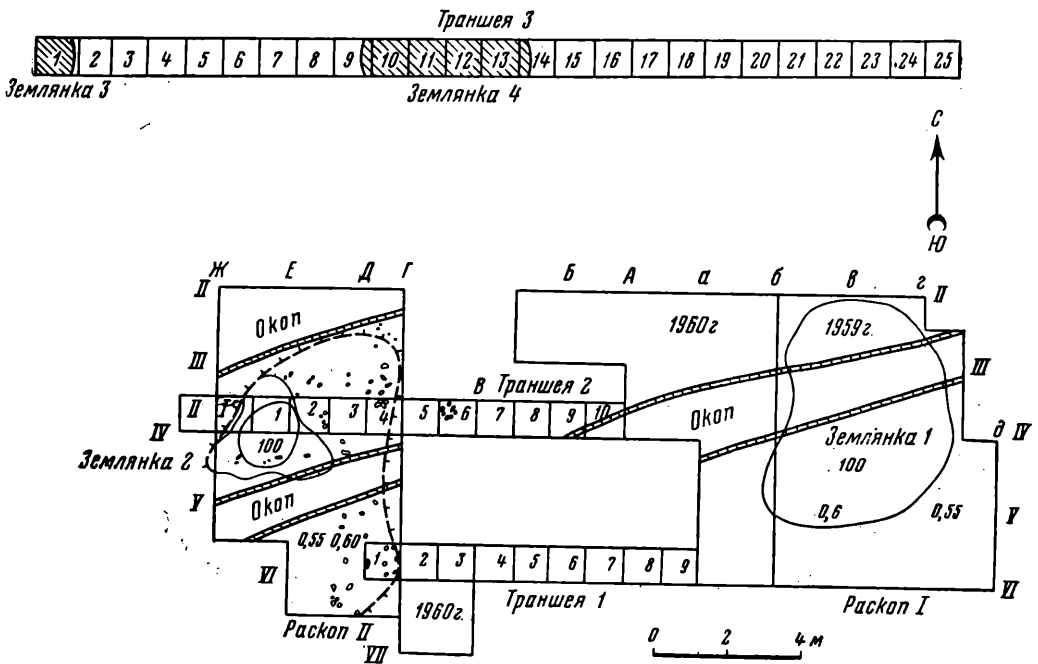

Рис. 28. План раскопов на поселении культуры линейно-ленточной керамики у сел. Торское.

ямы $2,5 \times 2$ м при глубине 0,8 м (рис. 28), на дне ее много угля и большое количество керамики. Вокруг очажной ямы керамика, кремневые отщепы и кости животных встречались на небольшом пространстве на глубине 0,5—0,55 м от современной поверхности. Следы столбов или кольев от стен не сохранились, однако стены должны были существовать, ограничивая внутреннее пространство жилища, где были сосредоточены находки керамики, кости животных, зернотерки, кремни; культурные остатки встречены в Торском только на площади жилищ.

В 5 м севернее полуземлянок удалось найти еще 2 жилища такого же типа. Частично они раскопаны в траншее (25×1 м). На дне одного из них лежали крупные фрагменты керамики и хорошо сохранившееся орудие (из сланца) в форме башмачной колодки. Судя по всему, 4 полуземлянки, обнаруженные Молдавской экспедицией, и 3 жилища, исследованные В. Антоневицем, были сооружены совершенно одинаково. Они небольшие и расположены группой на расстоянии 4—8 м друг от друга. Видимо, вблизи удастся обнаружить и другие жилища.

В жилищах найдены различные орудия. Почти все топора и долота в форме башмачной колодки, сделанные из сланца и опоки, сломаны. Кремневых изделий сравнительно мало. Для их изготовления употреблялся исключительно валунный полупрозрачный дымчатый кремний; из него сделаны пластины, вкладыши серпов, скребки. Найдены нуклеусы, отщепы, пластины, указывающие на то, что орудия изготовлялись здесь же в жилищах. Кремневые орудия невелики: размеры некоторых пластин $5,5 \times 1,5$ см, $7,2 \times 5$ см, отщепов — $3,1 \times 1,7$ см, и т. д.

Керамика из раскопанных нами жилищ, как и найденная В. Антоневицем, четко делится на несколько групп. Сосуды одной группы изготовлены из глины с примесями растительной и большого количества мельчайшего кварцевого песка. Цвет сосудов преимущественно серый или коричневый,

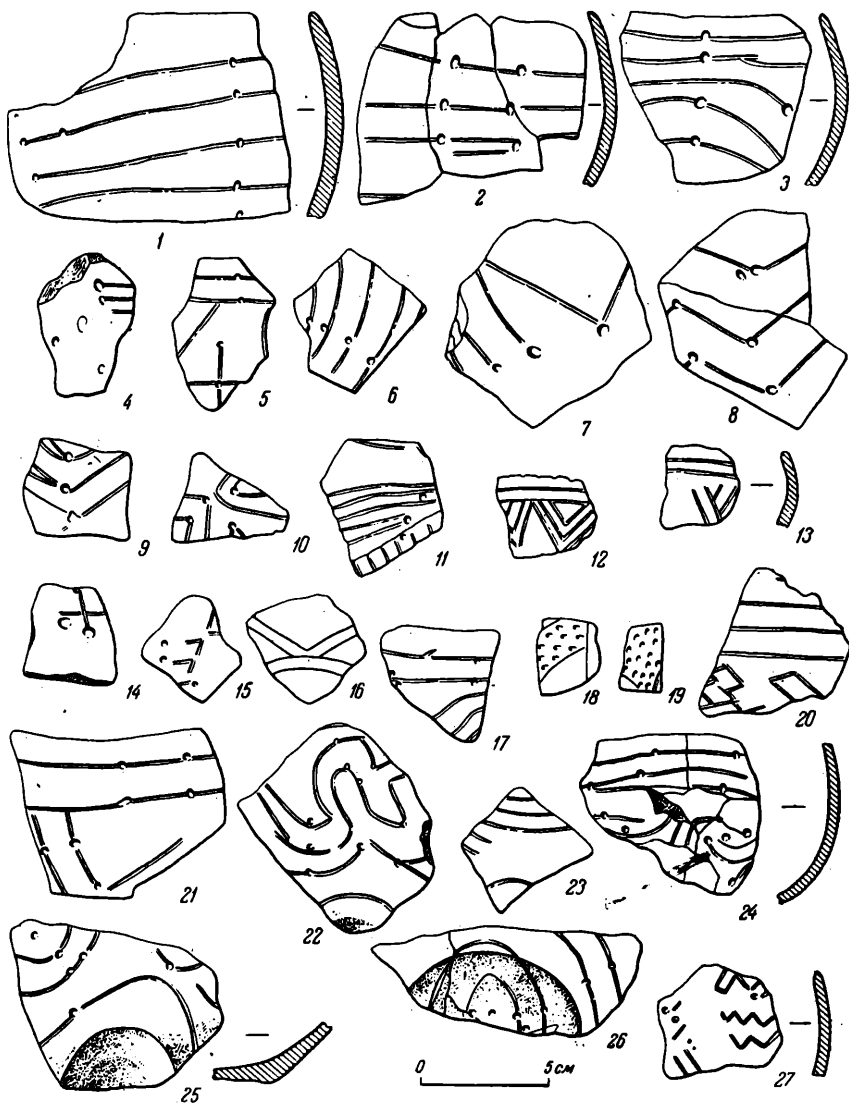

Рис. 29. Керамика с «нотным» орнаментом из поселения у сел Торское (1—27).

различных оттенков. С внутренней стороны сосуды сглажены хорошо, а с наружной — шершавые. Большинство их сферической формы; меньшее количество — шаровидной, с высоким расширяющимся воронкой венчиком. Вдоль основания венчика проходит или ряд ямок, или валик с ямками. Сосуды этой группы довольно редко украшены ямками, обычно они покрыты наклепными шишечками различной формы, среди них — продолговатые, конические, полусферические с ямкой, вдавленной в центре.

Другую группу составляет тонкостенная лощеная керамика из отмученной глины с примесью мельчайшего песка (рис. 29). Цвет сосудов — серый, иногда с желтыми пятнами от неровного обжига. Это сферические сосуды или мисочки, покрытые так называемым «нотным» орнаментом. Орнамент в основном угловатой: параллельно краю сосуда обычно прочерчены 2 или 3 полосы, от которых вниз свисают углы (рис. 29—12). Иногда нанесены горизонтальные зигзагообразные линии (рис. 29—8). Стен-

ки некоторых сосудов сплошь покрыты горизонтальными параллельными линиями (рис. 29—1—3), пересеченными ямками («нотными головками»). Часть сосудов украшена довольно сложными узорами из крестообразно перекрещивающихся линий ромбов, заштрихованных фигур и др. Небольшая часть сосудов покрыта спиралевидными узорами (рис. 29—22), и всего 2 фрагмента сохранили орнамент в виде ленты, заполненной продолговатыми наколами (рис. 29—18, 19).

Особую группу составляют сосуды, вылепленные из глины с примесью мельчайшего песка. Цвет их серый. Стенки гладкие, неорнаментированные. В большинстве случаев — это сферические чаши, на тулове которых размещены небольшие наклепные шишечки.

В керамике с поселения у с. Торское есть элементы, характерные для комплексов большинства украинских поселений культуры линейно-ленточной керамики. Это — крупные шаровидные сосуды с высоким расширяющимся венчиком. Среди посуды с «нотным» орнаментом — сосуды, покрытые узором из углов, сходящихся вершинами в одной точке, или узорами из зигзагообразных линий. На некоторых сосудах очень четко выражена лента, состоящая из двух полос, пересеченных ямками в местах изгиба. Кроме того, керамики с угловым орнаментом больше, чем покрытой спиральным орнаментом.

В связи с этим можно отметить наблюдение С. Подковинской, что в некоторых поселениях Польши на посуде преобладает угловой орнамент, а на других — спиральный. С. Подковинская не решала вопрос, какого характера эти отличия — локального или хронологического². Отличия в орнаментации керамики с различных поселений СССР, видимо, следует воспринимать, как указание на хронологическую разницу их. Наиболее древние поселения открыты в Молдавии. По характеру находок они очень близки поселениям Румынской Молдовы³. Среди памятников, известных на Украине, наиболее древние — поселение у с. Звенячин Черновицкой области и погребение у с. Баев Волынской области. Керамика этих памятников отличается и более простыми формами и более простым орнаментом, причем среди узоров много спиралевидных.

Таким образом, по комплексу находок поселение у с. Торское следует относить к одному из последних этапов в развитии культуры линейно-ленточной керамики с «нотным» орнаментом.

В поисках хронологических отличий Б. Соудский провел очень дробное деление по орнаментам керамики из различных жилищ в Биланах⁴. Материал фрагментарен и таблицами, предложенными Б. Соудским, пользоваться трудно. Все же можно отметить, что на территории СССР не встречено поселений, керамика из которых соответствовала бы I—V фазам, выделенным Б. Соудским. Аналогии находим лишь в VI, VII и VIII фазах. Вообще, сопоставление материалов из поселений территории СССР с находками, обнаруженными на остальной территории распространения культуры линейно-ленточной керамики, позволяет считать, что наши памятники относятся ко времени расцвета и к концу развития спиральной керамики.

² Z. Podkowińska. Osada neolityczna kultury starszej ceramiki wstęgowej (rytej) w Jurkowicach, pow. Opatowski. *Archeologia Polski*, t. III, z. I, 1959, pag. 42.

³ E. Comşa. *Betrugungen über die Linearbandkeramik auf dem Gebiet der Rumänischen Volksrepublik*. Dacia, n. s., III, 1959.

⁴ B. Souďský. *Station néolítique de Bilany*. *Historia*, II, Praha, 1960.

И. В. ГАВРИЛОВА

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА КОЧИЩЕ НА оз. СЕЛИГЕР

В плане решения вопроса происхождения валдайской неолитической культуры очень интересна исследованная летом 1961 г. Верхневолжской неолитической экспедицией¹ стоянка Кочище на побережье оз. Селигер.

Песчаный холм с остатками древнего поселения располагается на нешироком перешейке, разделяющем два соседних озера (в прошлом заливы Селигера), связанные между собой небольшой протокой, — Мелкое и Березовское. Таким образом, с трех сторон холм окружен водой и низкой поймой и только с юга примыкает к возвышенному берегу. Следует отметить относительно высокое (7,3 м) расположение памятника над уровнем воды.

Холм, занятый стоянкой, сильно поврежден современными перекопами; нетронутым культурный слой сохранился лишь на отдельных участках, поэтому пришлось заложить три отдельных раскопа и две контрольные траншеи. Остальные участки проверены шурфами; культурный слой не обнаружен, хотя единичные находки кремня встречались по всему холму. В общей сложности вскрыто более ста квадратных метров. Раскопы располагались по линии запад — восток на южной стороне возвышенности. Одна из траншей была проведена между первым и третьим раскопами, вторая к юго-востоку от третьего. Стратиграфия на всех участках одинакова: 1 — дерновый слой 10—15 см; 2 — подзол 10—12 см; 3 — культурный слой 20—25 см; ниже залегал желтый песок.

В южной и восточной частях первых двух раскопов поверх погребенной почвы прослеживался насыпной песок из современных ям. Культурный слой залегал ровно, без западин и был слегка окрашен в розоватый цвет. Особенно хорошо эта окраска прослеживалась в северной стенке первого раскопа и по северной и западной стенкам третьего. Каких-либо следов жилищ или очагов нет. В квадрате № 1 (раскоп 3) на глубине 0,46 м найден человеческий череп², но трудно сказать, находился ли он в специальном углублении, так как никаких следов ямы не замечено; сверху его перекрывал ненарушенный культурный слой. Основные находки были приурочены к розоватому слою, хотя отдельные кремни встречались на границе с подзолом и в подстилающем песке до глубины 10—13 см ниже границы культурного слоя.

подавляющее большинство материала состоит из кремня: орудий, нуклеусов, пластин и отщепов. Орудия изготовлены из цветного валунного кремня серого, коричневого и красноватого.

¹ Начальник экспедиции Н. Н. Гурина.

² Череп сдан на определение в Институт этнографии АН СССР.

Для наконечников стрел характерна уплощенность с одной стороны и ребро на другой (рис. 30—1, 2). Плоская сторона подправлена ретушью у острия и основания, сторона с ребром ретуширована сплошь или только на одном из концов. Форма наконечников стрел черешковая или почти листовидная с едва намеченным черешком. Исключение составляет обломок крупного удлиненного биконического в сечении наконечника. Обе его стороны одинаково отретушированы, а края с зубчиками (рис. 30—4). Наконечники копий представлены двумя небольшими обломками, обработанными с двух сторон.

Очень многообразны скребки (рис. 30—5—8, 10—12): подчетыреугольные с высокой спинкой и почти прямым рабочим краем, треугольные, из ножевидных пластин, округлые на отщепках. Среди последних можно выделить группу очень миниатюрных скребочков. Характерных для валдайской культуры концевых скребков на массивных ножевидных пластинах и на плоских овальных отщепках с раковистым изломом здесь не встречается. Однако есть скребки с асимметрично округленным рабочим краем и высокой спинкой; они бывают на массивном конце краевых сколов и на плоских отщепках, рабочая часть их отделяется от тыльной жальцами. В эту же группу следует отнести два небольших орудия, на отретушированном конце которых выступ посередине (рис. 30—13), и крупный удлиненный вкладыш, по форме напоминающий палеолитический граветт, рабочая часть которого образована крутой притупляющей ретушью (рис. 30—14).

Целых ножей не встречалось. Найден лишь обломок широкой тонкой пластины с ретушью по краям (рис. 30—9). Кроме того, много ножевидных пластин с ретушью и без дополнительной обработки. Много проколов, почти все они сделаны из отщепов, острый конец которых дополнительно подправлен. Некоторые из экземпляров обработаны особенно тщательно (получились очень тонкие жальца), другие более массивны и слегка притуплены. Только у одной проколки жальце на боковой стороне широкой ножевидной пластины.

Рубящие орудия представлены обломком крупного тесла без тыльной части и мелкой заготовкой. Как и все подобные изделия валдайской культуры, они изготовлены при помощи сколов, но не отшлифованы. Обломок — подчетыреугольных очертаний со слегка округлым лезвием и едва намеченным желобком, заготовка — подтреугольная с плоским брюшком и с ребром на спинке (рис. 30—19). Очень интересен кремневый штампик для нанесения орнамента на сосуды, напоминающий концевой скребок с очень крутым и прямым зубчатым рабочим краем. Зубчики, размещенные на равном расстоянии друг от друга, слегка притуплены и оформлены тонкой отжимной ретушью (рис. 30—15). На подсохшей глине такой штамп оставляет очень тонкую гребенчатую линию.

Среди нуклеусов преобладают призматические, двухплощадочные и конические (рис. 30—16, 18), а также с тремя площадками для скалывания, две из которых противоположат друг другу, а третья перпендикулярна к ним. Форма таких нуклеусов аморфна. Характерно, что все нуклеусы сильно сработаны.

Помимо орудий, собрано много боковых сколов и отщепов.

Керамика (рис. 30—20—25) значительно беднее и представлена сосудами из комковатой глины с очень малой примесью песка (и, может быть, шамота). Они слеплены при помощи ленточной техники, остродонные, с прямым краем, хорошо заглажены и слегка залощены по внешней поверхности. Орнамент покрывает их не густо и обычно сосредоточен только у края; по-видимому, были отдельные сосуды вовсе без орнамента, поскольку встречены обломки края и придонной части, лишенные каких-либо украшений. Элементами узора служили ямки округлые и овальные, тонкая неглубокая гребенка и наколы в виде треугольников, нанесенных острым

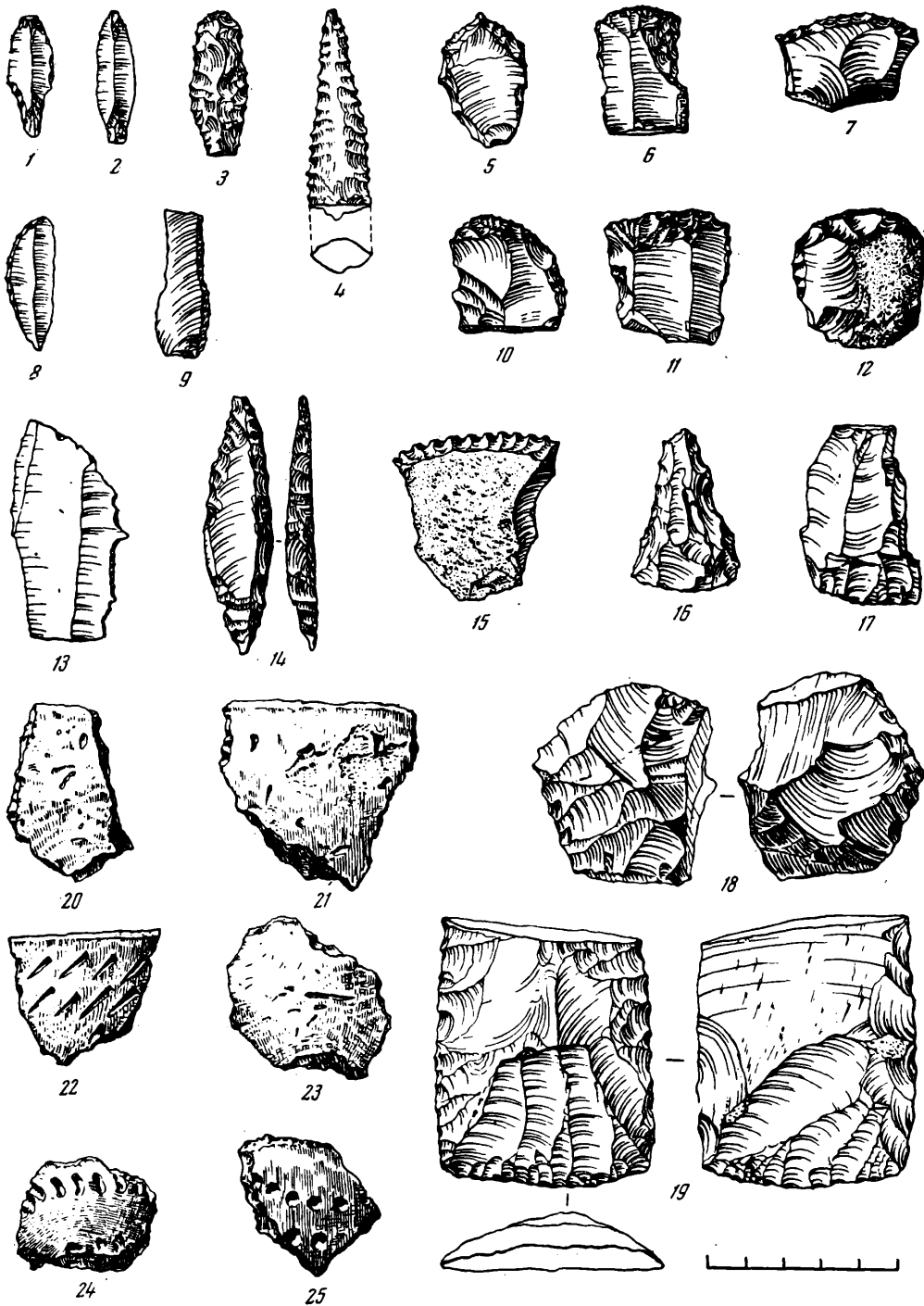

Рис. 30. Орудия и керамика из стоянки у д. Кочище

1—19 — каменные орудия; 20—25 — керамика.

концом палочки. Из-за небольшой величины фрагментов трудно судить о рисунке в целом. Чаще всего встречаются горизонтальные линии, опоясывающие сосуд.

Рассмотренный материал позволяет заключить, что стоянка принадлежала рыболовам-охотникам, жившим на берегу одного из тихих плесов озера, богатого рыбой и дичью. Центральная часть стоянки, вероятно, уничтожена, чем и объясняется отсутствие каких-либо остатков жилищ и малое число керамики.

Комплекс материалов характерен для валдайской неолитической культуры; особенно он близок материалам Щепочника — стоянки, расположенной в 4 км к востоку от Кочища, на озере Березовском, где есть полнейшие аналогии в керамике и кремневых орудиях³. Керамику, очень похожую на описанную выше, легко найти на стоянках Верхнего Днепра⁴ и Сожа⁵. Вместе с тем, отдельные архаические формы орудий, например, вкладыши, напоминающие граветты, скребки на сегментовидной пластинке, а также пластинки с притупливающей ретушью⁶, находят себе аналогии в позднепалеолитическом комплексе Гренска и раннеолитическом поселении Неготень. Присутствие их на стоянке с валдайской керамикой следует считать явлением пережиточным.

Таким образом, стоянка Кочище, как и вся валдайская культура, не может быть отнесена к кругу памятников ямочно-гребенчатой керамики. Кремневый и керамический материал свидетельствуют о бесспорных связях с юго-западными районами Европейской части СССР.

---

³ Н. Н. Гуркина. Неолитическая стоянка Щепочник (к вопросу о происхождении валдайской культуры). КСИИМК, вып. 82, 1961, стр. 150—156.

⁴ Раскопки И. И. Артеменко у села Веть Могилевской области 1959 года; стоянки Веть IV и Веть VI, материалы публикуются.

⁵ К. М. Паликарпович. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа (Па доследах 1926 г.). Зап. адд. гуманітарных навук, кніга 5, Працы катэдры археалогіі, том I, Менск, 1928, стр. 123—252.

⁶ Из раскопок В. Д. Будько у дер. Неготень и Подлужье на среднем Соже в 1960 г. хранятся в Академии наук БССР.

Г. Н. МАТЮШИН

НОВЫЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БАШКИРИИ

Территория Башкирской АССР в археологическом отношении все еще остается мало изученной. До 1959 г. здесь было исследовано всего две неолитические стоянки у северо-восточных границ республики¹ и две у западных². В 1959—1961 гг.³ на территории Башкирии нам удалось выявить новые мезолитические и неолитические памятники, исследование которых впервые дает возможность представить характер мезолитических памятников Южного Урала и выявить некоторые особенности локальных вариантов неолита Башкирии.

Мезолитические памятники впервые на Южном Урале были обнаружены недалеко от г. Уфы, близ дер. Романовка и Ильмурзино. При исследовании Ильмурзинской стоянки в 1961 г. стратиграфически определены два культурных горизонта с материалами мезолитического облика. Верхний, расположенный под гумусом, слой суглинка содержал кремневые находки, характеризующиеся крайней степенью микролитизации. Здесь встречены вкладыши из прямоугольных пластинок, резцы, скребки и наконечники стрел, близкие свидаерскому типу. Материал слоя находит большое сходство в инвентаре мезолитических памятников Прикамья⁴ и Верхней Волги⁵. Ниже суглинка, в глине обнаружены кремневые изделия более архаичного облика. Аналогичные памятники исследовались у дер. Романовка⁶. Стратиграфия всех этих памятников, отсутствие керамики и сходство кремневых изделий с инвентарем мезолитических памятников Прикамья и Верхней Волги позволяют отнести микролитический комплекс стоянок Романовка II, Романовка III, Ильмурзино и Черкасово⁷ к эпохе позднего мезолита.

¹ Л. Я. Крижевская. Археологические работы в Башкирии. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 74—81; е е же. Кремнеобрабатывающая неолитическая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии. МИА, № 79, 1960, стр. 239—280; Г. Н. М а т ю ш и н. Памятники каменного века на территории БАССР, Башкирский археологический сборник, Уфа, 1959, стр. 17—29.

² О. Н. Б а д е р. Камская археологическая экспедиция в 1956 году. КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 114.

³ Работы археологической экспедиции Уфимского дворца пионеров под руководством автора в 1959—60 гг. и работы Башкирской арх. экспедиции Башкирского филиала АН СССР, Министерства Культуры БАССР и Баш. Гос. Университета под общим руководством К. В. Сальникова.

⁴ О. Н. Б а д е р. Стоянки Нижнеадишевская и Боровое озеро I на р. Чусовой. МИА, № 22, 1951, стр. 7—14.

⁵ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 99—101.

⁶ Г. Н. М а т ю ш и н. Археологические исследования в окрестностях г. Уфы. Вопросы археологии Урала. Вып. 2, Свердловск, 1962, стр. 58—62.

⁷ Г. Н. М а т ю ш и н. Памятники каменного века на территории БАССР, стр. 18—25.

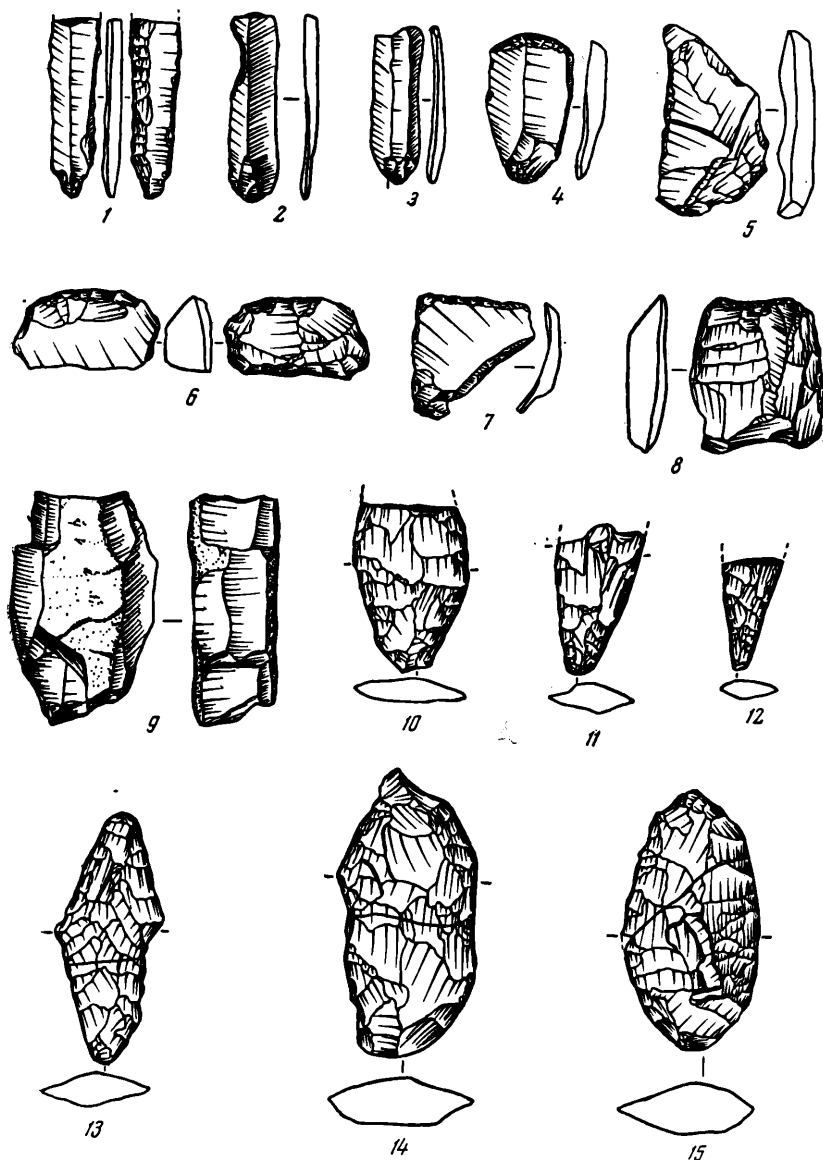

Рис. 31. Изделия из кремня со стоянок горной Башкирии.

1—9 — стоянка Кага; 10—15 — поселение Бельское.

При разведке в 1961 г. по восточному склону Южного Урала, на озерах Абзелиловского района были обнаружены 43 пункта с находками разнообразных изделий из камня. На большинстве памятников керамика отсутствует. Инвентарь некоторых из этих стоянок сходен с материалами неолитических поселений Приобья и Прииртышья. В горной Башкирии, на территории Белорецкого района, недалеко от поселков Бельский и Кага выявлены три поселения поздненеолитического времени, на двух из которых в 1961 г. велась раскопки.

Стоянка Кага (в 1,5—2 км к югу-западу от поселка Кага) расположена на левом берегу р. Белой, на мысу 3—4-метровой террасы между рекой и оврагом, по дну которого протекает ручей. Расположение весьма типичное

для неолитических стоянок западного склона Урала⁸. Поселение разрушается рекой и углежогными ямами. Стратиграфия раскопа (64 кв. м) следующая: сверху под дерном до глубины 0,4 м слой гумуса, в верхних горизонтах которого встречаются находки, относящиеся к эпохе бронзы, а в нижних — изделия из кремня и керамика неолитического облика. Под слоем гумуса до глубины 0,5—0,55 м залегает прослойка суглинка с единичными находками кремневых изделий. Под суглинком — слой камня и глины (материк).

При раскопках найдено 67 изделий из кремня и 378 фрагментов керамики. Изделия из кремня могут быть разделены на две группы. К первой следует отнести орудия из черного и зеленого высококачественного кремня. В основном они изготовлены очень тщательно из ножевидных пластин и несколько окатаны. Среди находок этой группы наконечник стрелы, пластина с боковой выемкой и скребок. Наконечник стрелы изготовлен из ножевидной пластины, конец которой заострен тонкой ретушью со стороны брюшка (рис. 31—1). Такие наконечники из ножевидных пластин весьма типичны для свидерской культуры. Встречаются они в мезолитических памятниках Верхней Волги⁹. На территории Башкирии они найдены в материалах Ильмуззинской стоянки. Из такого же высококачественного кремня черного цвета сделана и пластина с боковой выемкой, оформленной мелкой ретушью (рис. 31—2). Пластины с боковой выемкой также встречаются в мезолитических стоянках Верхней Волги и Крыма¹⁰. Известны они и в крымском неолите¹¹. Скребок изготовлен из ножевидной пластины высококачественного кремня зеленого цвета. Рабочая часть обработана на конце пластины крутой ретушью (рис. 31—4).

Вторая группа резко отличается качеством кремня и техникой его обработки. Кремень темно-синий более низкого качества (из аналогичного изготовлен также почти весь каменный инвентарь на стоянке Бельская). К этой группе относятся скребки, нуклеусы, ножевидные пластины и отщепы. Вместе с ними найден обломок шлифованного топора из зеленовато-желтого сланца. Три скребка изготовлены из отщепов и небольших кусков (рис. 31—6). Рабочая часть на одном из орудий слегка вогнута (рис. 31—8), возможно, оно использовалось в качестве ножа-скобеля. У нескольких отщепов почти прозрачного, высококачественного кремня по краям нанесена очень мелкая притупляющая ретушь; очевидно, они использовались в качестве скребков или ножей (рис. 31—5, 7). Нуклеусов три — один целый, два в обломках (рис. 31—9). Ножевидных пластин всего 7 (рис. 31—3).

Найденную на стоянке керамику можно разделить на две группы: неолитического облика и времени поздней бронзы и раннего железа. Керамика неолитического облика включает несколько типов. Первый тип — сосуды со струйчатым орнаментом; обломки их преобладают (найдено 116 крупных фрагментов, из них 9 венчиков с шейкой и частью тулова). Диаметр венчика одного из сосудов 33 см, толщина стенок 6,5 мм. Стенки прямые, дно заостренное. В составе теста большая примесь песка и талька. Наружная поверхность заглажена гребенчатым штампом; орнамент нанесен по всей поверхности снаружи. По шейке сосуды орнаментированы двумя рядами редко расположенных насечек, ниже которых под углом расходятся полосы струйчатого орнамента. В верхней части тулова орнамент несколько разрежен, в нижней — он сливается в сплошную сетку (рис. 32—1). С внутренней стороны по краю венчика сделаны неглубокие

⁸ Л. Я. Крижевская. Новые неолитические стоянки Южного Предуралья. КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 37.

⁹ М. В. Воеводский. Указ. соч.

¹⁰ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир. МИА, № 91, 1960, табл. XI, 9; XII, 9, 10, XIII, 6.

¹¹ Д. А. Крайнов. Указ. соч., табл. IX, 4, 5; XXX, 6.

широкие насечки. Струйчатый орнамент типичен для неолитических памятников Зауралья¹².

Второй тип керамики отличается и по составу теста, и по орнаменту. Форму сосудов по собранным обломкам определить трудно. Венчик прямой, слегка утолщенный. Диаметр сосудов по венчику около 43 см, толщина стенок 6—7 мм. С внутренней стороны заметны следы заглаживания гребенчатым штампом. С наружной стороны орнамент нанесен по всей поверхности вертикальными зигзагообразными отпечатками крупной «гребенки» (рис. 32—3). Аналогичные сосуды встречаются на Усть-Айской стоянке. Они близки керамике Камских неолитических стоянок¹³.

Третий тип керамики характеризуется примесью в тесте небольшого количества мелкой слюды и кварца. Толщина стенок — 7 мм. Орнамент нанесен по всей поверхности короткими насечками гребенчатого штампа (рис. 32—2, а, б). Аналогии этому типу керамики также можно найти в материалах стоянок Зауралья. Несколько фрагментов сосудов из теста с большой примесью талька орнаментированы «лесенками» спускающихся отпечатков короткой, горизонтально поставленной палочки. Аналогии этому типу можно найти в материалах неолитических стоянок Андреевского озера¹⁴.

Несколько меньшую, стратиграфически отделенную группу составляет керамика с резким переходом от шейки к стенкам, украшенная по шейке нарядным орнаментом. Сосуды этого типа имеют большое сходство с керамикой памятников каменогорской культуры, выделенной К. В. Сальниковым¹⁵ и Е. М. Берс¹⁶. Если исключить эту относительно позднюю посуду, то можно заметить, что в материалах стоянки Кага встречается керамика двух различных культур: типично зауральская со струйчатым орнаментом и гребенчатая прикамского типа.

Стоянка Бельская была обнаружена А. П. Шокуровым на южной окраине пос. Бельского. Поселение расположено на самом краю 4—5-метровой террасы, на левом берегу р. Белой. Раскопками вскрыто около 100 кв. м площади. Большая часть памятника оказалась разрушенной. На самом краю обреза берега удалось обнаружить остатки двух жилищ, наполовину уже размытых рекой. Форма жилищ, видимо, прямоугольная. Стратиграфия памятника следующая: сверху до глубины 0,35—0,4 м залегает гумус с культурными остатками различных эпох. Ниже, под небольшой прослойкой гумусированной супеси, идет материковый слой гравия и глины. В верхних горизонтах гумуса обнаружена аналогичная найденной в верхних слоях стоянки Кага керамика каменогорского и кара-абызского типа; в нижних — изделия из кремня и небольшое количество ранней керамики. Керамика, относящаяся ко времени поздней бронзы и раннего железа, распространена по всей территории памятника, изделия из кремня концентрируются в основном в жилищах. Большую часть кремневого инвентаря, собранного при раскопках, составляют отходы производства. Кремь в основном использовался не очень качественный, темно-синего цвета. Орудий (включая ножевидные пластины) — 60. Из них: наконечников стрел и их обломков — 16, наконечников дротиков и их заготовок — 7, отбойников — 2, обломков неопределенных орудий — 4, заготовок — 3, ножевидных пластин — 25, скребков — 3. Наконечники стрел и дротиков типичной для неолита двухсторонней обработки. Форма листовидная. На-

¹² В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Труды ГИМ, вып. 29, 1956, рис. 6, 7, 8, 10; В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1955, табл. IX, 3, 6, 7, 10.

¹³ О. Н. Бадер. Указ. соч.

¹⁴ В. Н. Чернецов. Указ. соч., табл. IX, 4.

¹⁵ К. В. Сальников. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. СА, 1961, № 2, рис. 3, V, рис. 5, V.

¹⁶ Е. М. Берс. Памятники и керамика Гамаюнской культуры. Сб. Из истории Урала, Свердловск, 1960, стр. 75—89.

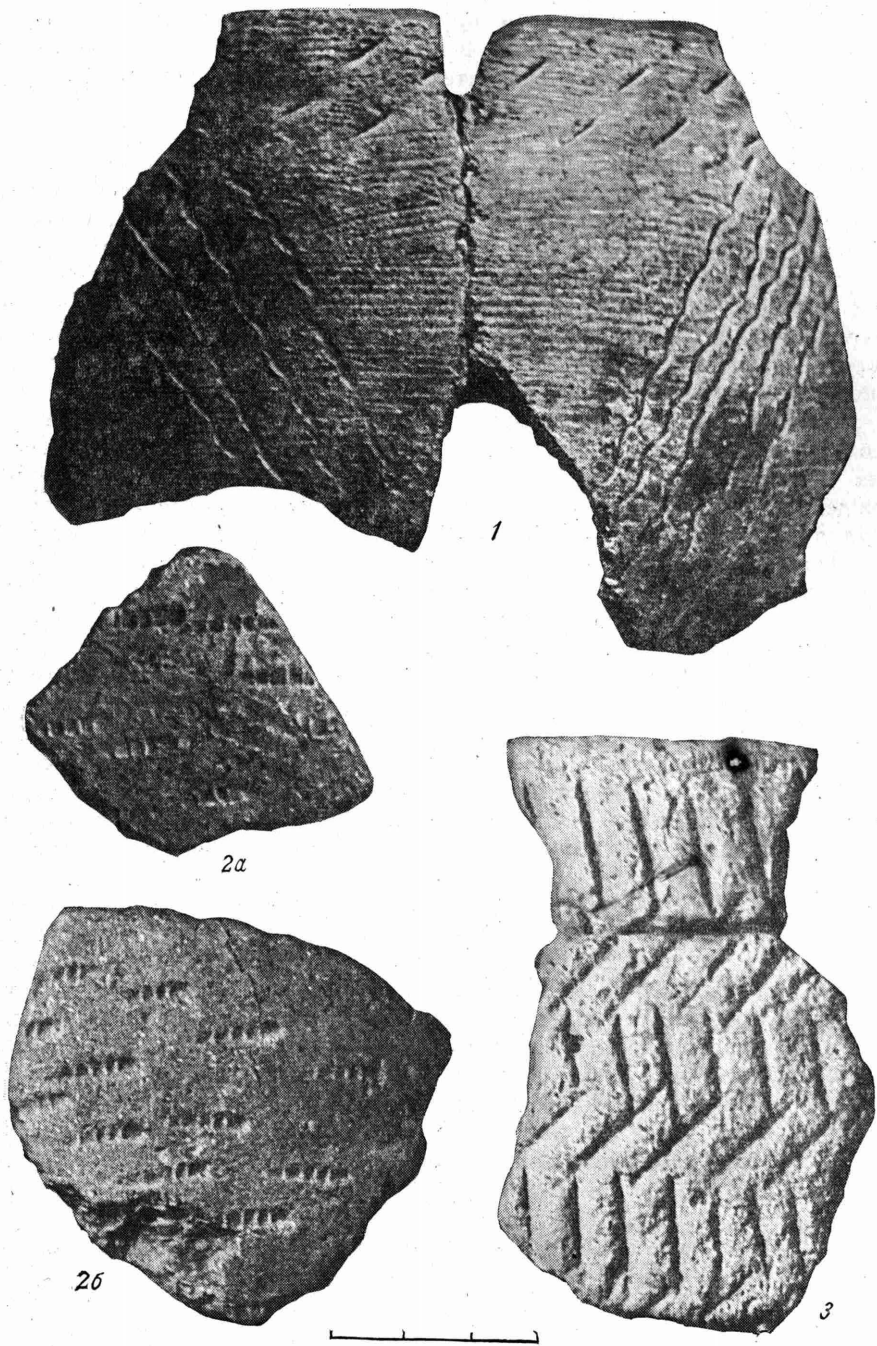

Рис. 32. Керамика со стоянки Кага (1—3)

конечники подобного типа встречаются на памятниках раннего и среднего этапа горбуновской культуры¹⁷, на Каге и в других пунктах (рис. 31—10—15). Скрепки изготовлены из небольших отщепов, довольно грубой ретушью. Ножевидные пластины небольших размеров, ограничение их не всегда правильное. Обращает на себя внимание преобладание отходов

¹⁷ В. М. Раушенбах. Указ. соч., рис. 7, 9—11; рис. 11, 1—4.

производства, незаконченность орудий и сосредоточение кремневого инвентаря на небольшой площади, в жилищах. По всей вероятности, здесь производилась вторичная, окончательная обработка. Техника обработки кремня и общий облик изделий свидетельствуют о сравнительно позднем возрасте памятника. О том же можно судить и по характеру керамики. В нижних горизонтах гумуса найдено всего несколько фрагментов. В их тесте большая примесь песка и талька. Венчик прямой, слегка утолщенный, шейка почти не выражена. Большая часть фрагментов орнаментирована по всей поверхности сосудов вертикально расположенными зигзагами «гребенки». По составу теста и орнаменту керамика очень близка сосудам второго типа стоянки Кага (рис. 32—3). Аналогичная керамика встречается на Усть-Айском поселении¹⁸, Левшинской стоянке¹⁹, стоянке Боровое озеро²⁰ и других. Анализ кремня и керамики подводит к мысли о поздненеолитическом возрасте памятника.

Таким образом, в результате исследований 1961 г. впервые выявлены неолитические памятники на территории горного Урала. Найденные на них изделия изготовлены из пород предуральского и зауральского происхождения. Яшмовидный кремль и серпентинит, из которого изготовлены орудия более раннего облика на стоянке Кага, не местного происхождения. По геологическим данным в этом районе залегают зигальгинская, инзерская и катавские свиты, в которых отсутствует кремль. Зеленый высококачественный и яшмовидный кремль вместе с серпентинитом встречаются в районах озер Абзелиловского района, где в 1961 г. выявлено 43 памятника с большим количеством изделий из такого же кремня. Орудия более позднего облика со стоянок Кага и Бельская изготовлены из кремня более низкого качества, добытого, очевидно, на месте. В нескольких километрах ниже пос. Нижний Авязан есть выходы миньярских доломитов с выходами аналогичного кремня. Попутно следует отметить, что кремль, из которого изготовлялись орудия на всех стоянках, расположенных в европейской части Башкирии, также весьма однороден и резко отличается от кремня стоянок Кага, Бельская и всех стоянок Башкирского Зауралья. Различия наблюдаются и в керамике. Большая часть керамики стоянок Приуралья орнаментирована гребенчатым штампом. На Зауральских неолитических стоянках преобладает струйчатый орнамент, «отступающая лопаточка» и т. п. На расположенных в центре горной Башкирии стоянках Кага и Бельская в керамике соединяются элементы и зауральского, и прикамского орнамента. Учитывая различия в кремне, керамике, технике обработки камня, можно предполагать здесь присутствие двух локальных вариантов неолитической культуры: зауральского и приуральского. Дальнейшие исследования позволят более полно выявить особенности локальных вариантов неолита Башкирии.

¹⁸ Г. Н. М а т ю ш и н. Указ. соч., рис. 3.

¹⁹ Н. А. П р о к о ш е в. К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья. МИА, № 1, 1940, табл. VI, 10.

²⁰ О. Н. Б а д е р. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I..., рис. 8—13.

Г. М. КОВНУРКО

К ИЗУЧЕНИЮ СВОЙСТВ КРЕМНЯ

Среди множества естественных минеральных образований, обработанных рукой человека, в большинстве археологических памятников чаще других встречается кремьнь, который сравнительно легко поддается обработке. Неравномерность в распределении на земной поверхности залежей этого удачно сочетающего механические свойства камня послужила причиной того, что, начиная с верхнего палеолита, он стал предметом обмена. Пути и размеры обмена часто важно выяснить для познания взаимосвязей между различными культурами во времени и в пространстве.

В последние годы при идентификации односызрастных кремневых изделий успешно используются не только данные, полученные в результате изучения типологии предметов, но и сведения о естественных местонахождениях кремня, знание состава, структуры и, следовательно, свойств этого камня. Действительно, пути обмена сходятся у места добычи сырья, обладающего иногда какими-либо отличительными признаками. Установить эти отличительные признаки материала в готовых изделиях — значит высказать предположение о месте их производства. Эти предположения затем следует подтвердить результатами изучения техники обработки камня.

Источниками необработанного материала для первобытного человека часто служили аллювиальные и ледниковые отложения, содержащие кремьнь. В первичном залегаии (т. е. в горных породах дочетвертичного возраста) он встречается в виде желваков, линз и прослоев среди осадочных пород главным образом карбонатного состава — в известняках, реже в доломитах.

Формы и размеры выделений кремья разнообразны и непостоянны. Желваки, которые в обнажении можно наблюдать в виде цепочек, ориентированных параллельно слоистости известняка, обычно неправильных очертаний, отдельные элементы которых повторяются в стяжении одной цепочки. Размеры желваков колеблются в пределах от нескольких сантиметров до 1—1,5 м. Линзы и прослой отличаются более устойчивыми формами и крупными размерами. Вопросу происхождения кремья и причинам разнообразия его выделений посвящено большое количество специальной геологической литературы¹, что освобождает нас от необходимости на этом останавливаться.

¹ Г. И. Бушинский. Литология меловых отложений Днепровско-Донецкой впадины. Тр. Ин-та Геол. наук АН СССР, вып. 156, сер. геол. (№ 67) 1954; С. Г. Вишняков. Кремнистые образования в карбонатных породах нижнего и среднего карбона северо-западного крыла Подмосковного бассейна. Изв. АН СССР, сер. геол., 1953, № 4, стр. 80—90; сб. «Методы изучения осадочных пород», 1957, т. 2, Госгеолтехиздат; А. В. Пустовалов. Петрография осадочных пород, ч. II, 1940; Г. И. Теодоро-

В истории земной коры можно выделить периоды интенсивного отложения кремнезема и образования кремня. На территории Европейской части СССР, например, большое количество кремня содержат горные породы доманиковой фации, отложения каменноугольного и верхнемелового времени, но можно встретить его и в горных породах другого возраста. Схема распространности кремня усложнена в четвертичное время.

Важно, что отсутствуют какие-либо отличительные черты, общие для кремня того или иного возраста, за исключением остатков фауны, о которых будет сказано ниже. Не обладает такими свойствами и так называемый «меловой» кремень².

Объяснение механических свойств кремня следует искать в особенностях состава и структуры. Кремень — минеральное образование, сложенное халцедоном, опалом и кварцем. Обычен халцедоновый состав с небольшой примесью опала или кварца. Размеры отдельных минеральных частиц, плотно прилегающих одна к другой, изменяются от 0,001 мм до 0,1 мм, причем эти изменения могут быть в пределах одного стяжения. Встречаются равномернозернистые разновидности. Чем меньше размер отдельных зерен, чем однороднее они по величине, тем ровнее излом камня, тем удобнее он для обработки.

Малые, часто произвольные колебания структуры однородного по составу кремня, наблюдаемые в шлифах под микроскопом, затрудняют идентификацию образцов. Однородность нарушается в некоторых случаях следами жизни организмов, существовавших в момент образования известняка, в котором залегают конкреции, и теперь заключенных в кремень. Они обычно микроскопических размеров и присутствуют в непостоянных количествах. Скелеты этих организмов первоначально были сложены кальцием или опалом, но во многих случаях процессы замещения и перекристаллизации изменили состав остатков и стерли диагностические признаки.

Геологи исследуют минеральный состав, структуру, микрофауну и химический состав осадочных горных пород. Используя спектральный метод анализа, можно обнаружить в составе кремня Ti, Al, Fe, Mn и некоторые другие химические элементы. Они входят в состав минералов примесей, количество которых редко превышает 5%. Второстепенные минералы представлены кальцитом, силикатами со слоистой структурой (глинистыми и слюдистыми минералами), сульфидами железа и т. п. Зерна этих минералов близки по величине зернам халцедона и в виду малых размеров с трудом определяются под микроскопом. Кроме того, гидрокислы железа в аморфном состоянии тонкой пленкой обволакивают кристаллы халцедона, а иногда присутствует органическое вещество. Некоторые из этих примесей окрашивают кремень в тот или иной цвет; особенности окраски зависят от количества примесей и структуры кремня.

Замечено, что второстепенные минералы менее устойчивы по отношению к агентам выветривания по сравнению с халцедоном. Следовательно, грунтовые воды, действию которых подвергается свежесколотая поверхность кремня, находящегося в почве, разрушает в первую очередь примеси. Процессы окисления, гидратации и выщелачивания приводят к увеличению пористости поверхностного слоя и изменению его цвета. Образуется слой патины. Толщина последнего увеличивается со временем по мере проникновения растворов между минеральными частицами. Следовательно, измерив толщину патинизированного слоя кремня и определив ско-

---

в и ч. О кремнистых образованиях верхнего палеозоя западного склона Южного Урала. Булл. МОИП, 1935, отд. геол., № 4; М. С. Ш в е ц о в. Петрография осадочных пород. М., 1948, Госгеолиздат.

² Следует заметить, что термин «меловой» было бы целесообразнее заменять кратким описанием макроскопически различных свойств камня — цвета и особенностей структуры.

рость патинизации, можно вычислить дату захоронения орудия и практически дату его изготовления.

Толщина слоя измеряется под микроскопом в шлифе, плоскость которого ориентирована перпендикулярно патинизированной поверхности.

Скорость патинизации определяется при измерении толщины патинизированного слоя кремня, время обработки которого установлено каким-либо другим методом археологической датировки (главным образом радиоуглеродным). Однако разработка методики вычисления скорости патинизации и, в конечном счете, методики определения возраста орудий требует знания факторов, определяющих эту скорость. Если влияние каждого из факторов, от которых зависит скорость гидратации обсидиана, достаточно хорошо изучено³, то исследование процесса патинизации кремня лишь начинается. Американские ученые Хэрст и Келли⁴ считают, что скорость патинизации кремня зависит от следующих факторов: 1) структуры и микротекстуры кремня, 2) его пористости, 3) качества, количества и характера распределения в кремне примесей, 4) окружающей среды — температуры и химии растворов.

Добавим, что большую помощь в разработке методики датировки предметов из кремня по данным измерения толщины патинизированного слоя может оказать эксперимент, в особенности при определении влияния на скорость патинизации температуры окружающей среды и химии растворов. Уже опубликованы сведения о возможности получения патины в лабораторных условиях⁵.

В заключение отметим, что в настоящее время использование методов исследования кремня, основанных на знании его свойств, возможно в двух направлениях.

1. Идентификация орудий, материалом для которых послужил кремень, с целью выяснения путей обмена полуфабрикатами и готовыми орудиями в каменном веке.

2. Разработка и использование методов определения времени изготовления орудий по результатам измерений толщины патинизированного слоя.

По-видимому, идентификация кремневых орудий возможна с использованием не одного, а нескольких методов естественных наук, среди которых немаловажное значение получит исследование содержания в кремне малых элементов с помощью спектрального анализа. Подобная работа даст наиболее эффективные результаты, когда предметом изучения будет продукция крупных разработок сырья и мастерских. С использованием результатов изучения особенностей технологии обработки камня работа по идентификации орудий труда с применением методов естественных наук дополнит и обогатит типологический метод.

Разработка методики абсолютной датировки кремневых орудий возможна лишь при сочетании полевых наблюдений, петрографических исследований и эксперимента с целью выяснения влияния каждой из особенностей структуры, состава кремня и внешних условий на скорость его патинизации.

---

³ I. Friedman and R. Smith. A new dating method using obsidian. *American antiquity*, 1960, vol. 25, N 4, pp. 476—493.

⁴ V. Hurst and A. Kelly. Patination of cultural flints. *Science* 1961, vol. 134, N 3474, pp. 251—256.

⁵ R. F. Schmalz. Flint and the patination of flint artifacts. *Proceedings of the Prehistoric Society*, 1960, new series, vol. XXVI.

Н. Г. БЛОХИНА, Г. Н. ЛИСИЦЫНА

ИЗ РАБОТ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ ДЕРЕВА И УГЛЕЙ,
НАЙДЕННЫХ ПРИ РАСКОПКАХ

С 1957 г. в камеральной лаборатории Института археологии АН СССР проводятся работы по определению ископаемых углей и дерева, найденных при археологических раскопках. За пять лет работ было определено следующее количество деревянных изделий, кусков дерева и углей, оставшихся на месте построек, очагов и пожарищ:

Год	Деревянные товары	Угли и дерево
1957—1958	141	70
1959	45	107
1960	65	359
1961	82	1456
333		1992

и т о г о: 2325 образцов

Среди методов палеоботанического исследования образцов четвертичных отложений определение ископаемых остатков дерева и углей играет второстепенную роль и не находит столь широкого применения как спорово-пыльцевой и карпологический анализы, так как этот метод дает возможность составить представление только об общем характере древесной растительности и не позволяет делать детальных видовых определений и тем более восстановить последовательность развития растительности за более или менее длительный отрезок времени. Однако в тех случаях, когда такие определения могут быть проведены, мы получаем весьма ценный дополнительный материал для характеристики древних растительных ландшафтов. Значение определений дерева и углей трудно переоценить, особенно в тех случаях, когда отсутствует иной палеоботанический материал для восстановления характера растительности, существовавшей на отдельных этапах развития человеческого общества.

Примером этому могут служить районы южного Туркменистана, где для характеристики природных условий неолитического и энеолитического времени и эпохи бронзы мы не располагаем какими-либо другими палеоботаническими данными, кроме массовых определений углей, собранных во время раскопок разновозрастных памятников подгорной зоны Копет-Дага и западной части Теджен-Мургабского междуречья. Полученные материалы позволили реконструировать общие черты растительности в период заселения этих мест человеком и установить, что в ныне пустынных районах в эпоху позднего голоцена существовали значительные площади оазисов с типичной тугайной растительностью, исчезнувших в связи с изменениями общей обводненности территории.

Дерево и угли, как правило, встречаются почти во всех памятниках с палеолита до позднего средневековья, а поэтому метод определения породы по микроскопическим признакам может широко применяться при археологических исследованиях и служить существенным дополнением при естественноисторическом изучении отдельных районов. Особенно благоприятные условия сохранности и консервации дерева существуют в довольно обширной области распространения торфяных болот. В ее пределах находятся, например, торфяниковые стоянки Урала, Вологодской области, Эстонской ССР и других районов, а также древние города — Новгород, Старая Ладога и т. д. Во всех указанных случаях исключительная сохранность дерева и деревянных изделий дает широкие возможности для массовых определений и некоторых специальных исследований.

Наши работы, хотя и охватили большое количество разновозрастных (от мезолита до позднего средневековья) археологических памятников Крыма, Кавказа, Русской равнины и Средней Азии, не носили такого целенаправленного характера. Однако даже тот разнородный материал, который был получен в результате работ, позволил сделать некоторые довольно интересные для археологов выводы. Размеры публикуемой заметки лишают нас возможности сколько-нибудь подробно охарактеризовать собранные нами данные; остановимся лишь на немногих из них.

Как показывают палеогеографические исследования¹, начиная по крайней мере с III тысячелетия до н. э., растительные ландшафты Русской равнины, Крыма и Кавказа по своему характеру и составу были весьма близки к современным. Это обстоятельство имеет большое значение, так как позволяет сравнивать хозяйственную деятельность древнего человека, восстановленную по материалам археологических раскопок, с приемами современных кустарных промыслов. Такое сравнение позволяет прийти к выводу, что человек уже на довольно ранних этапах существования сознательно использовал древесину, подбирая для тех или иных целей наиболее подходящие по механическим свойствам породы, учитывая их стойкость по отношению к гниению, воздействию воды, удобству отделки, вытачивания и вырезывания.

Результаты пятилетних определений позволяют считать, что в своей хозяйственной деятельности древний человек пользовался в основном местными породами, хотя в отдельных случаях может идти речь о доставке древесины и деревянных поделок из особо ценных пород, например, самшита, на очень значительные расстояния. В качестве примеров использования местного материала могут служить следующие данные. Для досок гробов и саркофагов в античное время в городах северного Причерноморья использовались кипарис и сосна — породы, весьма близкие друг другу по механическим свойствам. Культура кипариса была введена на южном берегу Крыма древнегреческими поселенцами, и его древесина ими же широко использовалась для указанных целей. Возможно, это дерево имело даже культовое значение. Весьма интересно, что некоторые саркофаги античного времени были инкрустированы украшениями из тисса, древесина которого обладает высокими качествами: она плотная, тяжелая, отличается исключительной устойчивостью против гниения, красивым рисунком, хорошо полируется и до настоящего времени считается прекрасным отделочным материалом. Тисс растет на Кавказе, в Крыму, Малой Азии и Северной Африке, а также по всей Западной Европе — до границ Норвегии и Швеции. Самостоятельных группировок он, как правило, не образует, а встречается в виде отдельных деревьев и небольших групп в составе хвойных и лиственных лесов. В нескольких случаях доски античных саркофагов были целиком сделаны из тисса, однако ограниченность его распро-

¹ М. И. Нейштадт. История лесов и палеогеография природных зон СССР в голцене. М., 1957.

странения, по-видимому, не давала широких возможностей к его использованию. В условиях Нижнего Дона (древний Танаис), где хвойные породы почти не произрастали, для этих же целей использовалась древесина тополя. Употребление в отдельных случаях сосны могло быть связано со сплавом ее из верховьев Дона, а возможно и с более широким, чем в настоящее время ареалом ее произрастания в этом районе. Жители средневековых поселений Северного Кавказа, приуроченных к зоне широколиственных лесов, использовали для погребальных сооружений дуб и липу. В древней Руси для строительства, изготовления срубов, возведения укреплений на валах городищ, для могильных сооружений и целого ряда хозяйственных поделок широко использовался дуб, повсеместно распространенный и обладающий прочностью, стойкостью к гниению и очень ценными поделочными качествами. Широко использовалась также древесина березы, достаточно прочная и удобная для всевозможных поделок. В скифское время из березы делались, например, деревянные наконечники стрел, которые в массовом количестве встречаются при раскопках в Поволжье и других местах. Из березы, клена, липы и вяза в разные эпохи изготовлялись многочисленные бытовые предметы — ложки, миски, ковши, корытца и т. д. Для подобного рода поделок эти породы используются и сейчас.

Очень интересны изделия из «экзотических» пород, которые благодаря широким торговым связям попадали за пределы своего ареала. К разряду таких широко экспортируемых деревянных изделий относятся самшитовые гребни, которые были определены в археологических коллекциях античных городов Причерноморья, из Смоленска, Минска, Москвы и памятников Поволжья (большое количество самшитовых гребней было определено В. Е. Вихровым из коллекций Древнего Новгорода). На втором месте стоят мелкие туалетные предметы: шкатулки, коробочки и т. д., а также архитектурные детали. Древесина самшита обладает многими специфическими ценными качествами. Она плотная, тяжелая (в сыром состоянии ее удельный вес достигает 1,2) и хорошо полируется. В настоящее время древесина самшита используется для мелких токарных деталей в машиностроении и приборостроении, для художественных изделий, пуговиц, гребней. По-видимому, механические свойства этой породы были хорошо известны в самые отдаленные времена и использовались населением Черноморского побережья. Особенно многочисленны находки изделий из самшита в древнегреческих городах. Довольно широкое распространение самшитовых гребней и других предметов свидетельствует об их массовом производстве и импорте на значительную территорию. Ареал самшита в СССР ограничивается Черноморским побережьем Кавказа, частично Северо-Западным Кавказом и южным побережьем Каспийского моря. За пределами СССР он распространен по северным берегам Средиземного моря, на Балканах, в Индии, Японии, Китае, Иране и Северной Африке. Так же широко известны изделия из тисса.

В виду того, что работы по определению дерева и углей приобретают все более широкий размах, применение этого метода не только в практике археологических исследований, но и при изучении четвертичных отложений вообще, несомненно, может принести большую пользу и внести ценные коррективы в результаты других палеоботанических методов.

IV. ХРОНИКА

ПАМЯТИ
СЕРГЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА КИСЕЛЕВА
(17.VII 1905 г.—8.XI 1962 г.)

8 ноября 1962 г. в Москве на 58-м году жизни скончался один из крупнейших советских археологов и историков член-корреспондент АН СССР Сергей Владимирович Киселев.

С именем С. В. Киселева связаны самые начальные годы и весь путь плодотворного развития советской археологии. Со студенческих лет он принимал активное участие в разработке ее теоретических положений на основе марксистско-ленинского учения и в развитии наиболее важных, ранее почти совсем не изученных ее областей. Результаты многочисленных исследований С. В. Киселева были изложены им в ряде обобщающих трудов, среди которых прежде всего должна быть названа монография «Древняя история Южной Сибири», впервые в исторической науке всесторонне осветившая историю населения этой обширной территории на

протяжении огромного хронологического периода — от неолита до создания и расцвета средневековых государств. Исторические обобщения, представленные в этой книге, построены на прочном основании источниковедческого анализа с привлечением всех видов исторических источников — вещественных, письменных, эпиграфических, этнографических. Это позволило дать научное освещение важнейших этапов исторического развития народов Южной Сибири, показать своеобразный путь сложения классового общества кочевых и полукочевых племен, происхождение этих племен, их тесные связи с народами сопредельных областей Восточной Европы, Средней и Центральной Азии, Китая. В этом труде, удостоенном Государственной премии СССР, история народов Сибири впервые рассматривается как часть общего процесса всемирно-исторического развития.

Органическим продолжением работ С. В. Киселева в области истории Центральной Азии явилась разработка проблемы древнемонгольского города, впервые поставленная так четко в исторической науке и резко изменившая общие представления о древнемонгольском феодализме, которому приписывался ранее чисто кочевнический характер. Многолетние работы в Южной Сибири, раскрытие общих закономерностей исторического развития народов Центральной Азии обусловили постановку этой проблемы С. В. Киселевым, выдвинувшим тезис о существовании древнемонгольских городов, о значительной роли их в процессе становления классового общества и государства древних монголов. Плодотворность этой идеи была подтверждена дальнейшими полевыми исследованиями, проведенными С. В. Киселевым и его учениками на территории Забайкалья, Тувы, Монгольской Народной Республики. Результаты этих исследований обобщены в монографии «Древнемонгольские города», работу над которой Сергей Владимирович завершил в последние недели жизни.

Научное наследие С. В. Киселева значительно и разнообразно. Перу его принадлежит свыше ста работ по многим разделам археологической науки. Он принимал активное участие в создании первого сводного труда «Истории МНР», был автором и редактором ряда разделов «Всемирной истории». Последние годы жизни С. В. Киселев задумал и начал работать над большим исследованием «Бронзовый век Старого Света», который должен был на основании обширных материалов Европы, Африки и Азии дать историческое обобщение по одному из важнейших периодов древнейшей истории человечества.

В лице С. В. Киселева мы потеряли не только виднейшего советского археолога, но и прекрасно эрудированного историка. Не ограничиваясь научно-исследовательской работой, С. В. Киселев много лет заведовал сектором неолита и бронзы Института археологии Академии наук СССР. За послевоенные годы под его руководством сотрудники сектора подготовили различные археологические монографии по основным проблемам древнейшей истории народов СССР. Будучи ответственным редактором «Вестника древней истории», основного журнала в области древней истории, издаваемого Институтами истории АН СССР, С. В. Киселев много лет проводил большую научно-организационную и теоретическую работу, активно содействуя развитию этой области советской исторической науки.

С. В. Киселев свыше 25 лет отдавал много сил педагогической работе на кафедре археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, где читал общий курс археологии, курс археологии эпохи энеолита и бронзы, археологии Сибири, Центральной Азии и Китая. Работа С. В. Киселева на кафедре всегда носила творческий характер, его лекции насыщались новыми материалами, новыми идеями. Многочисленные ученики С. В. Киселева, ныне уже сложившиеся научные работники, успешно работают сейчас во многих городах Советского Союза и стран народной демократии.

Будучи членом КПСС, С. В. Киселев уделял немало сил и внимания партийной деятельности, в частности руководил работой теоретического семинара по марксистско-ленинской теории для научных сотрудников Института археологии АН СССР.

Смерть унесла талантливого, разностороннего, полного творческих сил историка и археолога, проводившего не только исследовательскую, но и педагогическую, научно-административную и общественную работу.

Все знавшие С. В. Киселева никогда не забудут его обаятельного жизнеутверждающего образа, образа человека большого ума, огромной эрудиции и неиссякаемой энергии, ученого, который всю свою жизнь шел в своих творческих исканиях по пути марксистско-ленинской исторической науки.

Т. С. Пассек

РАБОТА СЕКТОРОВ ИА АН СССР

1. СЕКТОР НЕОЛИТА И БРОНЗЫ В 1961 ГОДУ

Сектор разрабатывал в 1961 г. две проблемы «Развитие первобытно-общинного строя и сложение этнических общностей на территории СССР» и «Развитие социально-экономических отношений у народов Востока».

Исследования по первой проблеме: «История населения Прикамья в эпоху камня и бронзы» (О. Н. Бадер); «Бронзовый век Башкирии» (А. В. Эбруева); «Энеолит Поволжья» (Н. Я. Мерперт); «Кавказ и древности» (в научно-популярном плане, Р. М. Мунчаев); «Поселения Прикубанья эпохи камня и бронзы» (А. А. Формозов); «Древние племена каякентско-хорочоевской культуры Северо-Восточного Кавказа» (В. И. Марковин); «Ранняя история татарских племен Южной Сибири» (Н. Л. Членова); «Памятники бронзового века Верхнего Поднепровья» (И. И. Артеменко).

По второй проблеме работала группа сотрудников под руководством заведующего сектором неолита и бронзы члена-корреспондента АН СССР С. В. Киселева. Работа этого коллектива «Древне-монгольские города» сдана в печать; подготовлен также «Монгольский археологический сборник»³. Эти труды посвящены главной теме — «История Монгольской республики». Одновременно С. В. Киселев работает над большой монографией «Бронзовый век в истории древней Европы и Азии».

В 1961 г. по Своду археологических источников разрабатывались темы: каменные сверленные боевые топоры (А. Я. Брюсов); памятники культуры линейно-ленточной керамики в Восточной Европе (Т. С. Пассек и Е. К. Черныш); фатьяновская культура (Д. А. Крайнов); неолит Приморья (Г. И. Андреев); наскальные изображения Урала (В. Н. Чернецов с участием О. Н. Бадера); клады и случайные находки эпохи бронзы с территории Средней Азии (Е. Е. Кузьмина); металлургия Южной Сибири эпохи энеолита и бронзы (Ю. С. Гришин); археологические памятники субарктической полосы Западной Сибири (В. И. Мошинская); памятники эпохи энеолита и бронзы центрально-черноземной полосы РСФСР (Б. Г. Тихонов); варианты карасукской культуры в Минусинской котловине и ее окрестностях (Н. Л. Членова). Д. А. Крайнов сдал в печать I выпуск Свода «Фатьяновская культура» и в 1961 г. работал над вторым. Т. С. Пассек и Е. К. Черныш сдали выпуск «Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР». В. Н. Чернецов завершил работу над выпуском «Наскальные изображения Урала».

³ «Монгольский археологический сборник». Ред. С. В. Киселев. М., 1962.

В деятельности сектора, помимо его сотрудников (21 человек), принимали участие сотрудники других секторов ИА АН СССР, научные работники различных институтов и музеев. На заседаниях сектора заслушивались доклады и сообщения по различным научным вопросам, полевым исследованиям, по отдельным командировкам.

А. Я. Брюсов прочитал доклад, подготовленный для международного конгресса 1962 г. историков-археологов в Риме, «К вопросу о формировании индоевропейских племен» (11 ноября). Им была представлена стройная картина процессов, происходивших в бронзовом веке на территории Восточной Европы. Большое внимание А. Я. Брюсов уделил взаимоотношениям племен трипольской, ямной, катакомбной, среднеднепровской и других культур.

Д. А. Крайнов в докладе «Тимофеевский могильник» (3 июня) изложил результаты исследования фатьяновского памятника Ивановской области. Для него характерны захоронения в ямах, вытянутых с юга-запада на северо-восток. Некоторые из них были окружены столбами. На дне могил прослеживались следы берестяных сооружений. Скорченные костяки (мужчины на правом, женщины на левом боку) сопровождалась каменными топорами, шаровидными сосудами, кремневыми орудиями. Докладчик относит могильник к памятникам ярославской группы.

С докладом «Ранний период неолита в Зауралье» выступил В. Н. Чернецов (20 мая). Он охарактеризовал ряд памятников IV тысячелетия до н. э. (Чабаркул, Ирбитское озеро 7 и др.), детально остановившись на вопросах связей местных зауральских племен с племенами южного и западноевропейского неолита. Интересно, что зауральские памятники находят аналогии только в районе Узбоя — Акча-Дарьи и в памятниках типа Джебела.

В. Н. Чернецов сообщил также о поисках наскальных изображений в 1960 г. в Западной Сибири (21 января) и о подготовленном им выпуске Свода «Наскальные изображения Урала» (16 декабря).

В. И. Мошинская (29 апреля) познакомила сектор с очень интересным материалом — костяными и роговыми гребнями из Усть-Полюя (Нижнее Приобье). Близкие и многочисленные аналогии эти гребни находят у других народов в субарктической и таежной зонах (например, у ирокезов). Наиболее ранние гребни относятся ко II тысячелетию до н. э. Гребни употреблялись для ритуальных целей.

10 марта с докладами, посвященными абашевской культуре Поволжья, выступили А. В. Збруева, Н. Я. Мерперт и О. Н. Евтюхова.

Н. Я. Мерперт остановился на общих проблемах, связанных с этой темой. Считалось, что абашевская культура — это культура племен бродячих металлургов, рассматривали ее также как поздний этап фатьяновской (вторая половина II тысячелетия до н. э.). Сейчас абашевские памятники обнаружены от Воронежской и Ярославской областей до Чувашии и Башкирии включительно. Датировать абашевские материалы можно серединой II тысячелетия до н. э. А. В. Збруева остановилась на абашевских памятниках Башкирии. О. Н. Евтюхова выступила с анализом абашевской керамики. В прениях А. Я. Брюсов предложил при датировке абашевских памятников учитывать те памятники катакомбной культуры, которые известны на изучаемой территории. О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов остановились на вопросах происхождения культуры. Д. А. Крайнов указал ряд общих черт в абашевских и фатьяновских комплексах. С. В. Киселев предложил выделить внутри культуры локальные и хронологические варианты. Сектор отметил, что в изучении абашевской культуры сделаны значительные успехи. Е. Е. Кузьмина в докладе «О южных границах распространения степных культур в эпоху поздней бронзы» (25 марта) остановилась на находках степного типа в Южной Туркмении и на территории Иранского плато, связывая их со свидетельствами письменных ассирий-

ских и античных источников и данными Авесты о продвижении иранских племен ариев из казахстанско-среднеазиатских степей в Туркмению, Бактрию и Ассирию. Выступившие по докладу (С. В. Киселев, Н. Я. Мерперт, К. Ф. Смирнов, В. С. Титов и др.) отметили большую ценность доклада, указав, однако, на его спорность (спорен вопрос хотя бы о датировке «ва-ликовой» степной керамики — она могла бытовать и в глубокой древности и в позднюю эпоху).

И. И. Артеменко выступил с двумя докладами «О работах Белорусского отряда в 1960 г.» (14 января) и «Племена среднеднепровской культуры» (11 февраля). Оба доклада были посвящены вопросам изучения среднеднепровской культуры, над которыми И. И. Артеменко работает последние годы.

Н. Л. Членова в больших докладах «Скифский олень» (28 февраля) и «Проблема сходства звериного стиля Причерноморья и Сибири в скифское время» (11 ноября) остановилась на интереснейших памятниках «звериного стиля». Н. Л. Членова связывает происхождение изображений оленей со скифо-сакским кругом, считает их тотемными изображениями. Сходные черты в искусстве Причерноморья и Сибири обусловлены сношениями со странами Востока, прежде всего Ахеменидским Ираном и Средней Азией. В обсуждении докладов приняли участие сотрудники скифо-сарматского сектора ИА АН СССР и ГИМа. В прениях (выступали В. Н. Чернецов, К. Ф. Смирнов, А. Я. Брюсов, С. В. Киселев, И. Р. Яценко и др.) оба доклада получили высокую оценку.

Несколько заседаний было посвящено полевым исследованиям. О. Н. Бадёр сообщил (25 ноября) о своих работах в Каповой пещере Башкирского заповедника. Подлинными древними рисунками можно считать только изображения, сделанные красной краской. Удалось выделить группу наплывов, ранее принятых за древние рисунки. Изображения в нижнем отделении пещеры относятся к мезолиту или неолиту, в верхнем — палеолиту.

А. А. Формозов сообщил (25 ноября) о работах в Прикубанье — исследование пещеры у ст. Каменноостской. Нижний слой ее дал верхнепалеолитический материал, средний — неолитический, а верхний — находки времени майкопской культуры. К этой же культуре относится и поселение, обнаруженное у хутора Веселого.

Г. И. Андреев сделал сообщения о работах в Лазовском, Ольгинском и других районах Приморья в 1960 г. (22 апреля). Обнаружены так называемые раковинные кучи — следы неолитических поселений. Велись раскопки на поселениях (Судзухо 2, 3) в бухте Валентина и др.

Н. Я. Мерперт доложил (4 ноября) о результатах Советско-Болгарской экспедиции 1961 г. Раскопки велись в Южной Болгарии у г. Нова Загора. На Дипсийском поселении был вскрыт мощный культурный слой эпохи бронзы с девятью строительными горизонтами. Отсутствие разрыва между этими горизонтами и энеолитическим слоем позволяет говорить о преемственности между ними. В процессе раскопок вскрыты остатки глинобитных домов, очаги.

П. Д. Либеров (сектор раннего железа) прочитал доклад «Курганы и поселения эпохи бронзы в урочище «Частые курганы» (4 марта). Здесь между селами Подгорным и Подклетным (Воронежская область) были исследованы, как считает автор, памятники трех культур: катакомбной, срубной и абашевской. Выступившие С. В. Киселев, Н. Я. Мерперт, Т. Б. Попова, Л. П. Зяблин, Д. А. Крайнов, О. Н. Бадёр отметили необходимость дальнейших работ и накопления большего материала с тем, чтобы четче выделить комплексы трех названных докладчиком культур.

Ю. В. Кухаренко (сектор раннего железа) доложил (18 февраля) о памятниках мезолита, неолита и эпохи бронзы Полесья, вошедших уже в подготовленный докладчиком выпуск САИ.

В. М. Массон (сектор средней Азии и Кавказа) прочитал доклад «Культура ранних земледельцев Южной Туркмении и ее ближневосточные параллели» (11 марта). Автор прослеживает развитие земледельческих поселений Южной Туркмении. На наиболее раннем из них — Джейтун (V тысячелетие до н. э.) открыты небольшие дома парных семей. Судя по находкам, в Джейтуне земледелие сочеталось с охотой. В более позднюю эпоху на поселениях времени Намазга II (Геоксюр 1) вместо небольших домов появляются многокомнатные дома-массивы. Подобные явления отмечены и на Востоке (Хассуна I, IV, V и др.) Такие изменения связываются с успехами земледелия и ирригации в IV тысячелетии до н. э., с влиянием ближневосточных культур. Выступившие по докладу (С. В. Киселев, Т. С. Пассек) отметили важность работ по изучению южноземледельческих культур.

Раскопкам поселения Геоксюр 5 посвятил свое сообщение В. И. Сарияниди (25 ноября). Сектор принял решение продолжать раскопки этого памятника.

С докладом «Карта неолитических памятников Казахстана» выступил (25 февраля) С. С. Черников (сектор Средней Азии и Кавказа). По мнению докладчика, картографирование находок позволяет поставить вопрос «о сосуществовании на каком-то отрезке времени андроновских и неолитических племен». Против этого положения выступил Д. А. Крайнов, указав на то, что С. С. Черниковым используется материал дюнных, развеечных стоянок. В таких случаях находки довольно трудно расчленить.

В 1961 г. сотрудники сектора производили раскопки и разведки в разных областях нашей страны; Н. М. Мерперт участвовал в Советско-Болгарской экспедиции, а затем был командирован в ОАР для участия в археологических работах в Египте.

Как в предшествующие годы, ряд иностранных ученых посетили в 1961 г. Институт археологии АН СССР. Это профессора Лухо из Финляндии, Б. Новотный и Ю. Барта из Чехословакии, Гриффин и Вормингтон из США, Г. Георгиев из Болгарии. Их работа проходила в тесном контакте с сотрудниками сектора. Профессор Г. Георгиев принимал участие в работе Молдавской археологической экспедиции во Флорештах.

В. И. Марковин.

2. СЕКТОР ПАЛЕОЛИТА В 1960—1962 гг.

В течение последних двух лет сектор палеолита продолжал заниматься разработкой тем, входящих в общую проблему истории первобытной культуры в палеолитическое и неолитическое время.

По общим и частным вопросам развития культуры каменного века в связи с изучением памятников этого времени на разной территории нашей страны сотрудники сектора прочитали 40 докладов, среди которых наиболее оживленный обмен мнений вызвали доклады А. Н. Рогачева («Некоторые вопросы техники расщепления кремня в палеолите»), Г. П. Григорьева («Костенки и Селет»), В. Е. Ларичева («Палеолит Китая»).

По мнению А. Н. Рогачева, существование различных способов расщепления и вторичной обработки кремня на одной и той же территории показывает наличие этнографических (этнических) особенностей. Выступивший в прениях С. А. Семенов указал, что этнографические материалы, в частности этнография австралийцев, не дают оснований для обязательной связи изменений в технике расщепления кремня с этническими изменениями. В целом сектор признал основные положения доклада А. Н. Рогачева заслуживающими внимания и отметил необходимость дальнейших исследований в плане, предложенном докладчиком.

Г. П. Григорьев в своем докладе обосновал локальный вариант селетской культуры, ее строгую территориальную ограниченность и типологическое отличие от прочих солютрейских культур. Селетская культура, по мнению Г. П. Григорьева, не распространена на территории Русской равнины. Сектор признал важность затронутых в докладе вопросов и необходимость продолжения исследований, отметив, однако, некоторые увлечения докладчика частными особенностями и недооценку общих закономерностей развития палеолитической культуры.

В. Е. Ларичев на основе литературных данных проанализировал каменную индустрию нескольких нижнепалеолитических местонахождений Северного Китая (Чжоукоудян 1, Чжоукоудян 15 и др.)

В результате обмена мнений сектор отметил интересную и смелую постановку докладчиком вопросов о характере и происхождении нижнепалеолитической культуры Северного Китая, одновременно указав на необходимость привлечения большего материала для доказательства выводов автора.

На заседании сектора обсуждалась рукопись книги П. И. Борисовского «Очерки по палеолиту Костенок». Это монографическое исследование посвящено четырем палеолитическим поселениям (Аносовка I, Костенки II, Костенки XVII, Костенки XIX), а также проблеме источников костенковского кремня. При обсуждении С. А. Семенов отметил необходимость уточнения археологической терминологии, поскольку совершенно неясно, что выражают такие распространенные термины, как «срединные резцы», «многофасеточные резцы» и т. д. С. А. Семенов поднял также принципиальный вопрос о методе и о границах привлечения этнографических параллелей (при анализе погребения из Костенок II). Едва ли правильно при рассмотрении, например, охотничьих племен привлекать материалы, относящиеся к земледельцам. М. Э. Паничкина и Е. А. Векилова отметили недостаточную убедительность тезиса П. И. Борисовского о Костенковских стоянках, как о местах, куда сходились в определенные периоды палеолитические племена из разных мест. В целом сектор дал положительную оценку работе и рекомендовал ее к печати.

В области неолита заслуживает внимания доклад Р. В. Козыревой «Неолитические поселения юго-западного побережья о-ва Сахалина». Р. В. Козырева расчленяет неолитические поселения с раковинными кучами юго-западного побережья Сахалина на два хронологических этапа. Для более древнего этапа характерно сосуществование остро- и круглодонной посуды с плоскодонной, для позднего — бытование только плоскодонной. Докладчик связывает стоянки древнего этапа с раковинными кучами о-ва Хоккайдо и отмечает в то же время их близость эскимосским культурам Севера. Время существования этих стоянок — I тысячелетие до н. э. Позднюю группу Р. В. Козырева сближает со стоянками охотской культуры позднего этапа и датирует их I тысячелетием н. э.

Доклад Л. Я. Крижевской «Неолитические поселения в Южном Предуралье» был посвящен обзору этих памятников, их хронологии и связям с соседними территориями Урала и Зауралья. Докладчик выделяет две группы поселений — более древнюю, связанную с камско-чусовской неолитической культурой второй половины III тысячелетия до н. э., и более позднюю, относящуюся к рубежу III и II тысячелетий и началу II тысячелетия до н. э. Для последней характерна керамика восточно-уральского облика, что дает основание для сближения неолитических поселений Южного Предуралья с восточно-уральской (горбуновской) неолитической культурой.

На заседаниях сектора были заслушаны также доклады сотрудников других секторов и учреждений.

Большой интерес вызвали два доклада О. Н. Бадера об исследованиях им Каповой пещеры. Сектор единодушно отметил бесспорность палеолити-

ческого возраста открытой в этой пещере наскальной живописи, а также поставил перед докладчиком ряд вопросов, на которые желательно обратить внимание при дальнейших работах. Так, например, какова техника нанесения рисунка, что собой представлял инструмент, каков химический анализ краски и другие вопросы, касающиеся способов и приемов изготовления рисунков.

С большим вниманием сектор заслушал два доклада В. И. Канивца (Коми филиал АН СССР) о раскопках верхнепалеолитической стоянки в пещере на р. Печоре — самом северном памятнике палеолитического времени, известном на территории СССР. Богатая и разнообразная фауна — 20 видов плейстоценовых млекопитающих — и комплекс кремневых орудий позволяют предположительно определить дату памятника домадленским временем.

П. Н. Третьяков прочитал доклад «У истоков этнической истории финно-угорских племен в восточной Европе», посвященный вопросу сложения прото-финской этнической общности в конце III — начале II тысячелетия до н. э. По мнению докладчика, основным компонентом в сложении этой общности было охотничье-рыболовческое население Прикамья и Урала, движение которого в это время шло в западном направлении. Отчетливые следы этого движения П. Н. Третьяков усматривает в неолитических культурах и культурах эпохи бронзы Верхнего Поволжья и нижней Оки, перекрывающих более древнюю неолитическую культуру с ямочной керамикой. Весьма показательно, что распространение уральско-камских культурных элементов наблюдается в пределах всей той территории, которая в последующее время выступает как финно-угорская.

Сектор признал весьма интересной гипотезу докладчика о камско-уральском происхождении позднепалеолитических культур Волго-Окского бассейна, но отметил некоторые спорные положения, касающиеся, например, вопроса о распространении некоторых камско-уральских элементов культуры, например, четырехугольной формы жилищ и изображений водоплавающих птиц на керамике, а также невыясненность вопроса о происхождении культуры сперрингс, которая разными исследователями выводится с разных территорий.

На заседаниях сектора выступили также иностранные ученые: К. Однер (Осло, Университет) познакомил сектор с работой норвежских археологов, проводимой ими с 1953 г. на территории Финмаркена; Р. Шильд (Институт археологии АН, Польша) прочитал доклад об изучении мезолита в Польше, осветив новейшие открытия в этой области, остановившись также на методике исследования и установления датировок.

Экспедиционные исследования проводились под руководством сотрудников сектора в соответствии с разрабатываемыми темами. Палеолитическая экспедиция под руководством А. Н. Рогачева продолжала изучение поселений в Костенках. Проводились большие работы по консервации открытого на поселении Аносовка II древнего жилища.

Одесский палеолитический отряд под руководством П. И. Борисковского закончил исследования своеобразного поселения Большая Аккаржа под Одессой, материалы которого позволяют ставить вопрос об особой позднепалеолитической культуре степей Северного Причерноморья и Приазовья.

Исследования по палеолиту Кавказа проводились Югоосетинской экспедицией под руководством В. П. Любина и Северокавказским отрядом под руководством Е. А. Векиловой и М. Э. Паничкиной.

В. П. Любин закончил раскопки центральной камеры пещеры Кударо I. При разведывательных работах обнаружено первое на северном склоне Большого Кавказа ашельское местонахождение, а также несколько мустерских памятников.

Северокавказский отряд проводил раскопки многослойной палеолитической Ахштырской пещеры¹, исследования которой были начаты С. Н. Замятниным. В процессе раскопок были уточнены некоторые вопросы стратиграфии и собран выразительный материал из разных слоев и в особенности из мустерских.

В области неолита продолжались исследования в Верхнем Поволжье и на Южном Урале. Верхневолжская экспедиция под руководством Н. Н. Гуриной проводила работы на Волге в районе Ржева и Старицы и на прилегающих озерах. За два полевых сезона открыты и изучены поселения, давшие весьма существенный материал для разрешения некоторых вопросов, связанных с проблемой макролитов².

Южноуральская экспедиция под руководством Л. Я. Крижевской проводила раскопки большого неолитического поселения на оз. Чебаркуль в Челябинской обл. Богатый и выразительный материал, позволяющий охарактеризовать каменную индустрию южноуральского неолита, получен с раскапываемой стоянки и с многочисленных стоянок, обнаруженных на соседних озерах.

В составе Красноярской экспедиции работал палеолитический отряд под руководством Э. А. Абрамовой и неолитический отряд под руководством Н. Н. Гуриной. Отрядом Э. А. Абрамовой исследовались палеолитические стоянки Забочка и Киперный Лог, расположенные в среднем течении р. Енисей. Отрядом Н. Н. Гуриной раскапывалось многослойное поселение в устье р. Бирюсы (приток Енисея), верхние слои которого, относящиеся к эпохе неолита, содержали большое количество бытовых комплексов. Нижние слои поселения относятся к палеолиту.

Дальневосточная экспедиция под руководством А. П. Окладникова производила изучение позднепалеолитического (мезолитического) поселения-мастерской на Титовской Сопке. Закончено исследование поселения эпохи раковинных куч на полуострове Песчаном у Владивостока. Осуществлено археологическое обследование Среднего Амура и бассейна р. Зеи.

С марта 1960 г. по март 1961 г. П. И. Борисковский вел археологическую работу в Демократической Республике Вьетнам в качестве преподавателя-консультанта Ханойского Университета. Помимо чтения лекций и помощи в организации научной работы, П. И. Борисковским вместе с вьетнамскими археологами были проведены полевые работы в провинциях Тхань-Хоа, Хоа-Бинь, Ланг-Шон и в окрестностях Дын Бын Фу. В результате этих работ открыты: первое на территории Вьетнама древнепалеолитическое местонахождение на горе До, неолитическая камнеобрабатывающая мастерская Донг-Кхой и несколько мезолитических и неолитических стоянок в пещерах.

Сотрудниками сектора были подготовлены и сданы в печать следующие крупные работы.

А. П. Окладников — «Поселение эпохи раковинных куч на полуострове Песчаном». Эта работа, объемом 30 а. л., — монографическое исследование, посвященное одному из важнейших памятников, дающих наиболее полное представление об оригинальной культуре раковинных куч и определенном этапе древней истории Советского Дальнего Востока. В монографии освещена материальная культура обитателей поселения и поставлен вопрос о ее генезисе; подчеркнуто своеобразие исторического процесса на Дальнем Востоке.

П. И. Борисковский — «Очерки по палеолиту Костенок». Монографическое исследование объемом 25 а. л., посвященное публикации материалов

¹ См. статью М. Э. Паничкиной и Е. А. Векиловой в настоящем выпуске Кратких сообщений.

² См. статью Н. Н. Гуриной в настоящем выпуске Кратких сообщений.

четырёх палеолитических поселений в Костенках, среди которых одно содержит остатки жилища и сидячее погребение кроманьонца, а второе даёт классическую стратиграфию напластований. На основе исследований этих памятников автор поднимает и частично разрешает общие вопросы периодизации палеолита СССР.

Подготовлен сборник «Труды Горьковской экспедиции» (объём 25 а. л.), в основе которого — материалы работ экспедиции 1954 г. Публикуются памятники Костромского Поволжья, относящиеся к различным эпохам (неолит, ранний металл и эпоха железа). На основе публикации авторами ставятся вопросы хронологии неолита и последующих эпох, а также поднимаются некоторые вопросы финно-угорской проблемы.

Л. Я. Крижевская.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БКИЧП	— Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЗИН	— Институт зоологии
ИРГО	— Известия русского географического общества
КИЧП	— Комиссия по изучению четвертичного периода
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
САИ	— Свод археологических источников
СА	— Советская археология.
МОИП	— Московское общество испытателей природы.
РАО	— Русское археологическое общество
ИЭ	— Институт этнографии АН СССР
ГИН	— Институт геологических наук АН СССР

ПОПРАВКА

В выпуске 88 КСИА АН СССР, в тексте обсуждения доклада В. С. Титова, на стр. 25 допущена неправильная формулировка.

А. Я. Брюсов не считает важнейшим признаком начала неолита появление керамики. Точка зрения А. Я. Брюсова подробно изложена в его работе «Очерки по истории племен Европейской части СССР», М., 1952, стр. 6.

Редакция

СОДЕРЖАНИЕ

I. Итоги и задачи

- А. Н. Рогачев. Основные итоги и задачи изучения палеолита Русской равнины 3

II. Доклады и дискуссии

- А. Н. Рогачев. Об аносовско-мезинском типе палеолитических жилищ Русской равнины 12
Р. Е. Гитерман. Стратиграфическое значение спорово-пыльцевых спектров четвертичных отложений низовьев р. Чусовой 18
Н. Н. Гурина. К вопросу о макролитах Верхней Волги 24

III. Полевые и лабораторные исследования

- В. П. Любин. Новое о нижнем палеолите Северной Осетии 29
М. Э. Паничкина, Е. А. Векилова. Исследование Ахштырской пещеры в 1961 г. 37
И. И. Коробков. Разведочные работы в Хостинских пещерах в 1961 году (Черноморское побережье Кавказа) 44
В. П. Любин, Н. О. Бадер, В. И. Марковин. Первые местонахождения орудий каменного века в Чечено-Ингушетии 51
В. А. Месяц. Находки древнепалеолитических орудий в районе Житомира 54
Л. М. Тарасов. Новые раскопки на стоянке Гагарино 56
А. А. Крылова, И. М. Павлюченко. Орудия каменного века в Горном Алтае 61
З. А. Абрамова. Раскопки палеолитических стоянок на речке Таштык, в 1960 г. 65
Н. П. Пядышев, Л. П. Хлобыстин. Новая стоянка в Печерском Заполярье 71
В. П. Левенок. Ранненеолитическая стоянка у с. Долгое на Верхнем Дону 76
Е. К. Черныш. Неолитическое поселение у с. Торское на Днестре 83
И. В. Гаврилова. Неолитическая стоянка Кочище на оз. Селигер 87
Г. Н. Матюшин. Новые неолитические памятники Башкирии 91
Г. М. Ковнурко. К изучению свойств кремня 97
Н. Г. Блохина, Г. Н. Лисицына. Из работ по определению дерева и углей, найденных при раскопках 100

IV. Хроника

- Памяти Сергея Владимировича Киселева (Т. С. Пассек) 103
Работы секторов ИА АН СССР 105
Сектор неолита и бронзы в 1961 г. (В. Марковин) 105
Сектор палеолита в 1960—1961 гг. (Л. Я. Крижевская) 108
Список сокращений 113

**Краткие сообщения о докладах
и полевых исследованиях Института археологии
выпуск 92**

Исследование памятников каменного века»

*Утверждено к печати Институтом археологии
Академии наук СССР*

*Редактор издательства Воробьева М. Г.
Технический редактор О. Г. Ульянова*

РИСО АН СССР 8—30В. Сдано в набор 26/IX 1962 г.
Подписано к печати 26/X 1962 г. Формат 70 × 108^{1/16}
Печ. л. 1—7^{1/4}. Усл. печ. л. 9,93. Уч.-изд. л. 9,1.
Тираж 1300 экз. Т 15419. Изд. № 1166 Тип. зак. № 1206
Цена 55 к.

Издательство Академии наук СССР,
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР.
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
84	5 сн.	7,2 × 5 см	7,2 × 1,5 см
86	4 св.	линий ромбов	линий, ромбов